

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2018
1 (35)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2018
1 (35)
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2018
1 (35)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балаяникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2018

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2018

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2018

© Авторы, 2018

Подписано в печать 15.03.2018. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Libov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.
4 issues per year. The journal has been published since 2003.
All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2018
© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2018
© Moscow International Academy, 2018
© Authors, 2018

IN MEMORIAM

Н.Д. Арутюнова.....10

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ахутина Т.В., Агрис А.Р. (Москва, Россия) Ранние этапы исследования семантической афазии в работах А.Р. Лурии.....14

Залевская А.А. (Тверь, Россия) О психолингвистической проекции трудов Ч.С. Пирса.....28

Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Лещенко Ю.Е. (Пермь, Россия) Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей.....39

Козловская Е.А. (Омск, Россия) Цветовой эксперимент как метод выявления особенностей восприятия гетерогенных составляющих полимодального текста рекламного ролика.....54

Лупанова Е.В. (Москва, Россия) Сленг военной субкультуры США.....70

Романов А.С. (Москва, Россия) Застольные благопожелания в контексте этнокультурной стереотипизации социально-профессиональной среды военнослужащих США.....84

Шляхова С.С. (Пермь, Россия) О состоянии фоносемантики в России. Часть первая. Проблемы в области исследования лингвистического иконизма.....99

Юрьева Н.М. (Москва, Россия) Интерактивный компонент в механизме порождения нарратива детьми.....115

ДИСКУССИИ

Ставицкий А.В. (Севастополь, Россия) Структура мифа по К. Леви-Строссу: опыт несостоятельного.....126

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Разумкова А.В. (Калуга, Россия) Гетеростереотипные представления татар и коми (зырян) о национальном характере и поведении русских.....140

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Дебрени Мишель (Новосибирск, Россия) Проект «Французский ассоциативный словарь 2.0».....150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Общероссийский семинар «Русский научный язык» (Дубна, 2018 г.)

Нечипоренко Ю.Д. (Москва, Россия) Язык российской науки.....168

Пильгун М.А. (Москва, Россия) Русская научная речь: статус и перспективы развития.....169

Шапошникова И.В. (Новосибирск, Россия) К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере.....173

Дмитрюк С.В. (Москва, Россия) III Международная научная конференция «От билингвизма к транслингвизму: про и контра».....192

РЕЦЕНЗИИ

- Дьяченко Г.В.** (*Москва, Россия*) Рецензия на монографию
Вдовиченко А.В. «Казус “языка” Септуагинты и Нового Завета:
Лингвистический метод “за” и “против” авторов» (М.: Издательство ПСТГУ,
2016. 288 с.).....194
- Шаховский В.И.** (*Волгоград, Россия*) Может ли лингвистика повлиять
на ход психологической войны? (Лингвистические заметки о коллективной
монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: моногра-
фия. Книга 1 / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова (и др.); под
ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер.ун-т, 2017. 340 с.).....201

IN MEMORIAM

Nina D. Arutyunova.....10

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Tatiana V. Akhutina, Anastasia R. Agris (*Moscow, Russia*) Early Studies of Semantic Aphasia in the Work of A. R. Luria.....14

Alexandra A. Zalevskaya (*Tver', Russia*) A Psycholinguistic Projection of Peirce's Sign Theory.....28

Konstantin I. Belousov, Elena V. Erofeeva, Yuliya E. Leshchenko (*Perm, Russia*) Field Principle of Mental Lexicon Organization and Scenarios of Fields Activation.....39

Ekaterina A. Kozlovskaya (*Omsk, Russia*) Color Experiment as a Method to Detect Peculiarities of Heterogeneous Components Perception in Polymodal Text of Advertising Video.....54

Ekaterina V. Lupanova (*Moscow, Russia*) US Military Subculture Slang...70

Alexander S. Romanov (*Moscow, Russia*) GI Toasts within the Context of the Ethno-cultural Stereotypization of the US Military Socio-Professional Environment.....84

Svetlana S. Shlyakhova (*Perm, Russia*) O Phonosematics in Russia. Part one. Problems of linguistic iconicity research.....99

Nadezhda M. Yurieva (*Moscow, Russia*) Interactive Component in Generation of Narrative by Children.....115

DISCUSSION

Andrey V. Stavitsky (*Sevastopol', Russia*) The Structure of Myth by C. Levi-Strauss: Invalid Experience.....126

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Anna V. Razumkova (*Kaluga, Russia*) Tatars and Komis' Heterostereotypical Notions of Russians' national Character and Behavior.....140

PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS IN THE REGIONS OF RUSSIA

Debrenne Michèle (*Novosibirsk, Russia*) A French Dictionary of Word Associations 2.0.....150

SCIENTIFIC LIFE

All-Russia Seminar "The Russian Language of Science" (Dubna, 2018)

Yuri D. Nechiporenko (*Moscow, Russia*) The Russian Language of Science.....168

Maria A. Pilgun (*Moscow, Russia*) Scientific Russian Speech: Status and Perspectives.....169

Content

Irina V. Shaposhnikova (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Issue of Language Policy in Science and Education.....	173
Sergey V. Dmitryuk (<i>Moscow, Russia</i>) 3 rd International Conference on Bilingualism and Translingualism.....	192

REVIEW

Galina V. Dyachenko (<i>Moscow, Russia</i>) A Review on the Monograph by Andrey V. Vdovichenko “The Language Casus of Septuagint and the New Testament” (Moscow: St. Tikhon’s Orthodox University, 2016. 288 P.).....	194
Viktor I. Shakhovskii (<i>Volgograd, Russia</i>) Can Linguistics Influence the Course of Psychological War? (A Review of Joint Monograph “Linguistics of Information and Psychological War. Volume I.” by Bernatskaya, A.A., Yevseyeva, I.V., Kolmogorova, A.I. et al., ed. by Prof. Skovorodnikov A.P., Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2017. 340 P.).....	201

НИНА ДАВИДОВНА АРУТЮНОВА
1923 – 2018

17 февраля 2018 года на 95-м году жизни ушла из жизни Нина Давидовна Арутюнова – член-корреспондент Российской академии наук, иностранный член Армянской академии наук, лауреат Государственной премии, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, доктор филологических наук, блестящий лингвист-теоретик, специалист в самых разных областях – русского, романского, английского и общего языкознания, теории и философии языка, выдающийся организатор науки, ученый с мировым именем.

Как написала когда-то о себе она сама: «Нина Давидовна Арутюнова родилась давно, в Москве» («Язык и мир человека», М., 1998). В 1945 г. окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Первое время преподавала английский язык на Курсах иностранных языков № 2 (1946–1949), затем в МГИМО при МИД СССР (1949–1954). Прошла подготовку в аспирантуре Института языкознания АН СССР (сегодня РАН), здесь защитила кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Научным руководителем Н.Д. Арутюновой по кандидатской диссертации был знаменитый специалист в области иберо-романских языков акад. В.Ф. Шишмарёв, а консультантом – Д.Е. Михальчи. Эту диссертацию под названием «Сложные имена существительные и способы их образования в испанском языке» Н.Д. Арутюнова защитила в 1953 г., тщательно описав словообразовательные процессы испанского языка. Результаты этого исследования позже были опубликованы в книге «Очерки по словообразованию в современном испанском языке» (М., 1961), до сих пор не утратившей своей ценности не только для исследования и преподавания испанского языка, но и для теории словообразования как раздела грамматики. Другая книга этого же периода – «Трудности перевода с испанского языка на русский» (М., 1965) – также неоднократно переиздавалась и до сих пор актуальна: остались и трудности перевода, и очень полезные способы преодолеть эти трудности.

Докторскую диссертацию Нина Давидовна защитила в 1975 г. Тема ее совпадает с названием книги, вышедшей годом позже: «Предложение и его смысл (Логико-лингвистические проблемы)» (М., 1976). Этот труд на многие годы стал бестселлером, индекс цитирования его просто зашкаливает. Тонкости устройства живых высказываний получили в этой книге глубокое освещение и продемонстрированы на очень интересных примерах из художественной литературы и из обыденной речи. Начиная иногда с частных замечаний о структуре предложения, о семантике слов, Н.Д. Арутюнова делает очень важные выводы о том, как люди говорят о своем внутреннем мире. Например: «Говоря о психике, мы вообще склонны экстерииоризировать ее составляющие – чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим “я” в определенные, дружеские или враждебные, отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя. Компоненты психической жизни взаимодействуют не только с нашим “я”, они завязывают отношения друг с другом, образуя заговор, бунтуя, делая человека своим рабом, или, напротив, вступая между собой в конфликт. Известно, например, сколь не ладят между собой рассудок

и сердце, совесть и желание, душа и страсти, надежда и опыт, как стремится разум победить эмоции и как часто терпит в этой борьбе поражение» (с. 94).

В этом треугольнике рассудок и сердце Нины Давидовны никогда не враждовали между собой, жили в гармонии с ее «я» и благорасположены были к внешнему миру. В ответ на эту симпатию все, кто хоть немного знал Нину Давидовну, испытывали к ней восхищение и любовь. Ее сверстники – друзья, коллеги по сектору общего языкознания (сегодня называемому сектором теоретического языкознания) – часто называли Нину Давидовну детским именем «Ниночка. И имя это ей очень шло, потому что чистота мировосприятия в ней всегда сочеталась с мудростью и глубиной суждений.

Нина Давидовна подарила научному миру множество остроумнейших мыслей о сущности языка и общения, о логике и просто о жизни. Эти мысли рассыпаны в многочисленных научных статьях, из которых собирались её монографии. Все мы любим такие её книги, как «Русское предложение. Бытийный тип» (в соавторстве с Е.Н. Ширяевым. М., 1983), «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт» (М., 1988), «Язык и мир человека» (М., 1998), «Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка» (М., 2007).

Учениками Нины Давидовны Арутюновой считают себя не только те, кому посчастливилось быть ее аспирантами и докторантами, но и слушатели лекций Нины Давидовны в разных вузах, слушатели ее докладов на международных конференциях, филологи из разных стран, а главное, участники знаменитых – *арутюновских* – семинаров.

В 1986 году Ниной Давидовной Арутюновой была создана Проблемная группа «Логический анализ языка», – по сути, новое проблемное поле в лингвистике, на многие годы вперед объединившее отечественных и зарубежных ученых в исследовании языка и культуры – участников семинаров и конференций. По итогам этих особых, *арутюновских*, конференций, начиная с 1988 г., издано 29 сборников знаменитой серия «ЛАЯ» с «корабликом» на обложке. В статьях Н.Д. Арутюновой, открывающих сборники, исчерпывающе изложено понимание проблемы и заданы «научные координаты» всего поля исследования.

Сборники серии ЛАЯ являются, все без исключения, легендарными изданиями. Это «Прагматика и проблемы интенциональности» (1988), «Знание и мнение» (1988), «Референция и проблемы текстообразования» (1989), «Тождество и подобие. Сравнение и идентификация» и «Противоречивость и аномальность текста» (1990), «Культурные концепты» (1991), «Модели действия» (1992), «Ментальные действия» (1993), «Язык речевых действий» (1994), «Истина и истинность в культуре и языке» (1995), «Язык и время» (1997), «Образ человека в культуре и языке» (1999), «Языки динамического мира» (1999), «Языки этики» (2000), «Языки пространств» (2000), «Семантика начала и конца» (2002), «Космос и хаос» (2003), «Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного» (2004), «Квантификативный аспект языка» (2005), «Концептуальные поля игры» (2006), «Языковые механизмы комизма» (2007), «Между ложью и фантазией» (2008), «Ассерция и негация в языке» (2009), «Моно-, диа-, полилог в языках и культурах» (2010), «Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее» (2011), «Перевод художественных текстов в разные эпохи» (2012), «Адресация дискурса» (2012),

«Числовой код в разных языках и культурах» (2014), «Информационная структура текстов разных жанров и эпох» (2016), «Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке» (2017).

Также к серии можно присоединить родственные ей сборники, которые вышли при возглавляющем участии Нины Давидовны Арутюновой – «Понятие судьбы в контексте разных культур» (1994) и «Язык о языке» (2000).

Нина Давидовна была блестящим ученым, прекрасным собеседником, принципиальным человеком. Быстрота и блеск ее ума всегда поражали, обаяние ее личности, притягательность речи всегда собирали вокруг нее коллег, друзей и учеников. Влияние работ Н.Д. Арутюновой на современный синтаксис и семантику невозможно переоценить. Нина Давидовна познакомила нас с лингвистической прагматикой. Кроме лингвистики Нина Давидовна прекрасно знала литературу, она легко читала труды по логике и философии, любила и знала поэзию, безмерно любила испанский язык.

Долго дарила нам Нина Давидовна свой талант, мудрость, умение судить о науке и о людях. Н. Д. Арутюнова – это эпоха в лингвистике и в жизни Института языкознания.

В. З. Демьянков, доктор филологических наук, профессор
М. Л. Ковшова, доктор филологических наук
Т. Е. Янко, доктор филологических наук, профессор

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-14-27

РАННИЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АФАЗИИ В РАБОТАХ А.Р. ЛУРИИ¹

Ахутина Татьяна Васильевна

доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета
психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
akhutina@mail.ru

Агрис Анастасия Романовна

кандидат психологических наук,
педагог-психолог высшей квалификационной категории,
школьный нейропсихолог, АНО «ШКОЛА «ПРЕЗИДЕНТ»
143082, Московская обл., Одинцовский район, д. Жуковка, Ильинский
подъезд, д. 2, стр. 1
agris.anastasia@gmail.com

Статья описывает историю изучения семантической афазии всемирно известным нейропсихологом А.Р. Лурией. В ней используются редкие материалы из архива ученого, хранящиеся на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Механизмы семантической афазии дискутируются уже столетие. А.Р. Лурия внес существенный вклад в их изучение, поэтому становление его точки зрения на этот вопрос вызывает закономерный интерес. В ранний период изучения афазий А.Р. Лурия тесно сотрудничал с Л.С. Выготским, создателем культурно-исторической психологии. До-харьковский и харьковский периоды работы Лурия представлены в архиве протоколами обследования больных с 1929 по 1933 годы. Их анализ позволяет проследить разработку диагностических методов исследования понимания ЛГК, которые позже станут классическими нейропсихологическими пробами. Следующий период творчества ученого, связанный с работой в Институте нейрохирургии (1937-1939 гг.), отражен в архиве незаконченной и неизданной монографией «Теменная (семантическая) афазия» (Москва, 1940. 219 стр.). Книга содержит три разных обзора литературы – от неврологии до лингвистики, которые позволяют проследить, под влиянием каких точек зрения формировались взгляды А.Р. Лурии на семантическую афазию. Она раскрывает мнение Лурии о роли симультанного пространственного синтеза в обеспечении понимания сложных ЛГК. В статье обсуждаются сходство и различия взглядов ученого на структуру синдрома семантической афазии в его ранних и более поздних работах.

Ключевые слова: семантическая афазия, теменно-височно-затылочные отделы, А.Р. Лурия, нейропсихология, нейролингвистика, история психологии

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ №16-06-12016 в «Информационная система “Электронный архив А.Р. Лурия”».

Научное наследие Александра Романовича Лурии (1902-1977), основателя отечественной нейропсихологии, до сих пор далеко не полностью известно научному сообществу и нуждается в изучении. Огромную ценность в этой связи представляют материалы научного архива ученого. В настоящее время большая часть архивных материалов хранится в семье А.Р. Лурии (хранитель Е.Г. Радковская). Другую часть архива сохраняла Е.Д. Хомская, известная ученица А.Р. Лурии. После ее смерти архив был передан в лабораторию нейропсихологии МГУ имени М.В. Ломоносова (рук. Т.В. Ахутина). С 2015 года сотрудники факультета психологии МГУ и лаборатории нейролингвистики НИУ ВШЭ (рук. О.В. Драгой) переводят эту часть архива в электронную форму.

Среди документов архива имеются материалы, позволяющие проследить историю изучения А.Р. Лурией синдрома семантической афазии. Эта форма афазии привлекла внимание Лурии еще в конце 20-х годов. К этому моменту неврологами выделялись 3 основные формы афазии – моторная (афазия Брока), сенсорная (афазия Вернике) и семантическая (или амнестическая), о природе которой уже не одно десятилетие велись споры. История изучения семантической афазии представлена в архиве протоколами обследования больных с 1929 по 1933 годы и неизданными монографиями «Теменная (семантическая) афазия» (Москва, 1940) [Лурия 1940] и «Очерки по теории травматических афазий» (Кисегач, 1943) [Лурия 1943], электронные копии которых с любезного согласия Е.Г. Радковской были присоединены к факультетскому архиву.

Комментируя начало занятий афазией, А.Р. Лурия в своей научной автобиографии писал, что его и Выготского первоначальные представления о работе мозга находились под сильным влиянием английского невролога Генри Хэда [Head 1926: 117–118]. Хэд считал, что афазия вызывает снижение интеллекта, потому что мышление вместо речевого опосредования должно опираться на примитивные, непосредственные связи между предметами и действиями. Это мнение настолько совпадало с разграничением опосредованных и естественных процессов, принятым в подходе Выготского, что вначале Выготский и Лурия вслед за Хэдом думали, что из-за нарушения речи человек вынужден действовать в ответ на стимулы непосредственным, крайне упрощенным образом. Эти гипотезы Лурия потом назовет «наивными» [Лурия 1982: 43] и напишет: «мы очень сильно упрощали как сущность афазии, так и интеллектуальные процессы у больных с поражением мозга... Эти ранние экспериментальные исследования вселяли оптимизм, но одновременно они показывали, как много нам надо учиться, если мы хотим взяться за изучение распада высших психических функций. Мы решили взяться за изучение мозга и его функциональной организации и проводить главным образом клинические исследования вместо экспериментальных» [Лурия 1982: 118, 121].

Этот ранний период изучения семантической афазии представлен протоколами исследования больного Авт. в Клинике нервных болезней 1-го МГУ. В архиве хранится отдельная папка на несколько сотен страниц с медицинской картой пациента, подробными описаниями результатов его диагностики и наблюдениями за разные годы.

Больной Авт., мужчина 44 лет, имевший высшее экономическое образование и владевший несколькими иностранными языками, в 1929 году, когда его впервые

обследует А.Р. Лурия, болен уже 4 года и страдает мозговым поражением инфекционного (сифилитического) генеза. У больного наблюдалась разнообразная симптоматика, что согласуется с представлением о том, что последствия сифилиса проявляются чаще не в варианте локальных поражений, а в виде множественных многоочаговых нарушений, в том числе мозговых кровоизлияний, часто давая диффузную, мозаичную симптоматику [Гиляровский 1954; Захарченко 1930 и др.]. Полигенность симптоматики подтверждается детальным знакомством с подробными протоколами наблюдения за ним и его диагностики. Обратимся сначала к экспериментальным методам.

Спектр методов исследования очень широк: больному предъявляются пробы на *восприятие* (узнавание и сортировка цветов, узнавание предметных изображений), *память* (заучивание 10 слов, предложений; запоминание изображений – фигур, предметов, картин; проба на опосредованное запоминание с опорой на геометрические фигуры и предметные изображения). Для исследования *речи* используется повторение слогов, слов, фраз; называние предметов и действий; понимание слов и фраз; ответы на простые вопросы; воспроизведение автоматизированных рядов; подбор слов с определенным звуком, подбор рифм, произнесение слов задом наперед; спонтанная речь больного в бытовой беседе и при обсуждении заданной темы; чтение, в том числе – перевернутых слов и слов с ошибками. *Мышление* анализируется с помощью проб на понимание и изложение смысла прочитанного текста, поиск логической ошибки во фразе, понимание силлогизмов, пословиц, сравнение двух понятий, а также теста Эббингауза, где в текст с пропусками надо вставить подходящие по смыслу слова. Исследуется сохранность *счета* и математических представлений (прямой и обратный счет, серийный счет, решение примеров, решение математических задач). А.Р. Лурия предъявляет больному даже тест чернильных пятен Роршаха. Огромное внимание уделяется анализу понимания ЛГК – при их предъявлении отдельно, в рамках задач на мышление (силлогизмов), при предъявлении конструкций с ошибками, которые надо исправить, при заданиях на составление предложения из заданных слов. Для оценки сохранности научных понятий используются задания, близкие к школьным заданиям по русскому языку (определить начальную форму слова, грамматические признаки – род, число, падеж, склонение слова, выделить основу предложения). Многие из этих заданий предъявляются многократно, с подробным разбором и введением помощи, то есть в обучающем эксперименте. А.Р. Лурия проверяет сохранность знаний иностранных языков, давая больному слова, предложения и тексты на них. Если первые протоколы содержат пробы на все высшие психические функции, то позднее исследуется в основном речь (в первую очередь понимание ЛГК) и мышление.

Наблюдения за больным позволяют выявить другие симптомы. Так, в карте многократно отмечается общая *пассивность* пациента («Не принимает участие в общих разговорах больных на общественно-политические темы, о литературе. В свободное от занятий с врачами время большей частью лежит»). Описываются *нарушения критичности* («Сознание своего болезненного состояния недостаточно. Жалуется на потерю памяти, гемианопсию, недостатки речи. Но в то же время уверяет, что все будет хорошо, если бы только “не мешало зрение” или “не болела

...голова иногда»)), а также *эмоциональные изменения* пациента («Настроение лабильное: быстро начинает волноваться, часто по пустякам. Но легко поддается уговорам. Крайне услужлив до угодливости. Легко теряется»). На эти симптомы указывает и жена пациента: «02.06. После болезни муж изменился в смысле характера. Он стал внушаем, поддается часто уговорам разных лиц, которые его знают по прежней работе, проектирует, «строит с ними какое-нибудь дело». Собираются ехать с этой целью в Персию, в Ленинград. Жене часто приходилось выступать против его замыслов, указывая на его болезненное состояние. Он не бывал особенно настойчив, сдавался на уговоры жены, соглашался с нею. Но через некоторое время возникал новый план, на который наталкивали его знакомые. После заболевания стал очень расчетлив, даже скуповат». Описывается также *ухудшение ориентировки* («04.05. Ходил 23.04 на исследование в клинику глазных болезней... При сдаче пальто в гардеробе получил номерок, который куда-то засунул в карман. Пальто было выдано без предъявления номерка. Но этот факт крайне волновал больного. Вскоре этот номерок нашел и при переходе в другое отделение клиники, где снова снял пальто, заявил: “Мне номер не надо, у меня уже есть один”»). Наблюдения подтверждаются объективным исследованием: «21.04. Получено исследование психологического профиля по методике проф. Россолимо. Закл.: Профиль с западениями, указывающими на начинающуюся дементность больного».

Такой набор симптомов, включая ухудшение ориентировки в простой бытовой ситуации, устойчивые эмоционально-личностные изменения, характерен скорее для передних и/или подкорковых поражений (возможно – в рамках общемозговой симптоматики), чем для локальных поражений теменно-затылочных отделов (зоны ТРО). Для сравнения вспомним описание знаменитого пациента А.Р. Лурии больного Засецкого [Лурия 1971]: А.Р. многократно подчеркивает критичность пациента, его острое переживание своих нарушений, полную сохранность личности, активность и инициативность больного, вплоть до невероятного упорства в деле преодоления своих нарушений. Видно, как сильно отличается клиническая картина в этих двух случаях, что наталкивает на мысль о том, что больной Авт. не в полной мере является типичным примером для анализа именно локальных поражений ТРО. Выявляемые у больного нарушения поведения и мышления могут быть следствием не только локального поражения зоны ТРО с синдромом семантической афазии, но и других очагов и диффузных изменений в работе мозга.

Сказанное полностью относится и к результатам эксперимента Л.И. Божович по изучению роли речи в практической интеллектуальной деятельности [Божович 2006]. В 1929 г. больной Авт., как и трое других пациентов Клиники нервных болезней 1-го МГУ с амнестической (семантической) афазией, участвовали в ее экспериментах по типу опытов Келера. В это время Л.И. Божович была сотрудником психологической лаборатории Академии коммунистического воспитания, руководителем которой был А.Р. Лурия, а идейным лидером – Л.С. Выготский. Больной Авт. в опыте с доставанием папирос с помощью книги демонстрировал все признаки «полевого» поведения: связанность оптическим полем, слитность сенсомоторного акта (он решил задачу только тогда, когда книга была положена рядом с папиросами). Очень интересен вывод Л.И. Божович:

«Нарушение центральной функции речи, выпадение речевого плана приводят, как нам казалось, больного к первоначальным формам поведения, характеризующимся слитностью восприятия и действия. К этому положению мы еще вернемся в главе, специально посвященной этому вопросу» [Божович 2006: 74; курсив наш. – Т.А., А.А.]. Выделенная курсивом оговорка, сделанная во время написания статьи (1935 г.), кажется нам очень важной. В следующих главах Божович говорит о недостатке принятых ею методик, который заключается в том, что они «скорее констатируют, нежели анализируют речевой процесс», и приходит к выводу о необходимости анализа не только наличия знака, но и развития его значения [Божович 2006б: 133]. Эта задача, как известно, была поставлена Выготским в докладе 5 декабря 1932 года, на котором были и А.Р. Лурия, и Л.И. Божович: «В старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение. Мы исходили из принципа константности значения, выносили значение за скобки... Если прежде нашей задачей было показать *общее* между «узелком» и логической памятью, теперь наша задача заключается в том, чтобы показать существующее между ними различие» [Выготский 1982б: 158]. Далее в докладе Выготский прямо соотносит эту задачу с изучением семантической афазии, которую он называет «семической»: «Для нас (теперь) основное – движение смыслов. Например, сходство внешней структуры знаковых операций у афазиков, шизофреников, дебилов, примитивов. Но семический анализ вскрывает, что внутренняя их структура – значения иные (проблема семической афазии)» [Там же: 161].

В конце 1931 года Лурия переезжает в Харьков. В этом же году Выготский и Лурия поступают учиться на медицинский факультет Всеукраинской психоневрологической академии (ВУПНА). В Харькове Лурия начал создавать новые методы психологического исследования симптомов локальных поражений мозга [Лурия 1982: 121]. Вот как он описывает будни в Харькове в письмах своей будущей жене Л.П. Липчиной:

26 июня: “Я кончаю расправляться с моими афазиками, стараюсь убедить почтенных старичков, что *брат отца* – совсем другое, чем *отец брата*, что *черный* – это вовсе не *менее темный*... и т.д.

Сейчас наплыв дико интересного материала: агнозии и аграфии, послеродовые психозы с афазиями... - мы захлебываемся в редчайшем материале. Я весь увяз в медицине: сижу с Выготским над патофизиологией, - и конечно, вспоминаю Вас” [Лурия 1994: 80–81].

В Харькове в 1932 г. Выготский выступил с докладом: «О плане работ по генетической и клинической психологии». Его конспект, сделанный А.Р., сохранился в семейном архиве ученого. Выготский ставит задачу «изучения высших психических функций с системной точки зрения». Говоря о путях психологического исследования в клинике, он выделяет:

«1) психологическая квалификация симптомов. Отсюда: пересмотр обычных диагностических групп,

2) анализ связи отдельных симптомов (психологический анализ речи, что является первичным и вторичным в симптомах = структура синдрома),

3) анализ механизмов симптомообразования (отсюда: пути психо-ортопедии)».

Выготский говорит и о методах исследования. Под номером 1 стоит: «Образование понятий (проблема изменения значения слова при афазии: Значение оставшихся слов. Употребление их (Семические расстройства))» (текст конспекта и комментарии см. [Ахутина 2012]).

Как мы видим, это уже не только план работы отдела, а план-максимум, план построения нейропсихологии, позднее блестяще реализованный А.Р. Лурией. В соответствии с планом А.Р. Лурия делает в Харькове доклады, посвященные нарушению как фазической (звучащей внешней) стороны речи, так ее семической (значащей) стороны. Об их различии Выготский говорил в докладе «Проблема сознания» [Выготский 1982б: 160–161]. За неделю до доклада Выготского 27.11.32 Лурия делает в ВУПНА доклад «К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций». В его опубликованном резюме отмечается: «Докладчик останавливается на двух основных путях исследования семических речевых нарушений, связанных с анализом значения слова (анализ определения слов, обобщение слов, переносное значение и проч., анализ соотношения, анализ понимания, семический асинтаксизм) и приводит экспериментальное исследование одного факта случайной (семической? – Т.А., А.А.) афазии, как иллюстрацию значения семического распада при довольно полном сохранении фазической речи» [Научные конференции... 1933: 161]. В семейном архиве А.Р. Лурия есть документ, что 25.03.33 он делал доклад «К проблеме семического аграмматизма» на заседании Отделения Клинической Психологии Психологического сектора ВУПНА (папка 12, коробка 4). Эти факты говорят об активном изучении семантической афазии в 1932-1933 годах.

Харьковский период исследования афазии представлен в университетском архиве папкой «Элементарные семические операции (Харьков, 1933)». Папка состоит из 106 страниц протоколов обследований 14 пациентов. Это мало обработанные первичные записи, часто неразборчивые, иногда с утерянными первыми страницами. В них почти нет сведений о диагнозе или локализации поражений. Возможно, что некоторые из этих пациентов не страдали семантической афазией, а входили в контрольную группу. Однако во многих протоколах есть указания на выраженные трудности больных в сфере пространственного и квази-пространственного анализа и синтеза.

Больным предъявляются различные пробы, в первую очередь – на исследование понимания речи с грамматическими конструкциями различной степени сложности: от вписывающихся в предметно-практический контекст бытовых вопросов («Сегодня холодно?») и до сравнительных конструкций («Сегодня более холодно/тепло, чем вчера?», «Который из квадратов более светлый/темный?»). Используются конструкции с родительным падежом («хозяин собаки», «мама дочки»), творительным падежом («Покажите карандашом ключ»), предлогами (над/под), наречиями («Положите карандаш слева от книги»), союзными словами («который»). Большинство конструкций дается неоднократно, с элементами обучающего эксперимента. Исследуется и экспрессивная речь – повторение слогов и слов, называние предметов, воспроизведение автоматизированных рядов (в прямом и обратном порядке), самостоятельное построение фраз и написание коротких текстов. Предлагаются задания на категоризацию (сортировка цветов по группам).

Проводится исследование и пространственных представлений – в части протоколов есть проба Хэда или проба на конструирование из кубиков Кооса. Отдельным пациентам дают задачи на мышление – фразы, в которых необходимо найти ошибку в суждении, силлогизмы, тест Эббингауза. Исследуются также чтение и счет. Все эти пробы описываются позднее в книгах 1940 и 1947 года [Лурия 1940б; Лурия 1947].

Следующий важный этап изучения афазий наступает после завершения А.Р. Лурией медицинского образования в Москве и поступления в Институт нейрохирургии в качестве ординатора в 1937 году. Два года, проведенные в Институте нейрохирургии, Лурия считал «наиболее плодотворными» в его жизни [Лурия 1982: 122].

К 1940 году Александр Романович оформит первые большие работы по афазии – это законченный текст о сенсорной афазии и незавершенная работа по семантической афазии (частично была написана и работа по моторным формам афазии) [Лурия 1940а, б]. В них А.Р. разделит нарушения при сенсорной афазии на собственно сенсорные и акустико-мнестические, выделит афферентную и эфферентную формы моторных афазий, отдельно опишет динамическую афазию в рамках «лобного синдрома». Книга о сенсорной афазии легла в основу второй докторской диссертации, книга же о семантической афазии [Лурия 1940б] осталась неопубликованной. Сейчас с любезного разрешения Е.Г. Радковской текст книги оцифрован для университетского архива. В нем 219 страниц машинописи. Рассмотрим содержание книги.

В первой части работы (с. 3–77) А.Р. подробно разбирает взгляды классиков неврологии на **нарушения смысловой стороны речи**. Он критикует подход ассоцианистов, объяснявших патологию смысловой стороны речи разрывом связи слова и представления, ведущим к «вербальной амнезии», т.е. «утрате образов памяти, стоящих за словом» (Брока, Бродбент). Классики игнорировали целостность речевого мышления и считали, что выпадение образов-представлений ведет к нарушению мышления при сохранности речи. Они постулировали наличие центра представлений или понятий (он же центр интеллектуальных операций), который локализовали в зоне ГРО (Бродбент, Лихтгейм и др.).

Их механистические взгляды справедливо критиковались антилокализационистами, которые значительно обогатили описание симптоматики нарушений связи речи и мышления при поражениях задних отделов мозга. Показательна в этом отношении работа К. Гольдштейна и А. Гельба [Golgstein, Gelb 1924], в которой они описывают больного с амнестической афазией на названия цветов. Авторы утверждают, что больной забывал названия цветов не потому, что те или иные обозначения не удерживались с нужной стойкостью в памяти больного, а потому что изменилась его «категориальная установка» по отношению к действительности: вместо свойственного человеку категориального поведения «у больного обнаруживались более примитивные, непосредственные формы отношения к действительности; его глаз схватывал различия цветов, но каждый цвет переставал рисоваться ему как представитель определенной категории, способность классифицировать цвета терялась и заменялась конкретным выравниванием цветов по оттенкам, - а вместе с этим становились бессмысленными и терялись названия

цветов» [Лурия 1940б: 24–25]. Как пишет Лурия, мысль о том, что категориальное поведение является историческим образованием, невозможным без труда и языка, глубоко чужда Гольдштейну, «как раз наоборот его основное устремление заключается в том, чтобы объяснить связь мозга и мысли без посредствующего звена общественной истории, вывести категориальную установку прямо из работы мозговой коры» [Лурия 1940б: 29]. По мнению Лурии, хотя в отличие от классиков Гольдштейн объясняет патологию не выпадением отдельных статических образов, а нарушением нейродинамики смены «фигуры» и «фона» возбуждений, тем не менее, в своих попытках непосредственно вывести «категориальное поведение» из работы мозга он твердо стоит на той же почве параллелизма, на какой стояли классики неврологии [Лурия 1940б: 30].

От нарушений смысловой стороны речи и изменения значения слова при афазии Лурия переходит к рассмотрению истории изучения экспрессивного (при построении речи) и импрессивного (при понимании речи) аграмматизма и далее собственно к семантической афазии. А.Р. подчеркивает большой вклад Г. Хэда в описание данного нарушения. Именно Хэд, давший семантической афазии такое название, показал, что центральным симптомом при этой форме афазии является «невозможность понимать смысл речи там, где он выходил за пределы непосредственного значения слов» – хорошо понимая отдельные слова и простые фразы, больные не могли понять общий смысл отрывка или значение грамматически сложно построенного предложения [Лурия 1940б: 63]. Цитируя Хэда, Лурия продолжает: «везде, где “детали должны были быть синтезированы в одно осмысленное целое” их возможности оказывались недостаточными» [Лурия 1940б: 64, ссылка на работу [Head 1926: 311]]. В синдром с нарушением возможности «внутренне соотнести детали в одно целое» кроме речевых трудностей входят апракто-гностические расстройства, выявляемые пробами Хэда, пространственные трудности в рисунке и конструировании, нарушения счета. Аналогичную точку зрения Лурия находит и у других авторов (Poetzl, Conrad, Zucker). Он считает, что выявление нарушения механизмов сложной интеграции пространственного опыта и его связи со смысловыми нарушениями речи и «распадом сложных категориально организованных систем» окончательно определило механизм семантической афазии и не позволило и дальше описывать ее как ослабленную форму сенсорных или акустико-мнестических нарушений.

Обзор литературы во второй части работы (с. 78–124) подытоживает работы по уровневой **мозговой организации** зрительного гнозиса: если первичная зрительная кора позволяет получить первичный зрительный материал, то вторичные оптические поля, убирая из него лишнее, структурируя его, обеспечивают предметный гнозис. Третичные теменно-височно-затылочные области (ТРО) позволяют через «схематизацию» и вербализацию перцептивного опыта поднять предметное восприятие на уровень отражения категориальных связей. При взаимодействии разных модальностей делается возможным симультанный охват видимых, представляемых и мысленных структур, пространственная ориентация и организация опыта и смысловая категоризация функциональных значений, выработанных в социальной практике человека.

В третьей части работы (с. 125–182) А.Р. переходит от неврологии и

нейрофизиологии к лингвистике. Он подробно анализирует коэволюцию языка и мышления в ходе трудовой деятельности людей. На ранней стадии указательный жест (и позже диффузные звуковые комплексы) был средством «организации наглядного поля, выделения из него существенного признака; он был первым путем к социальной организации наглядного восприятия» [Лурия 1940б: 132]. Далее «из индикативной стадии развития язык перешел на стадию “номинативную”, отдельные слова стали называть те или иные вещи и действия, - но смысловой строй языка еще не выходил за пределы вещественных и указательных значений слов; язык мог... только обозначить известные события, но еще не мог своими средствами выразить сложную мысль» [Лурия 1940б: 175]. Для понимания отдельных упоминаний предметов и действий был необходим «симпрактический контекст». На третьей логико-грамматической стадии, когда возникли такие средства как фиксированный порядок слов, частицы, флексии, «язык получил способность не только обозначать отдельные факты и действия, но своими собственными средствами устанавливать между ними известную связь, передавать связные отношения» [Лурия 1940б: 176]. Грамматическая эволюция языка, развитие языковых категорий меняли семантический строй языка. За словом теперь стоит «сложная система отвлеченных связей и отношений». Вслед за Выготским [Выготский 1982а] Лурия отмечает, что изменения значения слова превращают его в понятие, средство вербально-логического мышления. Тем самым слово получает свободу от ситуации, от наглядного поля и получает возможность «синсемантического» движения. В конце раздела делается вывод, что для работы с системой значений как нельзя лучше подходит теменно-височная область с ее возможностью схематизации наглядного опыта (см. предыдущий раздел). Здесь же выбирается **единица** анализа распада смысловой стороны речи – синтагма (по аналогии с нарушением фонематического анализа при акустико-гностических нарушениях).

Следующая часть работы (с. 182–193) называется «Метод исследования сохранности смысловой стороны речи». В нем А.Р. формулирует требования к конкретным **методикам оценки** специфических для семантической афазии **нарушений понимания речи**. А.Р. критикует традиционные пробы с использованием команд, понимание которых возможно из контекста или требует сохранности только понимания отдельных слов. По мнению А.Р., для диагностики семантической афазии в предлагаемых больному фразах должен содержаться конфликт между непосредственной предметной отнесенностью слов и подлинным значением логико-грамматической конструкции (ЛГК). Так, в конструкции «брат отца» имеется в виду не брат и не отец, одно из имен должно потерять свой вещественный предметно отнесенный характер и стать обозначением признака другого предмета или лица. Соотнесение имен необходимо и в предложных конструкциях (особенно если их понимание не вытекает из практического опыта – «круг под квадратом»), и в инструментальных конструкциях типа «покажите карандаш гребешком» (их анализ, повторяющий выводы Лурии, см. в работе [Драгой и др. 2015]).

Далее обсуждается возможность выявлять степень нарушения понимания ЛГК. Так, А.Р. предлагает взять конструкцию и постепенно упрощать ее исходя из истории ее появления в языке (брат отца – «этого отца брат», «отцовский брат»).

Можно также оценивать способ выполнения – от самостоятельного выполнения «с ходу» к устному рассуждению, работе с помощью, возможности повторить задание или невозможности сделать даже это. Введение различного объема помощи и анализ воздействия, какое она оказывает на продуктивность выполнения задания, соответствует методу формирующего эксперимента, ставшему «визитной карточкой» советской психологии 1930-1950-х гг.

Наконец, в резюме (со с. 193) Лурия подводит итог всему обсуждаемому ранее и составляет **план описания картины семантической афазии** для следующей ненаписанной части работы. Он отмечает, что синдром семантической афазии возникает при поражении зоны ТРО, относящейся к третичным отделам мозга. Первичные перцептивные процессы здесь не нарушены, но страдает «схематизация опыта», «интеграция перцепторных и интеллектуальных процессов». По его мнению, язык позволяет уложить наглядный опыт в сложную систему смысловых координат - «в языке откладываются все те сложные смысловые связи и отношения, которые завоеваны человеческим обществом в процессе труда и закреплены общественной историей» [Лурия 1940б: 195]. В развитом языке слово есть сложная система обобщений. Нарушение «схематизирующей работы» ТРО оставляет сохранным ближайшее значение слова, но слово выводится из сложной смысловой системы языка и теряет способность синсемантического движения.

Перечисляя основные проявления семантической афазии, Лурия выделяет: 1) нарушения *понимания речи*: понимания ЛГК и схватывания смысла текста; 2) нарушения *категориального мышления* (страдает «внутреннее поле дискурсивного мышления») и 3) распад *структуры знаний* из-за распада соответствующих систем научных понятий. Поскольку семантическая афазия «своими корнями уходит в сложнейшие формы организации пространственного опыта» [Лурия 1940б: 197], все это происходит на фоне 4) признаков распада *симультанного оперирования пространственным гнозисом*.

Описание семантической афазии в книге 1943 г. «Очерки по теории травматических афазий» [Лурия 1943] близко к ее описанию в «Травматической афазии» [Лурия 1947], приводимые примеры больных совпадают с примерами книги 1947 года, и среди них нет в отличие от книги 1940 г. [Лурия 1940б] больного Авт.

Что отличает описание синдрома семантической афазии в книге 1940 г. от последующих? Это, во-первых, более подробное обоснование выделения синдрома с подчеркиванием «схематизирующей» роли ТРО. Понимание «схемы» как активного процесса было введено Г. Хэдом, позднее вслед за Ф. Бартлеттом оно стало популярным в когнитивной психологии. Из терминологических различий можно еще отметить широкое употребление термина «поле», характерное для поздних работ Л.С. Выготского. Во-вторых, это более подробное описание нарушений вербального мышления и распада прежней системы знаний по сравнению с книгами 1943, 1947, 1969 годов [Лурия 1943, 1947, 1969]. В-третьих, в более поздних книгах «синтагма» уже не выдвигается в качестве единицы смыслового строя речи по аналогии с фонемой, единицей восприятия речи. Лурия отказался от этой идеи, потому что многие синтагмы (напр., «кусоч хлеба» или «мальчик идет») не требуют «синсемантического» понимания. Вслед за Д. Слобиным [Slobin 1966] он вводит понятие «обратимости», всем обратимым конструкциям («брат отца»),

«Петю ударил Ваня») необходим «синсемантический» анализ [Лурия 1975: 166–170]. И наконец, в-четвертых, нарушения предметного гнозиса, даже в их стертых формах, не включаются в типичный синдром семантической афазии в отличие от ее описания в «Основных проблемах нейролингвистики» [Лурия 1975]. Точка зрения 1940-1947 гг. была позднее подтверждена в экспериментальном исследовании, проведенном Т.В. Ахутиной совместно с Е.В. Малаховской и Н.В. Комоловой (Ахутина, 2014, главы 12 и 13).

Заключение

Знакомство с ранними работами А.Р. Лурия о семантической афазии и протоколами его обследований больных позволяет лучше понять фундамент и историю формирования его взглядов на эту форму афазии. Упрощенный взгляд на вербальное мышление и его роль в организации поведения человека, на роль знака был характерен для начала изучения семантической афазии. Это отчетливо отразилось в интерпретации нарушений у больного Авт., где недостаточно различались локальные и общемозговые симптомы. Противопоставление номинативной функции слова («предметной отнесенности») и его категориального значения, инициированное Л.С. Выготским, а также выводы из изучения истории развития грамматических конструкций в языках, развития логико-грамматического строя языка стали фундаментом интерпретации семантической афазии. Уход от синпрактической организации высказывания к возможности чисто вербального выражения и «коммуникации событий» и «коммуникации отношений», в частности с помощью синтагмы, является итогом коэволюции языка и мышления в развитии современных языков. Полученная возможность «синсемантического движения» в вербальном мышлении опирается на вновь формируемые функции третичной задней ассоциативной зоны - функции целостного зрительного восприятия, симультанного пространственного синтеза и «схематизации» опыта (от «схемы тела» до амодальных, в том числе логических, категорий и схем). Три представленных в книге 1940 года содержательных обзора литературы – от неврологии до лингвистики – позволяют А.Р. Лурии обосновать свой взгляд на коэволюцию мозга, языка и мышления и на суть нарушений психических функций при поражении зоны ГРО и синдроме семантической афазии. Разработанные на этой основе диагностические методики, обоснование и апробация которых также происходит на ранних этапах изучения семантической афазии, вошли в золотой фонд нейропсихологии.

Литература

Ахутина Т.В. Комментарии к двум документам из архива А.Р. Лурии // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 71–85.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры. 2014. 422 с.

Божович Л.И. Речь и практическая интеллектуальная деятельность ребенка (экспериментально-теоретическое исследование). В 3-х ч. Ч. 1 // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 65–76. Ч. 2–3 // Там же. 2006. № 2. С. 121–135.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982 а. Т. 2. С. 5–361.

Выготский Л.С. Проблема сознания // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982 б. Т. 1. С. 156–167.

Гиляровский В.А. Психиатрия: Руководство для врачей и студентов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Медгиз, 1954. 520 с.

Драгой О.В., Бергельсон М.Б., Искра Е.В., Лауринавичюте А.К., Маннова Е.М., Скворцов А.И., Статников А.И. Сенсомоторные стереотипы в языке: данные патологии речи // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 697–720.

Захарченко М.А. Курс нервных болезней. М.–Л.: ГИЗ РСФСР, 1930. 932 с.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 504 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1975. 253 с.

Лурия А.Р. Очерки по теории травматических афазий. Кисегач, 1943. 138 с. [Документ из архива Е.Г. Радковской, не издавался.]

Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир: история одного ранения. М.: Издательство Московского университета, 1971. 123 с.

Лурия А.Р. Травматическая афазия. Клиника, семиотика и восстановительная терапия. М.: Изд-во АМН РСФСР, 1947. 368 с.

Лурия А.Р. Учение об афазии в свете мозговой патологии. Часть I. Височная (акустическая) афазия (а). Часть II. Теменная (семантическая) афазия (б). М., 1940. Ч. I – 396 с.; Ч. II – 219 с. [Документ из архива Е.Г. Радковской, не издавался.]

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. М.: Издательство Московского университета, 1982. 181 с.

Лурия Е.А. Мой отец Александр Лурия. М.: Гнозис, 1994. 219 с.

Научные конференции Института клинической психоневрологии Всеукраинской психоневрологической академии // Советская психоневрология. 1933. № 6. С. 158–166.

Goldstein, K., Gelb, A. (1924). Über Farbennahmenamnesie. Psychologische Forschung, 1924, No. 6.

Head, H. (1926). Aphasia and Kindred Disorders of Speech. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. I – 566 p.; Vol. 2 – 466 p.

Slobin, D. (1966). Grammatical Transformations and Sentence Comprehension. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, Vol. 5, No. 3, 219–222.

EARLY STUDIES OF SEMANTIC APHASIA IN THE WORK OF A. R. LURIA

Tatiana V. Akhutina

Doctor of psychology, Professor, Chief researcher
Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology
Lomonosov Moscow State University
11/9 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
akhutina@mail.ru

Anastasia R. Agris

Ph.D., School neuropsychologist (pedagogue-psychologist)
Noncommercial Organization General Education Organization
«SCHOOL «PRESIDENT»
2/1, Il'jinsky podjezd Str., Zhukovka village,
Odintsovo district, Moscow region, 143082, Russia
agris.anastasia@gmail.com

The article describes the history of the study of semantic aphasia by the world-famous neuropsychologist A.R. Luria. It uses rare materials from the archive of the scientist, stored at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. Mechanisms of semantic aphasia have been debated for a century. A.R. Luria made a significant contribution to their study, so the development of his point of view on this issue is of natural interest. In the early period of the study of aphasia A.R. Luria worked closely with L. S. Vygotsky, the founder of cultural-historical psychology. The pre-Kharkov and Kharkov periods of Luria's work are presented in the archive by protocols of the patients' examination from 1929 to 1933. Their analysis allows us to trace the development of diagnostic methods to investigate the understanding of logical-grammatical constructions, which later become classical neuropsychological tests. The next period of studying aphasia, when Luria worked at the Institute of Neurosurgery (1937-1939), is reflected in the archive by the unfinished and unpublished monograph «The Parietal (Semantic) Aphasia» (Moscow, 1940, 219 pages). The book contains three different reviews of literature, from neurology to linguistics, which allow us to trace, under the influence of what scientists formed the views of A.R. Luria on semantic aphasia. It reveals Luria's opinion about the role of simultaneous spatial synthesis in understanding complex logical-grammatical constructions. The article discusses the similarity and differences in views of the scientist on the structure of the syndrome of semantic aphasia in his early and later works.

Keywords: semantic aphasia, temporal-parietal-occipital association area, A.R. Luria, neuropsychology, neurolinguistics, history of psychology

References

Ahutina, T.V. (2012) Kommentarii k dvum dokumentam iz arhiva A.R. Lurii [Comments to two documents from A.R. Luria's archive]. *Voprosy psihologii* [Problems of Psychology] 4: 71–85. Print. (In Russian).

Ahutina, T. V. (2014) Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neurolinguistic Analysis of Vocabulary, Semantics, and Pragmatics]. Moscow: Languages of Slavic Culture. 422 P. Print. (In Russian).

Bozhovich, L.I. (2006) Rech' i prakticheskaja intellektual'naja dejatel'nost' rebenka (jeksperimental'no-teoreticheskoe issledovanie). V 3-h ch. [Speech and Practical Mental Activity of Child (experimental psychological study). In 3 parts]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural-Historical Psychology]. Part 1, 1: 65–76. Parts 2-3, 2: 121–135. Print. (In Russian).

Vygotskij, L.S. (1982a) Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. *Vygotskij L.S. Sobr. soch.: V 6 t.* [Vygotsky L.S. The Collected Works: In 6 vol.], Vol. 2: 5–361. Moscow: Pedagogika. Print. (In Russian).

Vygotskij, L.S. (1982b) Problema soznaniya [Problem of consciousness]. *Vygotskij L.S. Sobr. soch.: V 6 t.* [Vygotsky L.S. The Collected Works: In 6 vol.], Vol.1: 156–167. Print. (In Russian).

Giljarovskij, V.A. (1954) Psihijatrija: Rukovodstvo dlja vrachej i studentov. 4-e izd., ispr. i dop. [Psychiatry: Guide for Doctors and Students. 4th ed., amended and supplemented]. Moscow: Medgiz. 520 P. Print. (In Russian).

Dragoj, O.V., Bergel'son, M.B., Iskra, E.V., Laurinavichjute, A.K., Mannova, E.M., Skvorcov, A.I., Statnikov, A.I. (2015) Sensomotornye stereotipy v jazyke: dannye patologii rechi [Sensorimotor Stereotypes in Languages; Data from Speech Pathology]. *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and Mind: Contemporary Cognitive Linguistics]: 697–720. Moscow^ Jazyki slavjanskoj kul'tury. Print. (In Russian).

Zaharchenko, M.A. (1930) Kurs nervnyh boleznej [Course of Neurological Diseases]. Moscow, Leningrad: GIZ RSFSR. 932 P. Print. (In Russian).

Lurija, A.R. (1969) Vysshie korkovye funkcii cheloveka i ih narushenija pri lokal'nyh porazhenijah mozga. 2-e izd., dop. [Higher Cortical Functions in Man and Their Disturbances in Local Brain Damages. 2nd ed., supplemented]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 504 P.

Lurija, A.R. (1975) Osnovnye problemy nejrolingvistiki [Basic Problems of Neurolinguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 253 P. Print. (In Russian).

Lurija, A.R. (1943) Oчерки по теории травматических афазий [Essays on the Theory of Traumatic Aphasia]. Kisegach. 138 P. [Dokument iz arhiva E.G. Radkovskoj, ne izdavalsja.] [Document from the E.G. Radkovskaya archive, was not published.] (In Russian).

Lurija, A.R. (1971) Poterjannyj i vozvrashhennyj mir: istorija odnogo ranenija [Lost and Returned World: the Story of One Wound]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 123 P. Print. (In Russian).

Lurija, A.R. (1947) Travmaticheskaja afazija. Klinika, semiotika i vosstanovitel'naja terapija [Traumatic Aphasia. Clinic, Semiotics and Rehabilitation Therapy]. Moscow: Izd-vo AMN RSFSR. 368 P. Print. (In Russian).

Lurija, A.R. (1940) Uchenie ob afazii v svete mozgovoj patologii. Chast' I. Visochnaja (akusticheskaja) afazija (a). Chast' II. Temennaja (semanticheskaja) afazija (b) [The Doctrine of Aphasia in the Light of Cerebral Pathology. Part I. Temporal (Acoustic) Aphasia (a). Part II. Parietal (Semantic) Aphasia (b)]. Moscow: P. I – 396 P.; P. II – 219 P [Dokument iz arhiva E.G. Radkovskoj, ne izdavalsja.] [Document from the E.G. Radkovskaya archive, was not published.] (In Russian).

Lurija, A.R. (1982) Jetapy projdennogo puti: nauchnaja avtobiografija [Stages of the Passed Way: Scientific Autobiography]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 181 P. Print. (In Russian).

Lurija, E.A. (1994) Moj otec Aleksandr Lurija [A.R. Luria is My Father]. Moscow: Gnozis. 219 P. Print. (In Russian).

Nauchnye konferencii Instituta klinicheskoi psihonevrologii Vseukrainskoj psihonevrologicheskoi akademii (1933) [Scientific Conferences of the Institute of Clinical Psychoneurology of the All-Ukrainian Psychoneurological Academy]. *Sovetskaja psihonevrologija* [Soviet Psychoneurology] 6: 158–166. Print.

Goldstein, K., Gelb, A. (1924). Über Farbennahmenamnesie. *Psychologische Forschung* 6. Print.

Head, H. (1926). Aphasia and Kindred Disorders of Speech. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. I, 566 P. Vol. 2, 466 P. Print.

Slobin, D. (1966). Grammatical Transformations and Sentence Comprehension. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 5 (3): 219–222. Print.

УДК 81'27

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-28-38

**О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ
ТРУДОВ Ч.С. ПИРСА**

Залевская Александра Александровна
профессор кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета
170100, Тверь, ул. Желябова, 33
aazalev@mail.ru

Понимание текста обычно направляется взаимодействием ряда факторов, в том числе нашим опытом, побуждающим фокусироваться на чем-то интересном для нас, но недостаточным для постижения сути иных положений и выводов. В предлагаемой статье интересные для психолингвистики положения знаковой теории Ч.С. Пирса обсуждаются через призму многолетнего теоретического и экспериментального исследования значения слова, продуцирования и понимания текста. К числу рассматриваемых вопросов относятся: медиативная функция знака, трактовка знакового события как процесса, моделирование процесса абдуктивного рассуждения, демонстрация роли перцептивного суждения как важного этапа процесса интерпретации знака; трактовка переживания как состояния сознания, формирующего подоснову и саму текстуру познания, и т.д. Приводимые ссылки дают основания для заключения, что в противовес распространенному мнению о строго логических основаниях разработанной Пирсом теории знака на самом деле им реализовано многостороннее комплексное научное изыскание, интегрирующее подходы к знаку с позиций ряда наук и ориентированное на объяснение закономерностей реального функционирования знака как медиатора процессов познания и общения.

Ключевые слова: Пирс, знаковое событие, перцептивное суждение, детерминация, интерпретанта, абдукция

Введение

Читательская проекция любого текста зависит от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов, в том числе – от того, какая исходная «система координат», выработанная в предшествующем опыте, направляет восприятие читаемого, побуждает фокусироваться на тех или иных вопросах и/или оставлять без внимания положения, подготовленность к постижению которых может оказаться недостаточной. Ниже предлагается проекция текста, обусловленная многолетним опытом теоретического и экспериментального исследования различных психолингвистических проблем (в том числе значения слова, продуцирования и понимания речи), позволившим увидеть в трудах Ч.С. Пирса ряд аспектов, выходящих за рамки строго логической теории знака, но согласующихся с тем, что входит в компетенцию психолингвистики – науки о языке как достоянии пользующегося им человека.

Чтение трудов Ч.С. Пирса – непростая задача. Пирс неоднократно жаловался на то, что его не понимают, в том числе из-за многоступенчатого философского

абстрагирования. К тому же концепция Пирса всегда была в процессе разработки, и те или иные положения должны рассматриваться с учетом их позиции в общей динамике взглядов ученого, ищущего ответы на дискуссионные вопросы.

В предлагаемой статье делается попытка отметить некоторые аспекты учения Пирса с позиций того, насколько это интересно для рассмотрения *реальных процессов функционирования знака* – не в абстрактно-философском теоретизировании, а в ситуациях естественного семиозиса, т.е. при адаптации человека (индивида и личности, члена определенного социума) к природному и социальному окружению. Для реализации этого замысла потребовалось прежде всего разобраться в общей концепции Пирса и используемых им методах исследования, после чего был предпринят анализ некоторых наиболее актуальных для психолингвистики положений учения Пирса, в рассмотрении которых Пирс намного опередил свое время.

Материалом для анализа послужили две издательские компиляции трудов Пирса [Пирс 2000; ТЕР 1998]; основное внимание обращено на высказывания, относящиеся к последнему периоду жизни Пирса (сюда вошли лекции, прочитанные в Гарварде и Бостоне в начале XX века, и переписка с леди Уэлби: 1903–1911).

Некоторые общие положения концепции Ч.С. Пирса

На вопрос: «Что именно исследовал Пирс?» недостаточно ответить, что он исследовал знак как таковой, потому что всю свою творческую деятельность Пирс посвятил поиску объяснения того, КАК и БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ осуществляется *процесс познания модусов сущего* (т.е. способов проявления последнего) при особой роли знака как медиатора, опосредующего познание и определенным образом направляющего этот процесс. Это обусловило ориентацию на познание как *реальный процесс*, о котором позволяют судить *наблюдаемые феномены*, в которых проявляются *идеи вещей* (в широком смысле, т.е. идей объектов, качеств, признаков, состояний и т.д.) и *категории* (универсальные и частные), через призму которых познается мир. Представляется, что именно совокупность отмеченного выше привела Пирса к широкой трактовке знака и к признанию необходимости разграничения разных состояний сознания, уровней понимания воспринимаемого, глубины постижения ситуации и вытекающих из нее следствий, роли перцепции, памяти, эмоций, волеизъявления и других психических процессов; этим же объясняется и использование широкого набора исследовательских процедур на надежном и со стороны проверяемом материале – *знаковом событии* как примере функционирования знака в определенных условиях. Правомерность такого суждения подкрепляется следующими общими положениями концепции Пирса.

1. Пирс трактовал познание как *процесс перехода от одного состояния сознания к другому* – от незнания к знанию: “we pass from ignorance to knowledge” [ТЕР 1998: 4–5], что отвечает потребности человека искать ответы на вопросы, неизбежные при встрече с новым и обеспечивающие *приращение знания*. Разграничив разные состояния сознания (его модусы), Пирс показал их взаимодействие и связь как с различными психическими процессами, в том числе с переживаниями, эмоциями, прагматической ориентацией, так и с врожденными механизмами, обеспечивающими потребность приращения знания и реализацию такой потребности, возможность многосторонней обработки воспринимаемого и

т.д. Ср.: «... всякий феномен нашей сознательной жизни в той или иной степени есть познание, равно как и всякая эмоция, игра страстей, проявление воли» [Пирс 2000: 35]; «Если мы зададимся вопросом, существует ли в сознании элемент, который не является ни переживанием, ни чувством, ни активностью, то мы все же обнаружим нечто – способность к приращению знаний, восприятию, памяти, способность к логическому выводу и синтезу» [цит. раб.: 35].

2. Особое внимание Пирс уделил знаку в его *медиативной функции* как инструменту, посредством которого реализуется познание, т.е. вопросу: вместо чего используется знак, или что представляет собой *идея, для возбуждения которой предназначается знак*: “It is now easy to see that the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign «stands for,» or the idea of that which it is calculated to awaken” [ТЕР 1998: 406], а также тому, *чем и как* направляется процесс познания, т.е. различным аспектам *детерминации* путей поиска ответов на вопросы, возникающие в процессе интерпретации знака.

3. Пирс неоднократно подчеркивал, что использование символов – это живой процесс: “its symbolic, living character is the prevailing one” [ТЕР 1998: 10]; рассуждение – не мертвая вещь, а живой процесс перехода от одного состояния сознания к другому: “It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another” [цит. раб.: 10]. Можно предположить, что именно признание важности такого основополагающего признака названного процесса побудило Пирса уделять особое внимание роли действия и противодействия, тонко разграничивать разные виды знаков, их объектов и интерпретант, выявлять *объяснительный потенциал* прагматической ориентации действий и особенностей детерминации хода и результатов процесса познания различными аспектами процесса функционирования знака.

4. Предлагаемая Пирсом широкая трактовка знака позволяет понимать под знаком *любое медиативное средство*, используемое в процессе коммуникации: “I use the word «Sign» in the widest sense for any medium for the communication or extension of a Form (or feature)” [ТЕР 1998: 477]. Более того, Пирс ввел понятие “thought-signs” (мысли-знаки), поскольку любая мысль тоже выступает в качестве знака: “a thought is itself a sign” [цит. раб.: 402], он также считал сложным знаком пропозицию, формируемую при интерпретации знака и включающую всё выводимое из нее посредством дедукции: “... what we call the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it” [цит. раб.: 213]. Тем самым становится очевидным, что знак в трактовке Пирса существует не как нечто обособленное и самодостаточное, а как элемент сложного *знакового события*, включающего всё то, что наличный опыт позволяет увязать с интерпретируемым знаком с учетом того, что случается *там и тогда* [Пирс 2000: 7].

5. Знаки преимущественно функционируют в качестве посредников между двумя разумами, один из которых принадлежит продуцирующему знак субъекту, в то время как субъект, воспринимающий знак, его интерпретирует; “... we note, as highly characteristic, that signs mostly function each between two minds, or theatres of consciousness, of which the one is the agent that utters the sign (whether acoustically, optically, or otherwise), while the other is the patient mind that interprets the sign” [ТЕР 1998: 402]. В качестве участников рассматриваемой ситуации у Пирса фигурируют:

“a person”, “the reasoned”, “the utterer”, “the patient mind”, “the agent that utters the sign”, “two minds”, “the consciousness of its interpreter” и т.д. Однако Пирс анализирует и знаковую ситуацию, при которой знак оказывается посредником при использовании одним и тем же субъектом, тогда «действующим лицом» оказывается “the ego of a previous moment” [цит. раб.: 402].

6. Перечисление возможных участников знаковой ситуации уже указывает на то, что Пирс видит такую ситуацию *в ее развитии*. Проследивая динамику переходов между разными этапами знакового события, Пирс предпринимает детальный анализ получаемых результатов каждого этапа моделируемой знаковой ситуации или процесса рассуждения, что приводит к всё более дробной классификации знаков, их объектов и интерпретант с использованием разнообразных оснований для сравнения, что свидетельствует о стремлении Пирса как можно более подробно и разносторонне проанализировать знаковое событие во множестве его проявлений при взаимодействии разных факторов, но всегда с ориентацией на выявление закономерностей не только процессов постижения того, на что указывает знак, но и того, что *направляет и детерминирует* ход таких процессов.

7. В то же время Пирс показывает условность жесткого разграничения анализируемых явлений, поскольку обнаруживаются переходы (или «перетекание») одной категории в другую или смежность разграничиваемых признаков, нередко объединяющихся по тому или иному основанию, а также и взаимодействие знаков разных видов в одном и том же событии. Следует учитывать, что через всё более дробную классификацию видов знаков с первоначальным фокусированием на символах Пирс пришел к признанию постоянного взаимодействия между иконами, индексами и символами: “In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols. We cannot dispense with any of them” [ТЕР 1998: 10]. Ср. также: «... хотя не составляет труда отличить все три категории одну от другой, чрезвычайно трудно четко и безошибочно выделить каждую из других понятий в ее чистоте, так, чтобы она при этом не потеряла всей полноты своего значения» [Пирс 2000: 39]; “So far I have only considered whether or not the categories must be admitted as so many independent constituents of thought” [ТЕР 1998: 178].

8. Особую роль Пирс отводит тому, *как* в процессе познания могут «схватываться» *идеи* тех или иных объектов, признаков и т.д., *под каким углом зрения* знак репрезентирует тот или иной объект и каким образом тем самым детерминируется поиск интерпретанты знака (“how this very sign itself represents that object» [цит. раб.: 477–478]; “the idea of that which it is calculated to awaken” [цит. раб.: 406]). Фактически Пирс акцентирует значимость для взаимопонимания между людьми наличия того, что ныне стали называть *разделяемым знанием*: в основе такого знания лежит прежде всего некоторая *идея вещи* (в широком смысле): “it conveys to a mind an idea about a thing” [цит. раб.: 5]. Например, без идеи наличия символической связи как таковой знак не может восприниматься в качестве символа. Начальным уровнем «схватывания» знака Пирс считает *переживание* понятности: “In all cases, it includes *feelings*; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign” [цит. раб.: 408]; при отсутствии интерпретатора можно говорить только о том, какое значение является потенциальным для этого знака: “If a sign has no interpreter, its interpretant is a ‘would be’, i.e., is what it would determine in the

interpreter if there were one” [там же]. Иначе говоря, без интерпретатора знак мертв.

9. Для выявления лежащих в основе процесса познания идей, признаков, состояний и т.д. Пирс использует комплекс исследовательских методов и приемов, хотя он неоднократно подчеркивает, что основным для него выступает логический анализ. На самом же деле, в рассматриваемых трудах проявились особенности по меньшей мере следующих подходов: а) Пирса-*философа*, ведущего читателя (или слушателя его лекций) через некоторую последовательность уровней абстрагирования для выявления того, что выступает как наиболее общее, универсальное, вечное (например, категории, через призму которых познается мир); б) Пирса – *преподавателя логики*, строго следующего соответствующим законам и считающего логику первоосновой получения выводного знания – как научного, так и обыденного; в) Пирса – *химика-экспериментатора*, приглашающего слушателей / читателей принять участие в эксперименте, например, по выявлению категорий, фигурирующих в процессе познания, или в мысленном эксперименте при анализе икон; г) Пирса-*математика*, стремящегося описать суть получаемых результатов строгой формулой (“... the abstract formula that comprehends the very essence of the feature under examination ...” [ТЕР 1998: 146–147]; д) Пирса – *исследователя-практика*, считающего феномен самым надежным материалом для постижения сути и специфики знакового события, что не могло не привести его к фокусированию на реальных ситуациях общения со всеми вытекающими отсюда следствиями, в том числе – к признанию роли психических процессов (наряду с его попытками откеститься от таких наук, как феноменология и психология); е) Пирса – любознательного *субъекта познания*, постоянно ставящего всё новые вопросы и, в частности, обращающегося к рефлексии (deep reflection), к своему «эго» некоторой последовательности шагов познания, для разностороннего анализа получаемого результата, и т.д.

10. Представляется, что именно широта и мультидисциплинарность подготовки Пирса как творческой личности в совокупности с глубокой проработкой трудов мыслителей прошлого (начиная с Аристотеля) смогли обеспечить разработку *интегративного подхода* к знаку, при котором к изначальной логико-рациональной ориентации исследования добавились: признание роли переживания (feeling) как необходимой опоры для контролируемых состояний сознания; трактовка самоконтроля как средства разграничения осознаваемых и неосознаваемых процессов; определение места и значимости перцептивного суждения для процесса познания в целом и для интерпретации знака в частности; объяснение роли прагматической обусловленности функционирования знака как средства речевого воздействия; понимание того, что интерпретация знака – это процесс, несводимый к однозначной увязке означающего с означаемым, поскольку очевидны различия между тем, что имеет в виду говорящий, что непосредственно воспринимает слушающий, как меняется первоначально возникшая интерпретация и как должен был бы быть понят знак после некоторого раздумья. Ср.: “But it is necessary to distinguish the Immediate Object, or the Object as the Sign represents it, from the Dynamical Object, or really efficient but not immediately present Object. It is likewise requisite to distinguish the Immediate Interpretant, i.e., the Interpretant represented or signified in the Sign, from the Dynamic Interpretant, or effect actually

produced on the mind by the Sign; and both of these from the Normal Interpretant, or effect that would be produced on the mind by the Sign after sufficient development of thought” [ТЕР 1998: 482].

11. Правомерность квалификации подхода Пирса к знаку как *интегративного* подтверждается также тем, что в конце своей творческой жизни Пирс признал необходимость *единой науки о знаке*, включающей «чистую грамматику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует использование языковых знаков в соответствии с приписываемыми им особенностями), «чистую логику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует правильность оформления мысли), «чистую риторику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует успешность речевого воздействия), с учетом также этики (связанной с детерминацией выбора того, как следует поступать) и эстетики (направляющей выбор тех или иных предпочтений). При этом было высказано мнение, что демаркация тесно связанных наук на практике определяется всего лишь наличием групп приверженцев разных подходов к единому объекту: “But I have learned that the only natural lines of demarcation between nearly related sciences are the divisions between the social groups of devotees of those sciences; and for the present the cenoscopic studies (i.e., those studies which do not depend upon new special observations) of all signs remain one undivided science...” [ТЕР 1998: 481–482].

Каждый из приведенных пунктов заслуживает более детального обсуждения со ссылками на опорные цитаты. Остановимся лишь на некоторых вопросах, наиболее явно характеризующих специфику подхода Пирса к знаковой ситуации.

Знаковое событие в его развитии:

положения из трудов Пирса и их обсуждение

В текстах Пирса не фигурирует термин «моделирование», тем не менее, представляется возможным проследить явные и/или условно квалифицируемые в качестве таковых попытки Пирса заглянуть за прямо наблюдаемые результаты многоэтапного процесса функционирования знака. Обратим внимание на то, что знаковое событие всегда происходит в определенных обстоятельствах (*там* и *тогда*), т.е. Пирс выдвигал требование учета реальных условий, которые могут требовать постановки разнообразных вопросов; в приводимых им примерах ситуация может настолько обеспечивать наглядность разделяемого знания, что большинство возможных вопросов снимается, и наоборот: то и дело оказывается необходимым указывать на нечто посредством индекса для дальнейшей опоры на подходящую икону (под *иконой* Пирс понимал «составную фотографию» / обобщенный образ неординарных людей или всех дождливых дней, схему ситуации / идею акта продажи чего-либо и т.д., т.е. чувственный образ или переживание чего угодно, что может всплывать в памяти на основе подобия, см., например, [Пирс 2000: 218–220]).

В работе “What is a Sign?”, датированной 1893 годом, Пирс указывает, что рассуждающий субъект строит некоторую «ментальную диаграмму» действий (схему или программу): “The reasoner makes some sort of mental diagram by which he sees that his alternative conclusion must be true, if the premise is so; and this diagram is an icon or likeness” [ТЕР 1998: 10]. Приведенное высказывание Пирса можно интерпретировать как имплицитующее ряд этапов моделируемого процесса и указания на особенности получаемых результатов. Так, вполне очевидно, что

в описываемой Пирсом знаковой ситуации важно учитывать по меньшей мере следующее: а) для решения некоторой задачи требуется рассмотрение некоторых альтернатив; б) принимается решение о выборе одной из альтернатив; в) признается, что это решение должно быть истинным при условии, если исходная посылка является таковой; г) в основе сопоставления альтернатив и принятия решения о выборе одной из них лежит подобие; д) реализация ментальной программы позволяет решить поставленную задачу.

Более детально Пирс рассматривает интересующую нас ситуацию в связи с получением выводного знания и с ходом абдуктивного рассуждения. При этом можно проследить динамику взглядов Пирса за соответствующий период времени.

Так, в работе “Grammatica Speculativa” (1893) Пирс разграничивает три шага при получении выводного знания как продукта *сознательного* и *контролируемого* рассуждения для использования следствий из уже имеющихся знаний / убеждений. Выделенные Пирсом шаги представлены ниже в сопровождении уточнений, имплицитными исходным текстом.

Шаг 1 – сопоставление ряда пропозиций, которые а) по нашему убеждению являются истинными; б) которых мы до этого (при условии, что данный вывод для нас является новым) либо не рассматривали вместе, либо рассматривали как объединенные по-другому (при этом может иметься только одна посылка или несколько посылок, объединенных связыванием и образующих одну конъюнктивную пропозицию); в) полученный результат – сложная икона.

Шаг 2 – раздумье (*contemplation*) о полученной на первом шаге сложной иконе: а) фокусирование на некоторой ее характеристике, б) устранение всех остальных; в) полученный результат – новая икона.

Шаг 3 – поскольку а) одна мысль всегда влечет за собой другую, б) первая икона неизбежно имплицитно подразумевает какую-то другую, подводя к ней особым способом, в) имеет место не только переход от убеждения, отображаемого исходной посылкой, к суждению об истинности сделанного заключения, но также и г) закрепление за этим суждением еще одного суждения: «о том, что всякая пропозиция, подобная рассмотренной посылке – то есть содержащая икону, подобную ее иконе, – вовлекала бы (*would involve*) еще одну пропозицию (вынуждая вдобавок к ее принятию), которая относилась бы к этой подобной посылке пропозиции как полученное заключение относится к самой посылке» [Пирс 2000: 221-222].

Обратим особое внимание на то, что в качестве опоры для тех или иных действий здесь выступает уже имеющееся знание вместе с вытекающими из него следствиями, хотя и не определяется, в каком формате оно включаются в рассматриваемый процесс; весь этот процесс квалифицируется Пирсом как сознательное и контролируемое рассуждение.

В лекции “Pragmatism as the Logic of Abduction”, прочитанной в Гарварде в 1903 году, Пирс уточняет, что базой для формирования гипотез при абдуктивном рассуждении, т.е. при отсутствии убедительных оснований для вывода, выступает наличный опыт (*actual Experience*), который: а) становится доступным для разума через чувственное восприятие (*перцепцию*); б) заставляет *немедленно* и *без рассуждения* строить некоторую пропозицию на основе выводного знания (при этом в качестве опыта логика трактует последовательность того, что происходит):

“... for the logician it would be perceptual, perception being for the logician simply what experience,—that is, the succession of what happens to him,—forces him to admit immediately and without any reason. This judgment, then, must be inferred. How can it be inferred? Plainly only by abduction, because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...” [TEP 1998: 224]. Такой путь рассуждения приводит к тому, что абдукция трактуется Пирсом как единственный способ получения нового знания, а в фокусе внимания оказывается *перцептивное суждение*.

Таким образом, за прошедшие 10 лет Пирс значительно пересмотрел свои представления о знаковом событии, допуская выход за пределы осознаваемого и контролируемого, а также постулируя необходимость своеобразного промежуточного элемента (ныне это можно было бы назвать интерфейсом) между контролируемым логико-рациональным рассуждением и тем, что происходит немедленно и без рассуждения. В качестве такого элемента перцептивное суждение описывается Пирсом как проявляющееся в форме пропозиции суждение, в котором прямо представлен сознанию некоторый перцепт. Как следует из лекции “The Maxim of Pragmatism” (1903), главной особенностью совершаемых при этом операций Пирс считал то, что они совершаются *полностью за пределами нашего контроля* и полностью независимо от того, нравятся они нам или нет: “All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not” [TEP 1998: 154].

Обратим внимание на то, что фактически Пирс затронул проблему взаимодействия чувства и разума в познании, совершаемом, по его мнению, любыми способами. Следует особо подчеркнуть, что сфера ощущений, чувств, переживаний, рассматриваемая через призму перцептивного суждения, квалифицируется Пирсом как первичная *предпосылка любого критического и контролируемого рассуждения*: “As for the other term, in sensu, that I take in the sense of in a perceptual judgment, the starting-point or first premiss of all critical and controlled thinking” [цит. раб.: 226-227].

Приведенные высказывания дают основания оспорить издательский комментарий, предваряющий одну из бостонских лекций Пирса, где высказывается мнение, согласно которому к 1907 году Пирс интегрировал свою трактовку прагматизма и семиотику, он стал базировать на этом свою теорию знаков в отличие от предшествующего периода, когда приоритет отдавался перцепции, что отражено в его гарвардских лекциях (т.е. в 1903 году). С этим мнением, представленным в виде аксиомы, трудно согласиться, поскольку сам Пирс в той же лекции о прагматизме (1907 г.) так говорит об интерпретанте: “In all cases, it includes feelings; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign. If it includes more than mere feeling, it must evoke some kind of effort. It may include something besides, which, for the present, may be vaguely called ‘thought’. I term these three kinds of interpretant the «emotional,» the ‘energetic’, and the ‘logical’ interpretants” [TEP 1998: 408]. Прямо указывая на обязательность наличия чувствования / переживания (feelings), реализующегося хотя бы через какое-то улавливание значения знака, Пирс в то же время включает соответствующую этому этапу интерпретации знака «эмоциональную» интерпретанту в единый ряд с «энергетической» и «логической» интерпретантами, т.е. интегрирует все три составляющие единого перечня, не

выстраивая каких-либо предпочтений или дискриминаций. Уточним попутно, что под термином “Feelings” Пирс понимал то состояние, при котором нечто просто присутствует, но ни сравнение, ни рассуждение не имеют места [цит. раб.: 4–5].

Пирс неоднократно возвращался к моделированию знакового события. Так, в декабре 1908 года он указывал, что до произнесения знака этот знак уже виртуально присутствует в сознании говорящего в форме мысли. Но мысль сама является знаком и сама должны иметь продуцента (а именно – «эго» предшествующего момента времени), в сознании которого это виртуально присутствовало, и т.д.: “... before the sign was uttered, it already was virtually present to the consciousness of the utterer, in the form of a thought. But, as already remarked, a thought is itself a sign, and should itself have an utterer (namely, the ego of a previous moment), to whose consciousness it must have been already virtually present, and so back” [цит. раб.: 402]. Иначе говоря, Пирс развертывал знаковую ситуацию «вглубь», пытаясь заглянуть за пределы вербально манифестируемых продуктов речемыслительной деятельности. Полнота исследуемой Пирсом знаковой ситуации (вплоть до целенаправленного действия, детерминированного речевым воздействием) фактически отображена и в следующем высказывании Пирса об обязательном взаимодействии чувств и разума: “The elements of every concept enter into logical thought at the gate of perception and make their exit at the gate of purposive action; and whatever cannot show its passports at both those two gates is to be arrested as unauthorized by reason” [цит. раб.: 240].

Приведенные высказывания Пирса представляются чрезвычайно важными в том отношении, что он фактически вплотную подошел к пониманию и объяснению взаимодействия чувств и разума, осознаваемого и неосознаваемого в процессах поиска ответов на вопросы, возникающие как в научном исследовании, так и повседневной жизни при недостаточности оснований для принятия решения: именно поиск на основе подобия, осуществляемый на уровнях ниже осознаваемого и учитывающий даже минимальную степень подобия по разного рода признакам и признакам признаков, приводит к объединению того, что мы ранее не догадывались как-то соединить, и тем самым – к научному открытию, как и к постижению ребенком идеи вещей или сути категорий, через призму которых познается мир. Ныне это определяется как особенность *эвристического поиска*, дающего в итоге эффект *эмерджентности* – возникновения нового знания как «открытия», ср. со «вспышкой», о которой говорил Пирс в связи с получением результата абдуктивного вывода, который “... comes to us like a flash” [цит. раб.: 226].

Пирса также волновали вопросы детерминации хода интерпретации знака разными составляющими знаковой ситуации. На самом деле взаимодействие прямой и опосредованной детерминации уже заложено в дефиниции знака, которую дает Пирс: “I define a Sign as anything which is so determined by something else, called its Object, and so determines an effect upon a person, which effect I call its Interpretant, that the latter is thereby mediately determined by the former” [цит. раб.: 478]. Однако вместе с этим Пирс рассматривает и другие источники воздействия на процесс интерпретации знака, включая прагматическую ориентацию действий и операций, влияние приписываемых знаку сочетаемостных возможностей и ограничений (прескрипций), ракурс видения объекта и многое другое. Фактически Пирс рассматривал сложную систему зависимостей (детерминаций), которая увязывает

индивида, социум и разные модусы бытия. Для обсуждения этих вопросов требуется отдельная публикация.

Выводы

Подводя итоги проделанного анализа трудов Ч.С. Пирса, обратим особое внимание на его постоянное стремление *понять* и *объяснить* медиативную роль знака в познании и общении. Трактовка интерпретации знака как прагматично ориентированного «живого» процесса, обусловленного имеющимся опытом и детерминируемого рядом факторов, привела Пирса к признанию постоянного взаимодействия чувств и разума, наличия переходов между осознаваемыми и контролируруемыми действиями и/или операциями и теми, которые совершаются на неосознаваемом и неконтролируемом уровне, в то время как результаты предпринятого Пирсом разностороннего анализа примеров функционирования знаков убедительно показали исключительную сложность и многофакторность того, благодаря чему осуществляются взаимопонимание при общении и адаптация человека к его природному и социальному окружению.

Затронутая выше проблематика представляет несомненный интерес для психолингвистики – как в плане теории, так и в связи с прикладными исследованиями. Более того, при чтении работ Пирса то и дело возникает потребность сопоставить его выводы с материалами психолингвистических экспериментальных исследований, например, связанными со стратегиями идентификации слова носителем языка – в том числе при межъязыковых / межкультурных контактах, что особенно актуально для выявления национально-культурной специфики тех «углов зрения», под которыми может увязываться со знаком какой-либо объект.

Отдельную задачу составляет также сопоставление идей Пирса с концепциями других выдающихся мыслителей – как отечественных, так и зарубежных. На данный момент представляется достаточным указать, что далеко не случайно идея перцептивного суждения получила дальнейшее развитие в «перцептивном семиозисе», фигурирующим в трудах Умберто Эко (см., например, [Еко 2000]).

Некоторые из затронутых выше вопросов более подробно обсуждаются в моей книге «Вопросы естественного семиозиса» (Тверь, 2018).

Литература

Пирс Ч. Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.

Eco, U. (2000). Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. San Diego, New York, London: Harcourt, Inc. 464 p.

(ТЕР 1998) The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 584 p.

**A PSYCHOLINGUISTIC PROJECTION
OF PEIRCE'S SIGN THEORY**

Alexandra A. Zalevskaya

professor of Tver State University
Russia, 170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33
aazalev@mail.ru

Text comprehension is generally directed by a number of factors and depends on our experience that makes us focus on some problems and at the same time is not sufficient for conceiving other facts and conclusions. This paper presents a psycholinguistic projection of Peirce's sign theory. From the point of view of psycholinguistic theory and experimental research in word meaning, as well as speech production and speech comprehension, some aspects of Peirce's theory are discussed, such as sign as mediator of cognition and communication; modeling sign interpretation and abductive reasoning; explaining the role of perceptual judgments in cognition and sign interpretation; acknowledging the role of feelings as the starting-point of all critical and controlled thinking and so on. The main conclusion is as follows: Peirce's theory is not a strictly formal logical study of signs: he has elaborated a complex (integrative) approach to sign as mediator of cognition and communication, he viewed sign interpretation as a live process that carries the mind from one state to another.

Keywords: Peirce, sign, perceptive judgment, determination, interpretanta, abduction

References

- Pierce, Ch. (2000) Nachala pragmatizma. [On Pragmatism] Vol. 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov [Logic Basics for Sign Theory]. Saint Petersburg: Aleteia. 352 P. Print. (In Russian)
- Eco, U. (2000). Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. San Diego, New York, London: Harcourt, Inc. 464 P. Print.
- (TEP 1998) The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 584 P. Print.

УДК 81'23, 81'37 DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-39-53

ПОЛЕВОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА И СЦЕНАРИИ АКТИВАЦИИ ПОЛЕЙ

Белусов Константин Игоревич

профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского
университета
614090, Пермь, Букирева 15
belousovki@gmail.com

Ерофеева Елена Валентиновна

заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского
университета
614090, Пермь, Букирева 15
elenerofee@gmail.com

Лещенко Юлия Ефимовна

доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского
университета
614090, Пермь, Букирева 15
naps536@mail.ru

Ментальный лексикон является сложной системой, которая в языковой форме отражает процессы структурирования человеком окружающей его действительности. Ментальный лексикон может быть представлен в виде многомерной сети, структурными элементами которой являются узлы (фрагменты информации, зафиксированной в сознании) и междузловые связи (способы взаимодействия элементов информации друг с другом). Связи между узлами лексикона могут иметь разную степень активации и направленность. Наиболее сильными связями в ментальном лексиконе являются, как известно, семантические связи, обеспечивающие формирование семантических групп и полей в языке и семантических категорий в когнитии. В статье проверяется гипотеза о том, что между семантическими полями (подсетями) также существуют связи, реализующиеся через связи входящих в них единиц. Предметом исследования является моделирование системы связей между семантическими полями в ментальном лексиконе. Метод исследования – направленный цепной ассоциативный тест. Материал исследования – цепочки реакций, полученные от 139 информантов (всего 4 334 реакции). Материал обрабатывался в информационной системе «Семограф», позволяющей создавать семантическую классификацию реакций с много-многозначными соответствиями между реакциями и полями. Анализировалась последовательность активации семантических полей в цепочках реакций информантов. Полученные

данные подтверждают выдвинутую гипотезу: в ментальном лексиконе единицы группируются по полювому принципу, при этом отдельные поля через связи их единиц связаны друг с другом более тесно, чем другие. Активация связей полей является направленной. Моделируемая структура семантических полей отражает конструируемую в сознании носителей языка активацию единиц и полей лексикона, заданную экспериментальным контекстом.

Ключевые слова: ментальный лексикон, узлы, связи, поля, семантика, направленность, моделирование

ВВЕДЕНИЕ

Ментальный лексикон в современной лингвистике трактуется как сложное лингвокогнитивное образование, преломляющее в индивидуальном сознании лексическую систему языка, отражающее процессы познания и структурирования человеком окружающей действительности, а также обеспечивающее все речевые процессы [Залевская 2005; Кубрякова 2011; Aitchison 1994; Martin, Chao 2001; Paivio 2010 et al.]. Помимо собственно лингвистических знаний, ментальный лексикон репрезентирует «стоящие за языковыми единицами структуры представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [Кубрякова 1997: 97], представляющие собой вербально выраженную внеязыковую информацию о свойствах и реалиях окружающего мира и являющиеся средством доступа к «единой информационной базе человека» [Залевская 1990].

Изучение лингвокогнитивных знаний, закрепленных в сознании индивида и обуславливающих все аспекты его речевого поведения, подразумевает выявление базовых принципов их структурирования в ментальном пространстве, что выводит исследователей на вопрос об общих принципах организации лексикона и особенностях упорядочивания его единиц.

Существует два глобальных подхода к рассмотрению структуры ментального лексикона: модулярный [Fodor 1983; Pinker 1999] и коннекционистский [Christiansen, Chater, Seidenberg 1999; Dell, Chang, Griffin 1999; Rumelhart et. al. 1986]. Авторы данной работы опираются на теорию коннекционизма, согласно которой ментальное пространство индивида может быть представлено в виде сложной многомерной сети, структурными элементами которой являются узлы (фрагменты информации, зафиксированной в сознании) и межузловые связи (способы взаимодействия фрагментов информации друг с другом) [Anderson 1983; Collins, Loftus 1975; Elman et. al. 1996; Marcus 2001]. Фактически сетевые (нейросетевые) модели ментального лексикона представляют собой модельные аналоги биологических нейронных сетей мозга, в которых закрепляется любой когнитивный опыт индивида, в том числе и опыт, связанный с усвоением языка. При этом, как и в случае биологических нейронных сетей, функционирование сети ментального лексикона во многом обусловлено свойствами межузловых связей (их силой, направлением, активацией) [Daniele et. al. 1994; Gree, McRae 2003; Kello, Plaut 2004].

Ментальный лексикон является полиструктурным образованием, пронизанным множеством разнотипных связей между его единицами. Экспериментальные исследования демонстрируют, что в пределах единой сети ментального лексикона различные связи единиц формируют отдельные,

относительно самостоятельные подструктуры – подсети, организованные по разным основаниям [Доценко, Лещенко 2009; Dotsenko, Leshchenko 2015; Li, Farkas, 2002; Li, Zhao, 2013 et al.].

Широко известно определение А.А. Залевской, согласно которому ментальный лексикон представляет собой «сложную систему многоярусных, многократно пересекающихся полей» [Залевская 1977: 73]; можно предположить, что именно поля являются базовыми структурными единицами ментального лексикона. Поля представляют собой определенным образом упорядоченное множество, единицы которого тесно связаны между собой и активно взаимодействуют. Взаимодействие полей приводит к тому, что ментальный лексикон развивает в себе целый ряд специфических организационных и функциональных свойств, присущих ему как единому целому, но не соотносимых ни с одним из компонентов, взятых по отдельности. При таком подходе на первый план для исследований ментального лексикона выступает изучение структуры полей, типов межполевых связей, особенностей активации полей и т. д.

Наиболее сильными связями в ментальном лексиконе являются, как известно, семантические связи, обеспечивающие формирование семантических групп и полей в языке (см. [Шур 1974]) и семантических категорий в когниции [Aitchison 1994; Pavlenko 2009]. Именно в ментальном лексиконе посредством семантических связей слов задаются границы категорий, которые, отражают опыт индивида в разных сферах его деятельности. Вполне вероятно, что именно эти связи задают основу структуры рассматриваемой сети.

В статье выдвигается следующая гипотеза: между семантическими полями (подсетями) в сети существуют связи, которые реализуются через связи входящих в них единиц; связи между полями задают основу структуры сети. Предметом исследования является моделирование системы связей между семантическими полями в ментальном лексиконе. Задачей данного исследования является моделирование межполевых связей семантических полей, а также последовательности межполевых переходов.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИСЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили цепочки реакций, полученные в ходе изучения образа профессиональной деятельности у информантов разных специальностей (см. подробнее [Belousov et. al. 2015]) в направленном ассоциативном цепном эксперименте с большим количеством реакций – а именно, методом перечисления слов определенного ряда (семантической группы/ категории). Такого рода ассоциативные эксперименты нацелены на установление границ категории и ее структуры (ядра, периферии и т.п.) (см. например: [Ерофеева, Пепеляева 2011]). Инструкция, которую получали информанты, была следующей: «Напишите не менее 30 слов, словосочетаний или выражений, которые с разных сторон характеризуют вашу ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ». Информанты (139 чел.) – представители разных специальностей (лингвисты, физики, медики) разного возраста и с разной квалификацией. В результате проведенного эксперимента было получено 4 334 реакции.

В качестве методов исследования использовались полевой и статистический анализ.

При распределении реакций по семантическим полям мы руководствовались следующими принципами.

1. Классификация проводится несколькими экспертами; при возникновении спорных вопросов вырабатывается согласованная позиция экспертов.

2. Семантическое поле формируется множеством единиц, значения которых характеризуются наличием общего семантического компонента. Название поле получает в соответствии с общим семантическим компонентом.

3. Одна единица может входить сразу в несколько семантических полей.

4. Конкретное значение многозначных слов определяется из контекста, т. е. соотносится с реакциями, стоящими рядом в ассоциативной цепочке. Например, слово *двигаться* может иметь отношение и к физическому движению, и к развитию. При этом оно встретилось в следующей цепочке реакций: *расти, вести (как по дороге), двигаться, понимать, увлечь*, – что позволяет идентифицировать его как слово в данном случае связанное с семантическим полем РАЗВИТИЕ.

5. Многозначное слово, которое встретилось в анкетах в разных значениях, соотносится с двумя соответствующими семантическими полями. Например, слово *словарь* может употребляться и в значении ‘уже существующее издание, инструмент, которым люди пользуются при научной или учебной деятельности’, и в значении ‘создаваемый научный продукт, результат работы ученого’. Контексты встречаемости этого слова показывают, что информанты употребляют его в обоих значениях, поэтому оно заносится и в поле ИНСТРУМЕНТЫ, и в поле РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

6. К нескольким семантическим полям относятся слова и выражения, связанные со всеми этими полями. Например, реакция *белая ворона* относится и к полю СУБЪЕКТЫ, и к полю ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА.

7. В два (или более) полей заносятся словосочетания, состоящие из двух (более) компонентов: *богатый лексикон* – одновременно относится и к полю РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, и к полю ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА.

6. Критерием выделения семантического поля являлся достаточный объем реакций, входящих в данное поле.

Для проведения полевого анализа использовалась информационная система «Семограф» (semograph.com), позволяющая создавать семантическую классификацию реакций с много-многозначными соответствиями между реакциями и полями (см. рис. 1).

Интерфейс классификации экспериментальных реакций состоит из трех столбцов: Поля, Компоненты и Контексты. В левом столбце ПОЛЯ приведены семантические поля; в среднем КОМПОНЕНТЫ – ассоциативные реакции; в правом КОНТЕКСТЫ – контексты использования (анкеты информантов) ассоциатов, выделенных в поле КОМПОНЕНТЫ.

В столбце КОМПОНЕНТЫ отражается частотность употребления ассоциатов во всем корпусе реакций (столбец С) и количество вхождений данной единицы в семантические поля (столбец F). Например, реакция *компьютер* включена в семантические поля ИНСТРУМЕНТЫ и ВЕЩНЫЙ МИР (факт вхождения фиксируется под реакцией в виде списка семантических полей и цифрой «2» столбца F, передающим количество разных полей, в которые входит реакция).

Далее анализировалась последовательность активации семантических полей в цепочках реакций информантов и проводился статистический анализ «переходов» от поля к полю в цепочках реакций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате полевого анализа реакций, полученных в эксперименте, были выделены 29 семантических полей, взаимосвязанных друг с другом. Поля и их объем (количество реакций, отнесенных к данному полю, в абсолютных величинах) представлены на рис. 2.

Как видим, наиболее часто в материале эксперимента встретились реакции, принадлежащие семантическим полям ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА, УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА. Эти поля составляют ядро представлений о профессиональной деятельности у опрошенных информантов (включение в ядро поля УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ обусловлено тем, что больше половины выборки информантов составили преподаватели вузов, что было обусловлено другой задачей исследования). Предъядерную зону формируют поля ИНСТРУМЕНТЫ, СУБЪЕКТЫ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СФЕРА, НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ СФЕРЫ, МЕТОДЫ. Остальные поля имеют небольшой объем и образуют периферию представлений о профессиональной деятельности.

Наиболее крупные по объему семантические поля (ядро и предъядерная зона) включают три четверти (75%) всех реакций информантов и именно эти поля наиболее интересны с точки зрения переходов от одного поля к другому при порождении ассоциативного ряда.

В результате анализа ассоциативных цепочек каждого из информантов, при котором учитывалась не конкретная реакция, а семантическое поле, в которое она входит, была построена матрица «переходов» между семантическими полями в ассоциативном ряду. «Переходом» между полями мы называем последовательность полей, к которым принадлежат следующие друг за другом в цепи ассоциатов реакции. Есть два типа переходов: 1) в цепи ассоциаций одна из ассоциаций принадлежит СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₁, а следующая за ней – СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₂ (т. е. происходит смена поля); 2) в цепи ассоциаций две подряд реакции принадлежат одному семантическому полю (т. е. смены поля не происходит). Последний случай мы называем «автопереходом».

Часть матрицы, включающая наиболее частотные поля, перечисленные выше, представлена в таблице 1 (данные полной матрицы, включающей также поля периферии, будут описаны в тексте). В ячейках матрицы указаны частоты переходов от СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ₁ (строки таблицы) к СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₂ (столбцы таблицы) в общем объеме исследованного материала. Начало ассоциативной цепочки – переход от поля START к следующему полю.

Таблица №1

Матрица переходов от СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ₁

к СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₂ в цепном ассоциативном тесте, абс.

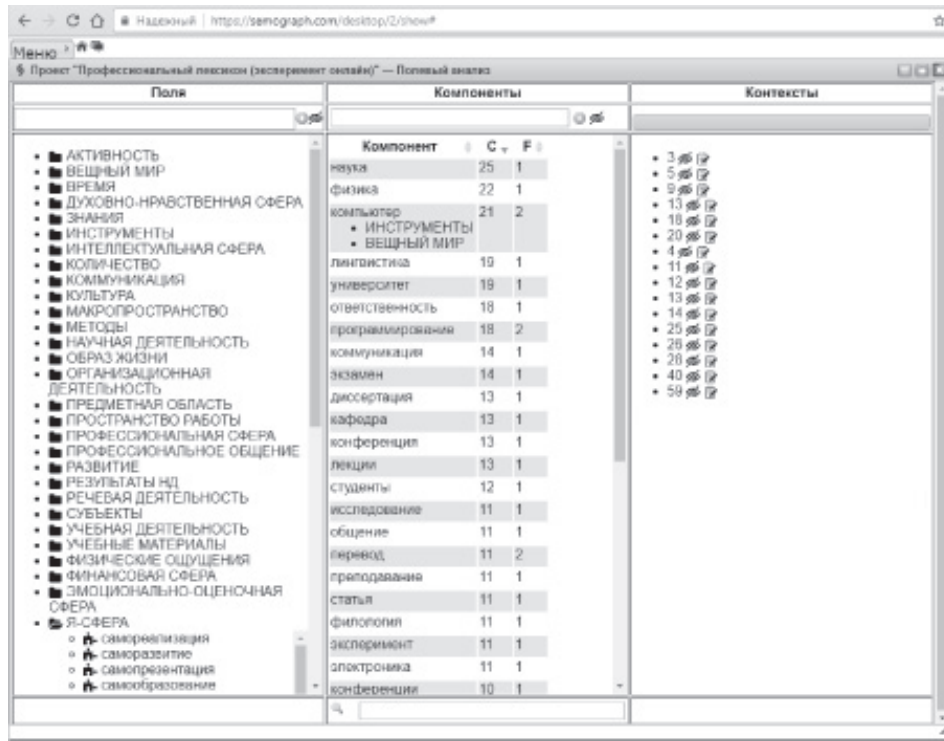

Рис. 1. Окно классификации экспериментальных реакций в ИС «Семограф»

Таблица №1

Матрица переходов от СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ₁ к СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₂ в цепном ассоциативном тесте, абс.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ₁	СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ₂										
	ДУХ.-НРАВСТ. СФЕРА	ИНСТРУМЕНТЫ	ИНТЕЛЛЕКТ. СФЕРА	МЕТОДЫ	НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ОРГАНИЗАЦ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	ПРОФЕССИОН. СФЕРА	СУБЪЕКТЫ	УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧ. СФЕРА
START	12	17	14	5	15	9	39	20	10	27	34
ДУХ.-НРАВСТ. СФЕРА	44	4	19	3	4	9	7	18	15	12	67

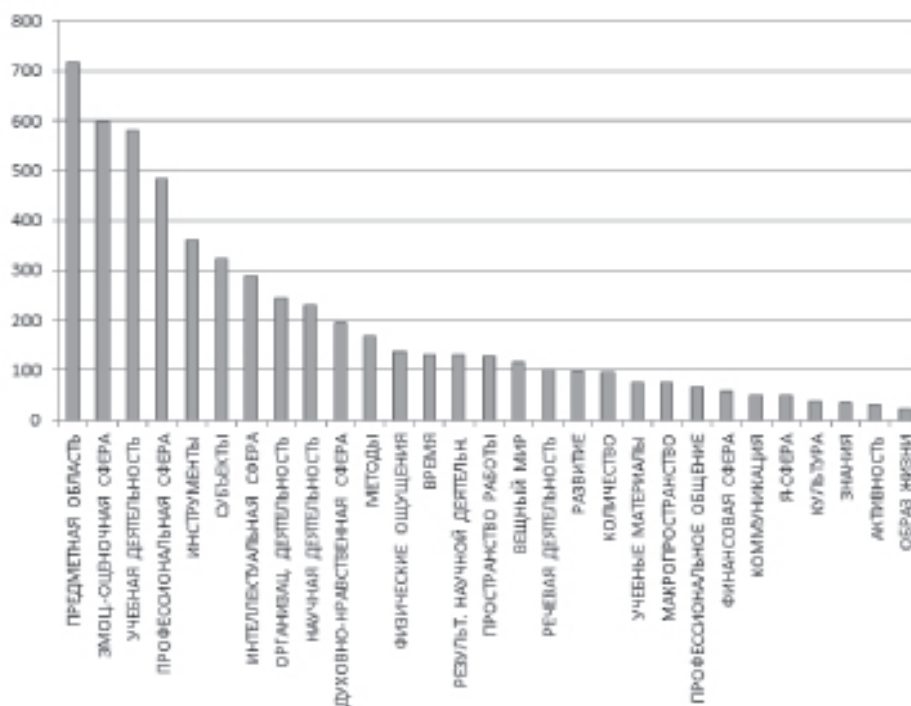

Рис. 2. Семантические поля и их объемы, абс.

ИНСТРУМЕНТЫ	2	104	16	17	12	16	56	39	9	42	14
ИНТЕЛЛЕКТ. СФЕРА	20	11	43	13	11	12	25	19	15	33	59
МЕТОДЫ	2	19	12	26	10	13	33	27	10	9	8
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	4	13	15	10	43	23	27	25	15	41	9
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	5	20	10	5	20	52	13	38	12	50	15
ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛ.	4	55	32	43	29	14	355	37	37	73	28
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА	24	40	20	26	16	23	39	128	47	37	78
СУБЪЕКТЫ	8	16	21	7	14	24	33	39	88	40	49
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	12	42	31	15	43	41	73	35	36	184	46
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНКА СФЕРА	61	15	66	8	12	17	30	67	48	35	202

Согласно данным матрицы переходов от СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ₁ к СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПОЛЮ₂, в условиях направленного ассоциативного эксперимента выявляются «стартовые поля», реакции из которых чаще всего служат началом ассоциативного ряда (см. ячейки на пересечении строки START со столбцами матрицы). Чаще всего информанты начинают ассоциативную

цепь с реакций из семантических полей ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ и ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА, УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, принадлежащих ядру представлений о профессиональной деятельности. Реже, но все-таки достаточно часто ассоциативная цепочка начинается с реакций, входящих в поля ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА и ИНСТРУМЕНТЫ, входящих в предъядерную зону. Именно эти семантические поля имеют наибольший объем в структуре представлений о профессиональной деятельности. Таким образом, на данном материале наблюдается прямая зависимость между объемом поля и принадлежностью первой реакции в цепи ассоциатов к данному полю.

Хотя довольно большая часть переходов полей вообще не реализована в процессе эксперимента (из 1 160 ячеек полной матрицы переходов 158 равны 0, что составляет более 13%), не существует ни одного поля, из которого бы никогда не происходили переходы, и ни одного поля, в которое бы никогда не происходили переходы, т. е. все поля так или иначе увязаны в единую сеть посредством связи между элементами.

Приведем таблицу частот автопереходов поля самого в себя и переходов из поля в другое поле и из другого поля в данное (см. табл. 2).

Таблица №2

Объемы полей и частоты переходов полей, абс.

Семантическое поле	Объем	Авто-переход	Переход из поля	Переход в поле
ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	717	355	465	492
ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	597	202	597	632
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	579	184	553	584
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА	482	128	518	535
ИНСТРУМЕНТЫ	362	104	314	347
СУБЪЕКТЫ	322	88	346	365
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА	288	43	296	359
ОРГАНИЗАЦ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	245	52	290	294
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	230	43	266	255
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА	195	44	215	213
МЕТОДЫ	169	26	175	180
ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ	136	25	158	148
ВРЕМЯ	131	24	176	186
РЕЗУЛЬТ. НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬН.	129	25	130	139
ПРОСТРАНСТВО РАБОТЫ	128	29	136	136
ВЕЩНЫЙ МИР	117	23	132	128
РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	101	10	120	122
РАЗВИТИЕ	98	13	133	130
КОЛИЧЕСТВО	96	15	143	144
УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	76	8	85	90
МАКРОПРОСТРАНСТВО	74	10	88	98
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ	65	3	91	101
ФИНАНСОВАЯ СФЕРА	58	4	74	78
КОММУНИКАЦИЯ	50	3	73	72

Я-СФЕРА	49	8	75	76
КУЛЬТУРА	36	0	47	30
ЗНАНИЯ	34	3	45	42
АКТИВНОСТЬ	31	2	35	38
ОБРАЗ ЖИЗНИ	23	0	25	34

Среднее абсолютное значение частоты автопереходов, т. е. повтора поля в цепочке ассоциатов, на данной выборке составляет 50,8, в то время как среднее значение перехода поля в любое другое поле составляет только 7,2. Следовательно, испытуемым при порождении цепочки ассоциатов легче дать следующую реакцию, входящую в то же самое поле, что и предыдущая реакция, чем осуществить переход от одного поля к другому.

Чаще всего следующая реакция, принадлежащая тому же полю, дается после реакций из поля ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ; далее по убыванию частоты следуют поля ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА, УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА и ИНСТРУМЕНТЫ (см. табл. 2). Таким образом, объем поля и здесь оказывается наиболее важным признаком: чем больше семантическое поле, активированное в ассоциативном эксперименте, тем больше вероятность, что две подряд ассоциации в цепочке будут принадлежать этому полю.

Однако для реакций из некоторых полей, принадлежащих предъядерной зоне или периферии структуры образа профессиональной деятельности, данная закономерность может не соблюдаться. Так, после реакций, принадлежащих семантическим полям КУЛЬТУРА и ОБРАЗ ЖИЗНИ вообще не встречаются реакции из этих же полей (частота автоперехода поля равна 0); после реакций из полей АКТИВНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА, ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ, УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ чаще следуют реакции из других семантических полей, чем из тех же самых (имеются в виду частоты переходов в отдельные поля, а не совокупность частот переходов в другие поля). Например, чаще всего за реакциями из полей АКТИВНОСТЬ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА или ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ следуют реакции из поля ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА (частоты 12, 67 и 36 соответственно); за реакциями из поля ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ – реакции из полей ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (13) и РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (12); за реакциями из поля УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ – реакции из поля УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (20). Таким образом, средние по размеру семантические поля ведут себя неодинаково в смысле стратегий ассоциирования.

Чаще всего реализуются переходы в другие поля из следующих полей: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА, УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА, ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, СУБЪЕКТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА. Переходы из других полей наиболее часто осуществляются в те же самые поля (см. табл. 2) Частота переходов из других полей и в данные поля не превышает 200. Как видим, список полей, из которых происходят переходы и в которые происходят переходы, идентичен (меняется только положение двух полей в списке).

В таблице 3 представлены наиболее частотные сценарии переходов из каждого конкретного поля.

Таблица №3

Наиболее частотные сценарии переходов из семантических полей, абс.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ₁	→ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ₂	Част.
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	78
ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	→ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	73
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	67
ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	→ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА	66
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	59
ИНСТРУМЕНТЫ	→ ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	56
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬН.	→ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	50
СУБЪЕКТЫ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	49
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	46
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	→ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	41
ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	36
МЕТОДЫ	→ ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	33
ВЕЩНЫЙ МИР	→ ИНСТРУМЕНТЫ	29
ВРЕМЯ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	28
КОЛИЧЕСТВО	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	24
РАЗВИТИЕ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	24
УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	→ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	20
Я-СФЕРА	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	18
ПРОСТРАНСТВО РАБОТЫ	→ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	17
РЕЗУЛЬТ. НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬН.	→ НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	14
РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	→ ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	14
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ	→ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬН.	13
АКТИВНОСТЬ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	12
МАКРОПРОСТРАНСТВО	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	11
КОММУНИКАЦИЯ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	10
ЗНАНИЯ	→ ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ	8
ФИНАНСОВАЯ СФЕРА	→ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА	7
КУЛЬТУРА	→ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА	6
ОБРАЗ ЖИЗНИ	→ ЭМОЦ.-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА	6

Анализ конкретных переходов из поля в поле показал, что наиболее часто осуществляются следующие переходы: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА → ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА (78); ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ → УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (73); ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА → ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА (67); ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА → ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА (66); ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА → ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА (59); ИНСТРУМЕНТЫ → ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ (56). Можно заметить, что в большинстве случаев наиболее частотные переходы не симметричны. Так, наиболее часто поле ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ переходит в поле ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА, но поле ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СФЕРА чаще

всего переходит в поле ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА, а не в поле ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ. Таким образом, связи полей являются направленными.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ цепочек реакций в направленном ассоциативном эксперименте позволил сделать следующие выводы относительно связей семантических полей в ментальном лексиконе.

Испытуемым легче в целом дать реакцию, входящую в то же самое поле, чем осуществить переход от одного поля к другому. Однако разные поля с этой точки зрения неодинаковы в сознании испытуемых: после реакций из некоторых полей испытуемые редко дают или вообще никогда не дают реакции из них же.

Наиболее активными во всех типах переходов являются самые крупные поля, что естественно, так как они содержат наибольшее количество единиц. Количество переходов из поля в другие поля (в совокупности) и в поле из других полей (в совокупности) всегда больше, чем количество автопереходов внутри поля, что, очевидно, обеспечивает связность всей сети.

У средних и мелких по объему полей количество переходов из поля в другие поля и в поле из других полей (в совокупности) в несколько раз превышает количество автопереходов внутри поля, что дает возможность обеспечить включенность данных полей в общую сеть.

Выделяется несколько стандартных для испытуемых сочетаний полей, когда за реакцией из одного поля следует реакция из другого, при этом обратное неверно, что свидетельствует о направленной активации связей полей.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу: в ментальном лексиконе единицы группируются по полевому принципу, при этом отдельные поля через связи их единиц связаны друг с другом более тесно, чем другие.

Моделируемая структура семантических полей отражает конструируемую в сознании носителей языка активацию единиц и полей лексикона, заданную экспериментальным контекстом. Динамический характер ментального лексикона предполагает, что в рамках изменения контекста и социальных параметров носителей языка структура лексикона может перестраиваться: будут меняться состав реакций, их частота, последовательность, объемы семантических полей и т. д. Тем не менее можно прогнозировать, что базовые принципы организации взаимосвязи полей не изменятся.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00320 «Когнитивное моделирование профессионального компонента ментального лексикона».

Литература

Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е. Формирующийся иноязычный сублексикон взрослого: начальный этап // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 138–150.

Ерофеева Е.В., Пепеляева Е.А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 1(13). С. 7–19.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 208 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Кубрякова Е.С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 97–99.

Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент речевой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики / под ред. Л.Н. Чурилиной. М.: Флинта-Наука, 2011. С. 327–343.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.

Aitchison, J. (1994). *Words in the Mind*. Oxford: Blackwell.

Anderson, J.R. (1983). A spreading activation theory of memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, Vol. 22, 261–295.

Belousov, K.I., Erofeeva, E.V., Erofeeva, T.I., Zelyanskaya, N.L., Leshchenko, Y.E. (2015). University teachers of linguistics and self-image of their profession. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 214, 667–676.

Christiansen, M.H., Chater, N., Seidenberg, M.S. (1999). Connectionist models of human language processing: Progress and prospects. *Cognitive Science*, Vol. 23, No. 4, 415–415.

Collins, A.C., Loftus, E.F. (1975). A spreading activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, Vol. 82, 407–428.

Cree, G.S., McRae, K. (2003). Analyzing the factors underlying the structure and computation of the meaning of chipmunk, cherry, chisel, cheese and cello (and many other concrete nouns). *Journal of Experimental Psychology: General*, Vol. 132, 163–201.

Daniele, A., Giustolisi, L., Silveri, M.C., Colosimo, C., Gainotti, G. (1994). Evidence for a possible neuroanatomic basis for lexical processing of nouns and verbs. *Neuropsychologia*, Vol. 32, 1325–1341.

Dell, G., Chang, F., Griffin, Z. (1999). Connectionist Models of Language Production: Lexical Access and Grammatical Encoding. *Cognitive Science*, Vol. 23, No. 4, 517–542.

Dotsenko, T., Leshchenko, Y. (2015). Structural-dynamic characteristics of functional subsystems in the forming bilingual mental lexicon. 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, Vol. 1, No. 2, 161–169.

Elman, J.L., Bates, E.A., Johnson, M.H., Karmiloff-Smith, A., Parisi, D., Plunkett, K. (1996). *Rethinking Innateness: A connectionist perspective on development*. Cambridge MA: MIT Press.

Fodor, J.A. (1983). *The modularity of mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kello, C.T., Plaut, D.C. (2004). A neural network model of the articulatory-acoustic forward mapping trained on recordings of articulatory parameters. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2354–2364.

Li, P., Farkas, I. (2002). A self-organizing connectionist model of bilingual processing. Heredia, R., Altarriba, J. (eds.). *Bilingual Sentence Processing*. Amsterdam: Elsevier, 59–85.

Li, P., Zhao, X. (2013). Self-organizing map models of language acquisition. *Frontiers in psychology*. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00828/full>

Marcus, G.F. (2001). *The Algebraic Mind: Integrating Connectionism and Cognitive Science (Learning, Development, and Conceptual Change)*. Cambridge, MA: MIT Press.

Martin, A., Chao, L.L. (2001). Semantic memory and the brain: Structure and process. *Current Opinion on Neurobiology*, Vol. 11, 194–201.

Paivio, A. (2010). Dual coding theory and the mental lexicon. *The Mental Lexicon*, Vol. 5, Iss. 2, 205–230.

Pavlenko, A. (2009) Conceptual representation in the bilingual lexicon and second language vocabulary learning. Pavlenko, A. (ed.). *The bilingual mental lexicon: Interdisciplinary approaches*. Multilingual matters: Bristol-Buffalo-Toronto, 125–161.

Pinker, S. (1999). *Words and rules: the ingredients of language*. New York: Harper Collins.

Rumelhart, D.E., McClelland, J.L., Hinton, G.E., Williams, R.J. (1986). *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*. Vol. 1: Foundations. Cambridge, MA: MIT Press.

FIELD PRINCIPLE OF MENTAL LEXICON ORGANIZATION AND SCENARIOS OF FIELDS ACTIVATION

Konstantin I. Belousov

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University
614090, Perm, Bukireva, 15
belousovki@gmail.com

Elena V. Erofeeva

Head of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University
614090, Perm, Bukireva, 15
elenerofee@gmail.com

Yuliya E. Leshchenko

Assistant Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University
614090, Perm, Bukireva, 15
naps536@mail.ru

Mental lexicon is a complex system that reflects in a linguistic form the process of structuring by an individual the world around. Mental lexicon can be represented in the form of a multidimensional network; its structural units are nodes (fragments of information fixed in individual consciousness) and internodal connections (means of interaction between information elements). Internodal connections can have different direction and diverse activation levels. The strongest connections in mental lexicon are the semantic ones. They form semantic subnetworks treated as analogues of semantic groups and fields

in language, and semantic categories in cognition. The research examines the hypothesis that semantic fields (subnetworks) are interconnected by means of their units' connections. The research subject is in modeling the system of connections between semantic fields in mental lexicon. The method of directed chained associative test is used. The obtained material includes chains of reactions received from 139 participants (the total of 4334 reactions). The material has been processed in the "Semograph" Information System, which enables to create semantic classification of reactions with many-to-many correspondence between reactions and fields. The sequence of activating semantic fields in the chains of participants' reactions has been analyzed. The received data confirm the hypothesis that mental lexicon units are grouped according to the field principle; in this case, certain fields are more closely interconnected with each other than with all other fields via the connections of their units. The activation of fields' connections has a directed character. The modeled structure of semantic fields reflects the activation of units and fields in mental lexicon reconstructed in the speakers' consciousness and determined by the experimental context.

Keywords: mental lexicon, nodes, connections, fields, semantics, direction, modeling

References

Dotsenko, T.I., Leshchenko, Y.E. (2009) Formiruyushchiysya inoyazychnyy subleksikon vzroslogo: nachalnyy etap [Forming Foreign Language Sublexicon of Adults: The Initial Stage]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] Moscow. No. 9, 138–150. Print. (In Russian.)

Erofeeva, E.V., Pepelyaeva, E.A. (2011) Struktura semanticheskogo polya «Chelovek» v soznanii nositeley russkogo yazyka [Structure of the Semantic Field "Human" in the Consciousness of Russian Native Speakers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology] Perm. 1(13), 7–19. Print. (In Russian.)

Zalevskaya, A.A. (1977) Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka [The Problems of Organization of an Individual's Mental Lexicon]. Kalinin. 73 p. Print. (In Russian.)

Zalevskaya, A.A. (1990) Slovo v leksikone cheloveka: Psikholingvisticheskoe issledovanie [Word in the Individual's Mental Lexicon: Psycholinguistic Research]. Voronezh: Voronezh University Publ. 208 p. Print. (In Russian.)

Zalevskaya, A.A. (2005) Psikholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst [Psycholinguistic Research: Word. Text.]. Moscow: Gnozis Publ. 543 p. Print. (In Russian.)

Kubryakova, E.S. (1996) Mental'nyy leksikon [Mental Lexicon]. *Kubryakova E.S. (ed). Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Publ. of MGU Filological faculty. pp. 97–99. Print. (In Russian.)

Kubryakova, E.S. (2011) O mental'nom leksikone: leksikon kak komponent rechevoy sposobnosti cheloveka [On Mental Lexicon: Lexicon as a Component of an Individual's Linguistic Competence]. *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki* [Actual Problems of Modern Linguistics]. Moscow: Flinta-Nauka Publ. pp. 327–343. Print. (In Russian.)

Shchur, G.S. (1974) Teoriya polya v lingvistike [Theory of Field in Linguistics]. Moscow: Nauka Publ. 254 p. Print. (In Russian.)

Aitchison, J. (1994). *Words in the Mind*. Oxford: Blackwell. Print.

Anderson, J.R. (1983). A spreading activation theory of memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, Vol. 22, 261–295. Print.

Belousov, K.I., Erofeeva, E.V., Erofeeva, T.I., Zelyanskaya, N.L., Leshchenko, Y.E. (2015). University teachers of linguistics and self-image of their profession. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 214, 667–676. Print.

Christiansen, M.H. Chater, N., Seidenberg, M.S. (1999). Connectionist models of human language processing: Progress and prospects. *Cognitive Science*, Vol. 23, No. 4, 415–415. Print.

Collins, A.C., Loftus, E.F. (1975). A spreading activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, Vol. 82, 407–428. Print.

Cree, G.S., McRae, K. (2003). Analyzing the factors underlying the structure and computation of the meaning of chipmunk, cherry, chisel, cheese and cello (and many other concrete nouns). *Journal of Experimental Psychology: General*, Vol. 132, 163–201. Print.

Daniele, A., Giustolisi, L., Silveri, M.C., Colosimo, C., Gainotti, G. (1994). Evidence for a possible neuroanatomic basis for lexical processing of nouns and verbs. *Neuropsychologia*, Vol. 32, 1325–1341. Print.

Dell, G., Chang, F., Griffin, Z. (1999). Connectionist Models of Language Production: Lexical Access and Grammatical Encoding. *Cognitive Science*, Vol. 23, No. 4, 517–542. Print.

Dotsenko, T., Leshchenko, Y. (2015). Structural-dynamic characteristics of functional subsystems in the forming bilingual mental lexicon. 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, Vol. 1, No. 2, 161–169. Print.

Elman, J.L., Bates, E.A., Johnson, M.H., Karmiloff-Smith, A., Parisi, D., Plunkett, K. (1996). Rethinking Innateness: A connectionist perspective on development. Cambridge MA: MIT Press. Print.

Fodor, J.A. (1983). *The modularity of mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kello, C.T., Plaut, D.C. (2004). A neural network model of the articulatory-acoustic forward mapping trained on recordings of articulatory parameters. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2354–2364. Print.

Li, P., Farkas, I. (2002). A self-organizing connectionist model of bilingual processing. Heredia, R., Altarriba, J. (eds.). *Bilingual Sentence Processing*. Amsterdam: Elsevier, 59–85. Print.

Li, P., Zhao, X. (2013). Self-organizing map models of language acquisition. *Frontiers in psychology*. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00828/full>. Web.

Marcus, G.F. (2001). *The Algebraic Mind: Integrating Connectionism and Cognitive Science (Learning, Development, and Conceptual Change)*. Cambridge, MA: MIT Press. Print.

Martin, A., Chao, L.L. (2001). Semantic memory and the brain: Structure and process. *Current Opinion on Neurobiology*, Vol. 11, 194–201. Print.

Paivio, A. (2010). Dual coding theory and the mental lexicon. *The Mental Lexicon*, Vol. 5, Iss. 2, 205–230. Print.

Pavlenko, A. (2009) Conceptual representation in the bilingual lexicon and second language vocabulary learning. Pavlenko, A. (ed.). *The bilingual mental lexicon: Interdisciplinary approaches*. Multilingual matters: Bristol-Buffalo-Toronto, 125–161. Print.

Pinker, S. (1999). *Words and rules: the ingredients of language*. New York: Harper Collins. Print.

Rumelhart, D.E., McClelland, J.L., Hinton, G.E., Williams, R.J. (1986). *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*. Vol. 1: Foundations. Cambridge, MA: MIT Press. Print.

**ЦВЕТОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ПОЛИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА РЕКЛАМНОГО РОЛИКА¹**

Козловская Екатерина Андреевна

лаборант-исследователь

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

644077 г. Омск, пр. Мира, 55а

kozlek@yandex.ru

В статье представлен анализ результатов цветового эксперимента, направленный на выявление восприятия гетерогенных частей (вербальной и визуальной) полимодального текста рекламного ролика детских товаров. Цветовой эксперимент дал возможность установить эмоционально-экспрессивный слой восприятия реципиентов, в также особенности восприятия разнородных частей полимодального текста целевой и нецелевой аудиторией. Цветовой эксперимент следовал за семантическим и рецептивным, позволил обобщить полученные ранее выводы. Реципиенты оценивали 2 рекламных ролика детских товаров – «Агуша» и «Либеро». Эксперимент был разделен на 3 этапа – первая группа реципиентов воспринимала полный видеоролик, вторая – только вербальную его составляющую, третья – только видеочасть. По результатам первых двух экспериментов было установлено, что рациональная информация находит больший отклик, поступая к реципиенту по одному каналу восприятия. По итогам же цветового эксперимента выяснилось, что наибольшее воздействие на эмоции реципиентов достигается при восприятии полного полимодального текста видеоролика. Воспринимая полный текст, реципиенты давали более однородные положительные цветовые реакции и на первый, и на второй видеоролик. Единый полимодальный текст рекламы достигает в этом случае максимального воздействия на реципиента.

Ключевые слова: цветовой эксперимент, полимодальный текст, гетерогенные части полимодального текста, вербальная составляющая, визуальная составляющая, психолингвистический эксперимент

Цветовой эксперимент – это метод, широко применяемый в психологии и психолингвистике для выявления эмоционально-экспрессивных реакций испытуемых. Известно, что каждый цвет имеет свое собственное значение, и выбор того или иного оттенка позволяет исследователю делать выводы о функционировании объекта исследования в сознании реципиентов. Швейцарский психолог Макс Люшер разработал концепцию символического значения цвета. При восприятии рекламного видеоролика эмоционально-экспрессивное значение текста играет не последнюю роль, так как от его восприятия зависит покупательская способность реципиента. Для выявления особенностей восприятия гетерогенных частей полимодального текста рекламы (вербальной и визуальной), а также целостного произведения были выбраны рекламные видеоролики, относящиеся

к сфере детских товаров и услуг: рекламные ролики «Агуша» (детский йогурт) и «Либеро» (подгузники). Интерес к тематической сфере обусловлен специфической неоднородностью как ее самой (она включает любые детские товары – начиная от продуктов питания, смесей и заканчивая одеждой, игрушками и т.д.), так и ее целевой аудитории (биполярность – с одной стороны, дети, являющиеся потребителями товаров, с другой – родители, которые эти товары покупают). Данное исследование проводилось только среди взрослых реципиентов.

Полное исследование восприятия целевой (родители, покупающие детские товары) и нецелевой (люди, не имеющие детей) аудиторией рекламных роликов детских товаров включало 3 вида эксперимента (семантический, рецептивный и цветовой), а также маркетинговую часть. В данной статье мы остановимся на результатах цветового эксперимента, позволяющего выяснить эмоционально-экспрессивные особенности восприятия гетерогенных составляющих полимодальных текстов рекламных роликов.

Каждый из 3-х видов описываемого эксперимента был разделен на 3 этапа: первая группа реципиентов (100 человек, по 25 человек в каждой группе: женщины с детьми, женщины без детей, мужчины с детьми, мужчины без детей) воспринимала полный полимодальный текст видеороликов, вторая (48 человек, по 12 человек в каждой группе) – только звучащую часть текста, и, наконец, третья (48 человек, по 12 в каждой группе испытуемых) – только видеочасть. Время проведения эксперимента – февраль–май 2016 г.

Особый интерес для исследования представляло восприятие реципиентами целевой и нецелевой аудитории гетерогенных составляющих полимодального текста. «Появление новых технологий, позволяющих соединять письменный текст, рисунок, звук, анимацию, вызывает немало теоретических вопросов о воздействии на индивида каждой из отдельно взятых составляющих, о когнитивных механизмах их объединения, о самой способности индивида к их интеграции и многих других» [Сонин 2006].

Исходным в психолингвистических исследованиях полимодальных текстов является положение о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам, в том числе вербальная и иконическая, интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления [Жинкин 1982; Сонин 2005].

На уровне глубинной семантики языка не существует принципиальной разницы между семантикой иконических и вербальных знаков. В процессе восприятия полимодального текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) поликодового текста [Головина 1986].

По результатам семантического эксперимента был сделан вывод, что для адекватного восприятия рекламного видеоролика детских товаров (понимания того, о чем идет речь, усвоения информации) необходимым является один канал восприятия: реципиент может только прослушать текст ролика и понять его, а может только просмотреть и тоже верно усвоить передаваемую информацию. «А значит, что невербальный и вербальный компоненты рекламного ролика являются

равновеликими, и невозможно выделить наиболее важную его составляющую. Логично, что максимальное количество информации реципиент может усвоить, задействуя одновременно 2 канала восприятия, а не один, а значит, инкорпорируя вербальную и визуальную часть, мы получим идеальный цельный полимодальный текст, обладающий наибольшей силой влияния – двигатель торговли» [Козловская 2017]. «Этот принцип будет работать только в ситуации, когда визуальный и аудиальный компоненты рассредоточено представляют эмотивно-смысловую доминанту текста» [Сонин 2006].

Результаты проведенного нами рецептивного эксперимента подтвердили вывод о равновеликости 2-х компонентов: визуального и вербального, а вот то, что их инкорпорирование приводит к лучшему восприятию, подверглось сомнению. Рекламный ролик, демонстрируемый полностью (полный полимодальный текст) на 1 этапе эксперимента, не нашел у реципиентов сильного эмоционального и рационального отклика. И, соответственно, силу влияния на сознание потенциальных покупателей детских товаров больше оказывает информация, поступающая по одному из каналов восприятия, чем по нескольким. Значит, гетерогенные части полимодального рекламного ролика, воспринимаемые реципиентами по отдельности, формируют более цельные представления, чем полный текст рекламного ролика.

Обратимся к результатам цветового эксперимента, целью которого было установление эмоционально-экспрессивной стороны восприятия текста. Реципиентам предлагалось простое задание: указать, с каким цветом соотносится для них увиденный или услышанный текст (необходимо было дать реакцию в виде цветовой ассоциации). При обработке данных эксперимента учитывались не только оттенки цвета, но и его насыщенность, а также степень светлоты, проявляющиеся в реакциях типа «темно-розовый», «бледно-голубой», «светлый» и подобных. Данная позиция связана с тем, что «насыщенность или чистота цвета может быть понята как степень его близости к спектральному <...> Изменение цвета по насыщенности, не меняя знака выражаемой им эмоции, сказывается на силе производимого им эмоционального впечатления. Менее насыщенный, разбавленный цвет теряет в своей выразительности, его эмоциональное содержание “растворяется”. Поэтому учет только характеристики цветового тона – “имени” цвета, отражающего принадлежность цвета к определенному участку спектра, несомненно, обедняет возможность глубокого изучения взаимосвязей между эмоциями и цветом» [Базыма 2001: 43].

С точки зрения психологии, цветовой эксперимент является субъективным методом в плане его направленности на изучение индивидуальных психических особенностей конкретного индивида: «Взаимосвязь эмоций и цвета является закономерной, обусловленной, с одной стороны, психофизическими характеристиками цвета, а с другой – психофизиологической организацией человека. Из этого с необходимостью следует, что определенные формы отношения к цвету у человека несут информацию об его индивидуальных и типологических качествах – темпераменте, характере и личности» [Там же: 45]. Но с точки зрения психолингвистики, цветовой эксперимент, сходный по методике проведения с ассоциативным, является объективным методом исследования воздействия

на реципиентов определенных стимулов, текстов и прочих объектов, так как при достаточном количестве испытуемых обнаруживаются общие тенденции взаимосвязи этих объектов и их бессознательного эмоционального восприятия, выраженного в определенных цветовых оттенках. Таким образом, цветовой эксперимент, являясь методом исследования подсознания, позволит выяснить разницу эмоционально-экспрессивного восприятия разнородных частей полимодального текста.

С точки зрения оценивания разных частей полимодального текста в рамках цветовой парадигмы, очевидно, что наибольший интерес представляет оценивание вербальной части, т.к. на 1-м (полный текст) и 3-м этапе (видеочасть) влияние на реакции реципиентов могла оказать визуальная составляющая видеоролика и те цвета, которые наличествуют на экране. Причем данная тенденция также подверглась анализу с целью установить, насколько сильно визуальное цветовое наполнение ролика оказывает влияние на цветовую ассоциацию реципиента.

В целом в реакциях женщин наблюдается гораздо большее разнообразие цветовых оттенков вообще и большое количество единичных цветовых реакций на каждый видеоролик, в частности. Это объясняется особенностями женского восприятия мира, в том числе и возможностью различения гораздо большего количества оттенков цвета по сравнению с мужчинами. Так, в группах женщин отмечаются интересные реакции типа «персиковый», «пастельно-голубой», «светлые пастельные тона», «зеленый и цвет злаков», «цвет морской волны», «грязно-розовый» и т.д. При этом в группах мужчин также есть нестандартные реакции и тонкие оттенки цвета, но их гораздо меньше: «оливковый», «молочный», «песочный», «более светлые краски, но не яркие» (см. Приложение 1).

Кроме того, реципиенты разных групп давали реакции с уточнением степени интенсивности цвета – «темно-розовый», «светло-зеленый» и его насыщенности – «бледно-голубой», «ярко-голубой». Насыщенность цвета влияет на силу эмоционального впечатления [Базыма 2001: 43-44], а значит, реакции типа «ярко-голубой» утверждают абсолютную уверенность реципиента в положительной оценке ролика (см. ниже интерпретацию цветовой реакции «голубой»); а разделение оттенков по светлоте также указывает на положительную или отрицательную коннотацию видеоролика даже без обращения к интерпретации конкретного цвета: черный цвет обладает отрицательным значением, «поэтому нетрудно догадаться, каков его вклад в эмоциональное содержание других цветов, если они смешаны с ним. В целом, происходит сдвиг эмоционального значения в отрицательную сторону» [Там же: 43].

На первый взгляд, восприятие рекламного ролика «Агуша» на 1-м и 3-м этапах эксперимента близко по цветовым ассоциациям реципиентов, выделяющих в большинстве своем желтый, голубой и белый цвета. А в восприятии вербальной части, как мы и предполагали, наблюдаются другие цветовые реакции. В результатах восприятия ролика «Либеро» выявлена похожая тенденция, но она менее очевидна.

Мы рассмотрели общие закономерности, выявленные в ходе данного эксперимента. Далее обратимся непосредственно к интерпретации наиболее частотных цветовых реакций разных групп реципиентов на разных этапах эксперимента и сравним их между собой. Для интерпретации воспользуемся

методикой цветовой психодиагностики Макса Люшера [1996], а также интерпретацией цветов, представленной в монографии Б.А. Базымы «Цвет и психика» [2001]; для удобства сравнения результатов составим диаграммы для каждого этапа эксперимента.

В каждой диаграмме 4 части – по количеству групп испытуемых (в случае максимальных ядерных реакции с одинаковыми числовыми показателями количество частей диаграммы увеличивается, т.к. рассматриваются все реакции). Каждая часть окрашена в тот цвет, который предпочло большинство реципиентов данной группы, указан конкретный числовой показатель данного большинства.

Видеоролик «Агуша»

1 этап (полный видеоролик)

Диаграмма 1. Ядерные цветовые реакции 1-го этапа восприятия видеоролика «Агуша»

Самыми частотными цветовыми реакциями при восприятии полного полимодального текста видеоролика «Агуша» оказались реакции «желтый» и «голубой». При этом в группах реципиентов женщин преобладает желтый, а в группах мужчин – голубой. В первую очередь это может быть связано с наличием данных цветов в самом видеоролике, демонстрируемом реципиентам, т.к. они присутствуют в самой яркой его части – рисованной заставке. Более того, в самом первом кадре выделяются именно эти 2 цвета, и возможно, что первое впечатление от увиденного на экране отложилось в подсознании реципиентов, отреагировавших такими цветовыми ассоциациями. Объективно голубого цвета в видеоролике гораздо больше, чем желтого, т.к. он присутствует и в оформлении упаковки продукта, и в заставке с льющемся молоком и злаками в середине ролика. А это значит, что такое большое количество реакции «желтый», особенно в группе женщин без детей (44% от общего числа реакций) не может быть полностью спровоцировано воздействием

визуальной части видеоролика. Рассмотрим интерпретацию данных цветовых реакций.

«Желтый цвет – самый яркий и воспринимается как источник света и бодрости <...> Желтый вызывает радость, бодрость духа и счастье. <...> Желтый цвет – это движение вперед, к новому, современному, развивающемуся и неоформленному. <...> Желтый цвет – это расслабление и расширение» [Люшер 1996]. Мы видим, что желтый цвет обладает положительными коннотациями, реакция этого цвета подчеркивает открытость реципиента к восприятию новой информации и, как следствие, возможной покупке нового рекламируемого товара.

Голубой цвет пассивен, «он выражает чувство дружелюбного нейтралитета» [Базыма 2001: 44]. Можно предположить, что в данном случае он выражает положительно-равнодушное отношение мужчин к полимодальному рекламному тексту видеоролика. Тем более, что среди менее заинтересованной группы мужчин без детей наличествует большее количество реакций «голубой», что подтверждает выдвинутое предположение. Но, кроме этого, на наш взгляд, видеоролик с участием детей оказывает эмоциональное воздействие и на мужчин тоже, поэтому голубой цвет как реакция на данный ролик мог быть предложен реципиентами, исходя из его «жизнеутверждающих» значений, отражаемых наивной картиной мира в виде впечатления легкости, воздушности, эфирности, чистоты, что логично вписывается в концепцию рекламы такого продукта, как детский йогурт.

2 этап (вербальная часть)

Диаграмма 2. Ядерные цветовые реакции 2-го этапа восприятия видеоролика «Агуша»

Отсутствие визуальной части на данном этапе эксперимента привело к большому разбросу цветовых реакций. Тем не менее, были выделены самые частотные, ядерные, реакции в каждой из 4-х групп реципиентов. Наибольшее единодушие при определении цвета показали реципиенты мужчины без детей, дав реакцию «серый». В связи с этим мы делаем важный вывод о том, что при восприятии

вербальной части видеоролика мужчины действительно предпочитают предлагать цветовую ассоциацию, спровоцированную увиденным на экране. Напомним, что при восприятии вербальной части видеоролика реципиенты видели на экране заставку серого цвета, чтобы не подтолкнуть реципиентов к положительному или отрицательному отношению к ролику, т.к. серый цвет, по Люшеру, считается «бесцветным», не темным и не светлым, «в нем не заложено никаких стимулов и никаких психологических тенденций» [Люшер 1996]. Соответственно, результат, полученный в группе мужчин без детей можно трактовать и как их равнодушие к прослушанной информации, и как реакцию на заставку, а не на собственно предлагаемый текст. Но если допустить всё же, что цветовая реакция реципиентов данной группы действительно является ассоциацией, вызванной текстом рекламного ролика, то результат не будет противоречить сделанным выводам, т.к. в основе интерпретации данного цвета лежит не собственно цветовое значение восприятия видеоролика реципиентами, а отношение к нему как инородному. «Серый – это Берлинская стена, это – “железный занавес”, по другую сторону которого существуют другие порядки. <...> Это цвет сдержанности» [Там же]. Таким образом, реципиенты, указавшие серый цвет, продемонстрировали стремление отгородиться от просмотренного ролика.

Треть группы испытуемых женщин без детей дали реакцию «розовый», что весьма интересно с точки зрения психологических особенностей представительниц прекрасного пола, их интуиции. В наивной картине мира розовый цвет – цвет женственности, нежности (девочек одевают в розовую одежду), но в звучащем тексте не говорится о том, что главные роли в видеоролике исполняют девочки, да и вообще о том, что только представительницы прекрасного пола снимаются в нем. Реципиенты не могли знать это, но, тем не менее, отреагировали розовым цветом. Возможно, закадровый женский, нежный голос мог повлиять на данную реакцию. Розовый интерпретируется как светлый, малонасыщенный красный цвет. «Эмоциональными значениями розового можно считать активные, положительные, поверхностные переживания типа легкой радости, повышенного настроения, чувства беззаботности и т.п.» [Базыма 2001], что вполне соответствует эмоциональному состоянию, которое могут испытывать женщины без детей при прослушивании текста видеоролика, рекламирующего детский йогурт.

Самой распространенной цветовой реакцией в группе женщин с детьми стала реакция «зеленый». В наивной картине мира зеленый цвет – цвет спокойствия, надежды, юности, так что ассоциации, вызванные вербальным аспектом, в котором речь идет о детях, вполне оправданны. Зеленый цвет в интерпретации Люшера символизирует «волну к действию, упорство и настойчивость» [Люшер 1996], что может характеризовать силу самого рекламного текста как такового.

В группе мужчин с детьми реакции менее однозначны, превалирует реакция «бледно-голубой». Реакции, первой частью которых является корень «бледн-», выражают слабость производимого эмоционального впечатления: «Насыщенность или чистота цвета может быть понята как степень его близости к спектральному <...> Изменение цвета по насыщенности, не меняя знака выражаемой им эмоции, сказывается на силе производимого им эмоционального впечатления. Менее насыщенный, разбавленный цвет теряет в своей выразительности, его

эмоциональное содержание “растворяется” [Базыма 2001: 43-44]. Поскольку мы выяснили, что цветовые реакции, связанные с оттенками голубого, выражают чувство дружелюбного нейтралитета, невыраженность цвета говорит о еще большем равнодушии реципиентов.

3 этап (невербальная часть)

Диаграмма 3. Ядерные цветовые реакции 3-го этапа восприятия видеоролика «Агуша»

Интересно единодушие, проявленное реципиентами 3-х групп на данном этапе. Выше мы уже говорили о том, что желтый цвет не является преобладающим в визуальной части данного рекламного ролика, а значит, реципиенты действительно в ходе восприятия воспроизводят ассоциацию на подсознательном уровне. В наивной картине мира желтый цвет – цвет солнца, радости, бодрости, максимально позитивный и положительный, поэтому при просмотре видеоролика с детьми вполне уместна такая цветовая ассоциация. Нецелевая аудитория в составе группы реципиентов мужчин без детей дает довольно разобщенные ответы, в ядре оказались реакции «белый», «голубой» и «зеленый» – по 2 реакции каждого цвета соответственно. Чем могут быть вызваны 2 последних, мы уже рассматривали выше, что же касается белого цвета, то в методике Люшера отсутствует описание значения белого цвета, но оговорено, что он ближе всего находится к желтому и не обозначает нейтрального отношения. С точки зрения же наивной картины мира белый – цвет чистоты и непорочности, что также соответствует сознательному и подсознательному восприятию носителями русского языка детей и всего, что с ними связано.

Таким образом, получается, что при восприятии полного видеоролика и невербальной части ядерные цветовые реакции обладают определенной степенью схожести. При восприятии вербальной части реципиенты либо вообще проявляют равнодушие, указывая цвет заставки видеоролика, либо дают реакции, несхожие с реакциями на других этапах, но вполне логично объяснимые. А значит, для

подсознательного оценивания рекламного ролика на эмоционально-экспрессивном уровне визуальная часть не только не является необходимым компонентом, но и может повлиять на результаты эксперимента, т.к. в некоторых случаях неясно, реагировал ли реципиент собственной ассоциацией или указывал название цвета, uvedenного им на экране.

Отметим, что в целом во всех группах реципиентов рекламный ролик «Агуша» в ядерных цветовых реакциях оценивается положительно либо нейтрально, цветовые реакции, которые могли бы интерпретироваться как отрицательные, единичны, напр., «коричневый» в группе реципиентов мужчин с детьми на 3-м этапе.

Видеоролик «Либеро»

1 этап (полный видеоролик)

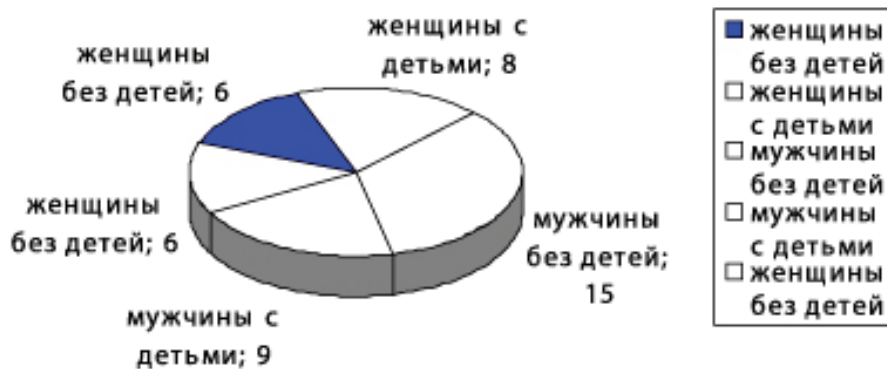

Диаграмма 4. Ядерные цветовые реакции 1-го этапа восприятия видеоролика «Либеро»

Во всех группах самой распространенной цветовой реакцией оказалась реакция «белый». Во-первых, это может быть связано с цветом самого товара, рекламируемого в видеоролике. Во-вторых, являясь символом чистоты, невинности, искренности, белый цвет представляется вполне закономерной реакцией на видеоролик с участием маленького ребенка. Кроме того, белый цвет – самый светлый, демонстрирует наибольшую спектральную отдаленность от черного, а следовательно, может являться просто демонстрацией положительного отношения испытуемых к предложенному тексту.

Кроме белого, в реакциях женщин без детей максимально представлен синий цвет. «Синий – цвет, оказывающий тормозящее влияние на ЦНС человека, выражает эмоциональные переживания противоположной, пассивной направленности: от спокойного созерцания до “вселенской грусти” по выражению Гёте» [Базыма 2001]. Синий цвет означает полное спокойствие и удовлетворенность, гармонию, что, в принципе, и гарантирует рекламируемый товар для родителей малыша. Но

отметим, что реакция превалирует всё же в группе реципиентов без детей, а значит, может быть понята, как пассивность, спокойствие по отношению к тексту.

2 этап (вербальная часть)

Диаграмма 5. Ядерные цветовые реакции 2-го этапа восприятия видеоролика «Либеро»

Интересно отметить закономерность в совпадении реакций противоположных по обоим дифференцирующим признакам групп реципиентов. Возможно, реакция «зеленый» связана с силой самого рекламного текста, о чем мы уже говорили выше.

Реакция мужчин без детей «белый» вновь может быть вызвана цветом самого товара, т.к. даже при восприятии вербально текста логично предположить возникновение в сознании реципиента образа рекламируемого продукта, а он белого цвета. Кроме того, можно предположить, что при прослушивании рекламного текста реципиенты не смогли определить для себя, какого цвета для них этот текст, в сознании – некий чистый лист, отсюда белый цвет. Важно отметить, что при реагировании на предыдущий ролик на данном этапе реципиенты этой группы указывали серый цвет, здесь же эта цветовая реакция находится на периферии, что может говорить о большей силе влияния вербальной части данного ролика на данную группу реципиентов в сравнении с роликом «Агуша».

Разброс в реакциях женщин с детьми может быть объяснен индивидуальными особенностями восприятия звучащей речи, т.к. абсолютно положительный «желтый», значение которого мы уже рассматривали, спокойный и уверенный «зеленый», который был доминирующим на этом этапе в данной группе реципиентов при восприятии первого видеоролика и равнодушный (либо вовсе мотивированный визуальной составляющей) серый не позволяют дать однозначную оценку реакциям данной группы реципиентов.

Диаграмма 6. Ядерные цветовые реакции 3-го этапа восприятия видеоролика «Либеро»

Женщинам проще оценивать и воспринимать визуальную составляющую и декодировать ее. С этим связано относительное единодушие их в цветовых реакциях, в то время как мужчины обеих групп давали очень разрозненные цветовые реакции.

Таким образом, разница бессознательного эмоционально-экспрессивного восприятия видеороликов рекламы детских товаров разными группами реципиентов не столь велика (см., напр., Диаграмма 4, Диаграмма 6). Только группа реципиентов мужчин без детей демонстрировала реакции, которые интерпретируются нейтрально, подтверждая незаинтересованность данной группы респондентов в рекламируемом товаре. Оба видеоролика на всех этапах эксперимента оцениваются реципиентами положительно, в ядре цветовых реакций нет отрицательных коннотаций. Цветовые ассоциации, предлагаемые реципиентами на вербальную часть видеороликов, выглядят более неоднородно, чем ассоциации других этапов. Визуальная часть оказывает воздействие на реагирование цветом, но не является основным показателем, по которому можно было бы анализировать реакции, данные реципиентами. При восприятии полного полимодального текста видеоролика реципиенты давали наиболее единодушные цветовые реакции, а значит, для максимального воздействия на реципиентов на психоэмоциональном уровне важно объединение вербальной и невербальной части видеоролика, а не их отдельное воздействие. В этом отношении результаты цветового эксперимента подтверждают результаты проведенного семантического исследования.

Подведем итоги. Цветовой эксперимент позволяет выяснить эмоциональное отношение реципиентов к предложенным текстам, вербализовать их цветовые образы в словесные оценки и понять, на каком этапе она воспринимались более спорно, а на каких – более однозначно.

Результаты цветового эксперимента позволяют обобщить выводы, сделанные на этапах семантического эксперимента и эксперимента с применением метода семантического дифференциала. Восприятие рациональной информации, характеристик товаров и сознательное формирование отношения реципиентов к видеоролику возможно при наличии лишь одной из составляющих – вербальной или визуальной, сочетание их сбивает реципиентов и приводит к неоднозначным ответам. Появление же бессознательных реакций, формирование эмоционально-экспрессивного слоя восприятия зависит от объединения гетерогенных составляющих в единый полимодальный текст рекламы, достигающий в этом случае максимального воздействия на реципиента.

Литература

- Базыма Б.А. Цвет и психика: монография. Харьков: ХГАК, 2001. 100 с.
- Головина Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текстов: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 173 с.
- Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ, 2005. 351 с.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
- Козловская Е.А. Исследование восприятия рекламных роликов товаров для детей посредством семантического эксперимента // Материалы 55-й международной студенческой конференции МНСК-2017: Прикладная лингвистика / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 14-15.
- Люшер М., Сара Д. Цвет вашего характера. Тайны почерка. М.: Вече, 1996. 380 с.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
- Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-185.

Список использованных материалов

- Агуша видео // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QsGS19vj7GM> (дата обращения: 11.05.16).
- Агуша звук // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rojPqJ6PUu> (дата обращения: 5.05.16).
- Либери видео // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ijOSDzC7haI> (дата обращения: 11.05.16).
- Либери звук // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OOtIQIUmGrw> (дата обращения: 5.05.16).
- Реклама Агуша – Животик-библиотека // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=216cg-kEIoI> (дата обращения: 10.11.15).
- Libero comfort // Видеохостинг «YouTube». – 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vfwTK_HD-us (дата обращения: 10.11.15).

**COLOR EXPERIMENT AS A METHOD TO DETECT PECULIARITIES
OF HETEROGENEOUS COMPONENTS PERCEPTION IN POLYMODAL
TEXT OF ADVERTISING VIDEO**

Ekaterina A. Kozlovskaya

Laboratory assistant-researcher
Dostoevsky Omsk State University
kozlek@yandex.ru

The article analyzes the results of a color experiment with respect to perception of heterogeneous parts (verbal and visual) contained in the polymodal text of children's products commercial. The color experiment allowed for revealing the emotionally expressive layer of perception of recipients, as well as the perception of the heterogeneous polymodal text parts by the target and non-target audience. The full study also included a semantic and receptive method, the color experiment was the final stage and allowed to generalize the conclusions obtained earlier. Recipients evaluated 2 commercials of children's goods, those of the *Agusha* and *Libero* products. The experiment was divided into 3 stages: the first group of recipients were demonstrated the full video, the second - only its verbal component, the third - only the video part. Based on the results of the first two experiments, it was discovered that rational information finds a greater response, reaching the recipient through one perception channel. As a result of the same color experiment, it was revealed that the greatest impact on the recipients' emotions is achieved when the full multimodal text of the video is perceived. Perceiving the full text recipients gave more homogeneous positive color reactions to both the first and second videos. The uniform polymodal text of advertising reaches in this case the maximum impact on the recipient.

Keywords: color experiment, polymodal text, heterogeneous parts of polymodal text, verbal component, visual component, psycholinguistic experiment

References

- Bazyma, B.A. (2001) *Cvet i psychika: Monographia* [Color and Psyche: Monograph]. Moscow – Kharkov. 100 P. Print. (In Russian).
- Golovina, L.V. (1986) *Vzaimovlianie ikonicheskikh i verbalnykh znakov pri smyslovom vospriyatii tekstov* [Interaction of Iconic and Verbal Signs with the Semantic Perception of Texts]. PhD. Diss. Moscow. 173 P. Print. (In Russian).
- Glukhov, V.P. (2005) *Osnovy psiholingvistiki: ucheb. posobie dlia studentov ped. vuzov*. [Fundamentals of Psycholinguistics. Textbook]. Moscow: AST-Astel. 351 P. Print. (In Russian).
- Zhinkin, N.I. (1982) *Rech kak provodnik informacii* [Speech as a Conductor of Information]. Moscow. 159 P. Print. (In Russian).
- Kozlovskaya, E.A. (2017) *Issledovanie vospriatia reklamnykh rolikov tovarov dlia detei posredstvom semanticheskogo eksperimenta*. [Research of Perception of Children

Goods Commercials by Means of Semantic Experiment]. Materialy 55 mezhdunarodnoi studencheskoi konferencii MNSK-2017: prikladnaia lingvistika [Letters of 55th International Students' Conference], 14-15. Novosibirsk: IPC NGU. 46 P. Print. (In Russian).

Lyusher, M., Sarah, D. (1996) Tsvet vashego charaktera. Tainy pocherka. [The Color of Your Character. Secrets of Handwriting]. Moscow: Veche. Persei. 380 P. Print. (In Russian).

Petrenko, V.F. (2005) Osnovy psihosemantiki. [Fundamentals of Psychosemantics] 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter. 480 P. Print. (In Russian).

Sonin, A.G. (2006) Modelirovanie mehanizmov ponimania polikodovyh tekstov. [Modeling Mechanisms of Polycode Texts Understanding] Doct. Diss. Moscow. Print. (In Russian).

9. Sorokin, Y.A., Tarasov, E.A. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funkcia. [Creolized Texts and Their Communicative Function]. Optimizacia rechevogo vozdeistvia [Speech Manipulation Optimization]. Moscow. Print. (In Russian).

Video/ Audio Content

Agusha video URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QsGS19vj7GM> (retrieval date: 11.05.16). Web.

Agusha zvuk [Agusha sound] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rojPqJ6PUu> (retrieval date: 5.05.16). Web.

Libero video [Libero video] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ijOSDzC7haI> (retrieval date: 11.05.16). Web.

Libero zvuk [Libero sound] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OOtlQIUmGrw> (retrieval date: 5.05.16). Web.

5. Reklama Agusha – Zjivotik-biblioteka [Advertising Agusha - Tummy Library] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=216cg-kEIoI> (retrieval date: 10.11.15). Web.

6. Libero komfort [Libero comfort] URL: https://www.youtube.com/watch?v=vfwtK_HD-us (retrieval date: 10.11.15). Web.

Приложение 1

Результаты цветового эксперимента

«Агуша»

1-й этап (восприятие полного полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: желтый(11), голубой(4), фиолетовый(2), бледно-голубой, красный, оранжевый, пастельно-голубой, персиковый, розовый, светлые пастельные тона, серый.

Женщины с детьми: желтый(6), голубой(3), синий(3), белый(2), зеленый(2), фиолетовый(2), бежевый, бирюзовый, красный, оранжевый, салатный, светло-розовый, ярко-голубой.

Мужчины без детей: голубой(9), желтый(5), белый(3), синий(2), зеленый, оливковый, оранжевый, розовый, сиреневый, фиолетовый.

Мужчины с детьми: голубой(7), желтый(6), зеленый(5), белый(4), мультик, светло-серый, серый.

2-й этап (восприятие вербальной части полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: розовый(4), голубой(2), серый(2), синий(2), желтый, зеленый.

Женщины с детьми: зеленый(4), белый(2), бледно-голубой, голубой, желтый, зеленый и цвет знаков, оранжевый, розовый.

Мужчины без детей: серый(6), белый(5), зеленый.

Мужчины с детьми: бледно-голубой(3), зеленый(2), красный(2), розовый(2), желтый, серый, синий.

3-й этап (восприятие невербальной части полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: желтый(3), белый, голубой, голубой и розовый, оранжевый, розовый, салатный, светло-зеленый, сиреневый, фиолетовый.

Женщины с детьми: желтый(5), голубой(4), зеленый, розовый, темно-зеленый.

Мужчины без детей: белый(2), голубой(2), зеленый(2), белый, бледно-голубой, ближе к осветленным тонам, желтый, молочный, светлый.

Мужчины с детьми: желтый(3), белый, голубой, зеленый, коричневый, розовый, сиреневый, яркий.

«Либеро»

1-й этап (восприятие полного полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: синий(6), белый(6), бежевый(3), голубой(3), зеленый(3), коричневый, розовый, фиолетовый, черный.

Женщины с детьми: белый(8), голубой(3), зеленый(3), фиолетовый(3), желтый(2), бежевый, бирюзовый, голубой, синий, коричневый, серо-белый, ярко-голубой.

Мужчины без детей: белый(15), зеленый(3), желтый(2), бирюзовый, голубой, коричневый, *не оставил ассоциаций*, синий.

Мужчины с детьми: белый(9), фиолетовый(7), зеленый(5), голубой(2), красный, синий.

2-й этап (восприятие вербальной части полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: зеленый(4), синий(3), голубой(2), белый, желтый, оранжевый.

Женщины с детьми: желтый(2), зеленый(2), серый(2), белый, белый и фиолетовый,

бирюзовый, голубой, грязно-розовый, фиолетовый.

Мужчины без детей: белый(5), зеленый(4), серый(2), голубой.

Мужчины с детьми: зеленый(4), белый(3), голубой, желтый, песочный, розовый, темно-розовый.

3-й этап (восприятие невербальной части полимодального текста видеоролика)

Женщины без детей: белый(6), голубой(2), желтый(2), розовый, сиреневый.

Женщины с детьми: белый(4), голубой(3), фиолетовый(2), бирюзовый, синий, цвет морской волны.

Мужчины без детей: белый(2), желтый(2), зеленый(2), синий(2), бирюзовый, более светлые краски, но не яркие, голубой, светлый.

Мужчины с детьми: белый(3), синий(3), зеленый(2), коричневый, розовый, салатный, яркий.

СЛЕНГ ВОЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ США

Лупанова Екатерина Вячеславовна
адъюнкт, Военный университет МО РФ
г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
katerina.lupanova9751@yandex.ru

Статья посвящена исследованию сленга военной субкультуры США с целью определения роли языка профессиональной группы представителей вооруженных сил в культуре армейского социума и особенностей, влияющих на специфику функционирования социолекта военнослужащих в речи. Проведенный анализ трудов американских лингвистов позволил сделать вывод о том, что военный сленг характеризуется широким употреблением аббревиатур, интенсивным заимствованием слов и устойчивых оборотов из иностранных языков, обилием грубой, фамильярной, нецензурной лексики и фразеологических единиц, а также использованием насмешливых выражений, передающих юмористическое отношение к различным аспектам жизнедеятельности военнослужащего. Характер взаимоотношений в воинском коллективе, обусловленный соперничеством между представителями различных родов и видов войск, приводит к существенным различиям в лексико-фразеологическом составе социолектов военнослужащих сухопутных сил, ВВС и ВМС, препятствующим получению доступа к информации представителям других социальных групп, служащим идентификатором принадлежности к группе и создающим атмосферу особого психологического и социального единства членов воинского коллектива. Сленг представляет собой важнейший элемент военной субкультуры США, включающий специфическую лексику и фразеологию, знание которой позволяет раскрыть сущность морально-нравственных установок и ценностей, мировосприятия, характера взаимоотношений военнослужащих и изучить проявления в семантике единиц военного социолекта этнического менталитета американского социума.

Ключевые слова: сленг, социолект, военная субкультура, фразеологическая единица, армейский социум

Введение

Военная субкультура как составная часть культуры народа характеризуется «общностью языка, материальной и духовной деятельности, общностью нравов и обычаев, психических характеристик своих представителей» [Бойко 2008: 52]. Общность языка членов социальной группы военнослужащих проявляется в наличии особого социально-группового диалекта, обладающего рядом специфических особенностей на уровне лексики и фразеологии, знание которых позволяет раскрыть сущность ценностных установок, мировосприятия и характера взаимоотношений военнослужащих.

Понятие социально-группового диалекта выступает в качестве родового по отношению к терминам «социолект», «арго» и «жаргон». В английской

лингвистической традиции более употребительна дефиниция *slang*, представляющая собой стилистический синоним вышеназванных понятий [Матвеева 2010: 25, 101]. Под термином «сленг» понимается лексико-фразеологический слой, находящийся за пределами литературного языка и имеющий ряд оценочных, экспрессивных и эмоциональных значений [Арнольд 2002: 358].

Собственно военный сленг как предмет изучения в рамках данного исследования представляет собой часть сленга лексики английского языка, употребляемой для обозначения понятий и явлений, которые имеют отношение к военному делу, в вооруженных силах США и Великобритании [Судзиловский 1973: 13].

Гражданская война в США

В статье «A word about slang», вышедшей в свет вскоре после окончания Гражданской войны в США 1861-1865 гг., R.W. McAlpine именуется сленг яркими эпитетами: «грубое извращение словоупотребления», «растление языка» и «позор и горе нации» (“gross perversion of a usage of society”, “corruption of language”, “shame and sorrow of our race”). По мнению МакЭлпина, неудивителен тот факт, что именно в армии, где люди лишены каких-либо привилегий и удобств, так мало внимания уделяется чистоте речи, отличающей джентельмена от дебошира: “It is not a matter of surprise that, in the Army, where men are debarred the privileges, the comforts, the luxuries of home, and cut off from all those associations which tend to humanize the roughest, so little attention is paid to the use of that pure speech which distinguishes the gentleman from the rowdy” [McAlpine 1865: 536]. Употребление сленга свойственно невежественному солдату: «Вполне возможно, что неграмотный человек легче овладевает единицами сленга, чем тем, что мы именуем «чистый язык». Но что заставляет солдата называть своего соседа по палатке “skee-sicks” или “stick-in-the-mud”? Уже отмечалось, что человек усваивает алфавит посредством запоминания, вне зависимости от ассоциаций с объектами материального мира, возникающих в его сознании. Но вы только представьте, что происходит в голове у солдата, когда он сравнивает пару сапог с “mud-hooks” или “gunboats”, а в качестве синонима к отступлению использует слово “улепетывать”!» (Перевод наш. - Е.Л.) [Там же: 537].

Первая мировая война

Специфика военного социолекта, обусловленная особой консолидирующей функцией, сплачивающей и объединяющей солдат на поле боя, свела на нет попытку МакЭлпина бороться со сленговыми словами и выражениями в английском языке. Начало двадцатого столетия и Первая мировая война привели к интенсивному пополнению лексико-фразеологического фонда социально-группового диалекта военнослужащих.

Исследователь языка представителей сухопутных сил и морской пехоты США в 1917-1919 гг. J. Lighter в своей статье «The Slang of the American Expeditionary Forces in Europe, 1917-1919: An Historical Glossary» подчеркивает лингвистическую, историческую, социальную и литературную значимость военного сленга времен Первой мировой войны. Лингвист предвещает собранный им лексико-фразеологический материал замечанием о необходимости глубокого изучения особого диалекта, носителями которого выступали более двух миллионов американцев, находящихся в непривычном для себя состоянии «постоянного психоземotionalного и физического напряжения, не имеющих возможности

контактировать с кем-либо, помимо сослуживцев, обезумевших начальников, непредсказуемых союзников и попеременно презираемым и уважаемым врагом» [Lighter 1972: 5].

Военный сленг представляет собой поистине захватывающий объект исследования для лингвиста благодаря присущему единицам армейского социолекта юмористический характер. В качестве иллюстрации остроумия военнослужащих американский лингвист МакКартни приводит примеры номинации противника лексико-фразеологическими средствами разных языков: итальянское прозвище австрийского солдата *gobbo* («горбун»), французские *tête de boche* – тупой, недалекий человек; немец (буквально «деревянная голова») и *tête carrée* – немец (букв. «квадратная голова») [McCartney 1919 : 129].

Язык представителя вооруженных сил включает две ключевых составляющих – терминологию, интернациональную по происхождению и регламентируемую официальными документами, и сленг [Colby 1942: 50].

Сленг военнослужащих относится к стихии устной речи и изобилует образными, выразительными, метафорическими словами и выражениями, функционирующими в армии на протяжении долгих лет в связи с преимущественно наследственным характером несения службы в англо-американском социуме [Colby 1936: 60]. Отличительной чертой языка военнослужащих является его лаконичность, находящая отражение в широком употреблении различного рода аббревиатур. Колби связывает стремление военных к максимальному сжатию лексики и фразеологии с типичной для представителей вооруженных сил неразговорчивостью [Там же: 50].

Формирование военного социолекта происходит путем заимствования лексико-фразеологических единиц из иностранных языков (*top-side* from China, *padre* and *sunshiner* from the Philippines and Panama, *hooch* from Alaska, *brass hats* and *slacks* from the British, *barrage* and *liaison* from the French, and even some, like *blitz*, from the enemy) и гражданских жаргонов (*grease monkey*, *pearl-diver*, *slipping the clutch*) [Там же: 60-61]. Единицы сленга носят преимущественно грубый и фамильярный характер, отражающий недовольство военнослужащим собой, условиями быта, питанием, службой и окружающими. Так, неудовлетворенность качеством пищи в войсках проявляется в названии еды *mess*, единственный способ придать пище вкус – перец и соль – *side arms*, а сержант в наряде по столовой – *belly robber*. Недовольство окружающими выражается сравнением молодого лейтенанта с “необъезженным мулом” (*shavetail*), командира роты, вне зависимости от его возраста, со “стариком” (*The Old Man*), наименованием горнистов – “чертовыми котами” (*hell cats*), кавалеристов – “желтоногими” (*yellow legs*), а пехотинцев – “пончиками”, взбивающими в тесто грязь дорог (*doughboys*).

К выделенным Колби характеристикам военного сленга Д. Уилсон добавляет обширный список непристойных слов и словосочетаний, выражающих уничижительное отношение солдата к боевым товарищам и старшим по званию, и отмечает, что несмотря на изобилие слов и выражений в составе военного социолекта, большая часть из них описывает предметы и явления военной службы и повседневного быта военнослужащих, что делает маловероятным употребление данного вокабуляра в других сферах человеческого общения [Wilson 1942: 182-183].

Вторая мировая война

События середины XX столетия, связанные с началом самого масштабного вооруженного конфликта в истории человечества, привели к росту интереса ученых к социально-групповому диалекту военнослужащих. Начиная с 1941 года появляются статьи, посвященные проблеме военного сленга, включающие главным образом подборки слов и устойчивых выражений, используемых в повседневном общении представителями родов, видов и служб войск на фронтах Второй мировой войны.

Так, в одном из выпусков академического журнала «American Speech» Американского диалектологического общества в октябре 1941 года публикуется словарь военного сленга («Glossary of Army Slang»), включающий около 400 единиц военного социолекта, описывающих реалии службы, быта и особенности взаимоотношений в армии [Glossary of Army Slang 1941: 163-169].

D.W. Hamilton рассматривает лексико-фразеологические единицы, употребляемые в речи представителями вооруженных сил США на Тихоокеанском театре военных действий. В предисловии к словарю автор подчеркивает значение сленга как основного средства поддержания боевого духа солдат на поле боя: «such colorful slang, used in the everyday banter and bravado of the soldier, had a tonic force in morale disproportionate to its value as language» [Hamilton 1947: 54]. Подборка Гамильтона включает в основном грубые нецензурные выражения, а также отдельный список устойчивых фраз, бытующих в армейской среде: *to twist it and break it off in him – to give him the worst of it; Explode dud! – Come on, move!; Don't cry in my beer. – Don't tell me your troubles; He's found a home in the Army – He likes the Army* [Там же: 56].

Краткий перечень слов и устойчивых словосочетаний приводит M. Horowitz, участник Североафриканской кампании, проходивший службу в 82-й воздушно-десантной дивизии, в статье «Slang of the American Paratrooper». В подборку не включены единицы общего военного сленга; автор делает акцент на словах и фразах, функционирующих в речи военнослужащих парашютно-десантных войск: *bloomer boy – paratrooper (so nick-named because jump uniform gives appearance of bloomers); cigarette roll – descending parachute half-rolled up by wind currents; freeze up – failure to jump from airplane because of fear; to sweat out – to have high tension before a jump* [Horowitz 1948: 319].

Отдельные исследования посвящены социолекту представителей военно-воздушных сил, в котором приведены слова и устойчивые выражения, описывающие специфику выполняемых ВВС задач: *fly-away – a plane which is flown to an overseas command instead of being shipped by vessel; hit 'im again, he's still breathing – give him another assignment, an additional duty; ride piggyback – to sit crouched behind the pilot of a P-38* [Sharfer 1945: 228-227]; *ear beater – a person who doesn't give you a chance to get a word in edgeways; nut buster – mechanic; that's for the birds – It's meaningless* [Dunlap 1945: 147-148].

Сленг военнослужащих ВВС состоит в основном из насмешливых наименований солдат и офицеров ВВС и сухопутных сил: *glamour boys – Air Force fliers; gravel cruncher – a desk officer in the Air Corps; ground joker – Air Force personnel that has never flown*. Наиболее яркие образные выражения используются

для наименования военной техники, что связано с традиционным соперничеством между летчиками. Так, американский тяжелый бомбардировщик B-24 Liberator в сленге военнослужащих ВВС сравнивается с «летающим гробом» (*flying coffin*) из-за уязвимости конструкции самолета к вражеской артиллерии, «беременной уткой» (*pregnant duck*) ввиду неповоротливости и громоздкости, а B-17 Flying Fortress именуется «*Hollywood glider*», что обосновано частым появлением данного летательного аппарата в кинофильмах [Miller 1946: 309-310].

Практика «одушевления» военной техники свойственна военнослужащим всех родов войск. R. Sonkin дает практическое и психологическое объяснение данному феномену. Первое основывается на более удобном произнесении имени собственного в сравнении с восьмизначными регистрационными номерами. Второе объяснение исходит из распространенной в годы Второй мировой войны практики закрепления за водителем единицы техники и связанным с этим чувством ответственности: военнослужащий оставлял подпись на приборной панели или лобовом стекле, а в случае необходимости ремонта обязан был сопровождать свою технику в указанное подразделение. Таким образом, язык военных пополнялся выражениями типа '*Wash Barbara,*' '*Grease Gracie,*' or '*Clean Connie's spark plugs,*' имеющими значения, понятные представителям профессионального коллектива [Sonkin 1954: 257].

Важную роль заимствований из иностранных языков в формировании лексико-фразеологического фонда военного социолекта подчеркивает Arthur M. Z. Norman. Оккупация Японии привела к возникновению более трех сотен слов и словосочетаний в сленге солдат, проходящих службу на Тихоокеанском театре военных действий: *dai jobu* – *Okay*; *chotto matte* – *wait a minute*; *hayaku* – *quick*; *suck a hachi* – *go to hell* [Norman 1955: 44].

Военный сленг как явление, описывающее все аспекты жизнедеятельности военнослужащего, включает ряд наименований различного рода заболеваний. D. O'Meara, участник Второй мировой войны, отмечает, что за пределами помещений медицинской службы, любая жалоба солдата на ухудшение состояния здоровья вызывала у сослуживцев пренебрежение и насмешку. В условиях войны, когда каждую минуту погибают сотни людей, болезнь воспринимается как нечто, не стоящее внимания. В этой связи военный сленг включает ряд «вымышленных заболеваний», подчеркивающих презрительное отношение военнослужащих к разного рода болезням и людям, признавшимся в страдании от них: *turnitis* – *disease where everything you eat turns to crap*; *rot* – *any unknown malady*; *conjunctivitis of the blowhole* – *It is invariably used in a derogatory sense in reference to any person who complains of being sick. Any suspected malingering or hypochondria is instantly diagnosed as 'a bad case of conjunctivitis of the blowhole*; *screaming shits* – *an imaginary disease in which death is accompanied by horrible pain* [O'Meara 1947: 304-305].

J. Riordan исследует аббревиатуры военного социолекта, выделяя традиционные, не относящиеся к сленгу выражения, употребляемые в речи солдатами и офицерами (*A.O.L.* for '*absent over leave,*' and *A.W.O.L.* for '*absent without official leave.* *C.O.* (*commanding officer*); *C.P.* (*command post*); *O.G.* (*officer in charge*), и неофициальные разговорные аббревиатуры. Последние возникают на основании официальных терминов путем изменения значения и обладают юмористической

окраской: A.W.O.L. – ‘after women and liquor,’ and ‘a wolf on the loose.’, пометка V.I.P (‘very important person’) на сообщениях, предназначенных для особо важных персон, в армейском сленге характеризует незначительного человека, всячески подчеркивающего собственную значимость в глазах окружающих. [Riordan 1947: 109]. Аббревиатуры военного сленга выражают гибкость американской разговорной речи, что проявляется в способности людей в форме, не связанных какими-либо нравственными ограничениями гражданского общества, создавать с характерным для военных юмором новые слова, описывающие специфику службы, должностей и званий, вооружения и военной техники и т.д. [Riordan 1947: 114].

Как отмечалось выше, специфичный вокабуляр свойственен речи представителей различных родов и видов войск в зависимости от территориального расположения воинских контингентов и особенностей выполняемых задач. Так, особый сленг использовался добровольческим военно-воздушным подразделением American Volunteer Group (AVG) «Flying tigers», воевавшим на стороне Республики Китай в 1941-1942 годах, а затем вошедшим в состав ВВС после вступления США в войну. Тяжелые условия службы в китайском тылу определяли юмористический и «пикантный» характер лексико-фразеологического состава сленга «Летающих тигров», в котором отражается интерес к выпивке, сексу и различного рода увеселительным мероприятиям [Riordan 1948: 29]: *bei house – local bar or tavern; mission whiskey – at first this denoted whiskey purchased from a Chinese Catholic mission in Kunming during 1942-43. From Augusts 1943 on this connoted the G.I. issue of spirits for flying a mission; bamboo juice – wine-especially rice wine-bought by the kettie (kattie) in a section of bamboo. This standard measure for wine equals 1.238 pints; rice paddy Hatties – rhyming expression for rural Chinese prostitutes* [Там же: 31].

Армейский социолект времен Второй мировой войны наглядно демонстрирует способность языка, подобно живому организму, быстро адаптироваться к условиям жизни человека. Н. Alexander отмечает широкую популярность некоторых слов и фразеологизмов военной тематики в гражданском обществе США после окончания войны и ставит вопрос о возможности вхождения данного вокабуляра в «постоянный» состав литературного языка. В качестве примеров автор приводит ряд военных терминов (*lend-lease, black market, price ceiling, priorities, selectee, war of nerves*), прочно закрепившихся в речи среднестатистического представителя англо-американского социума [Alexander 1944: 279-280].

По мнению Joseph W. Bishop, количество единиц военного сленга, вошедших в состав американского варианта английского литературного языка в ходе военных действий середины двадцатого века, ограничивается сотней слов и идиоматических выражений. Особое сожаление у автора статьи «American Army Speech in the European Theater» вызывает незначительное число заимствований из иностранных языков, что служит подтверждением американской «провинциальности», выраженной в практически полном отсутствии интереса к языкам, традициям и культурам других народов [Bishop 1946: 252].

Между тем, военный социолект не исчезает с окончанием ведения боевых действий или истечением срока прохождения службы по призыву; он продолжает функционировать в речи носителей языка, однажды приобщившихся к реалиям военной службы. Влияние, которое сленг военнослужащих оказывает

на литературный язык, проявляется в трех аспектах: пополнение лексико-фразеологического фонда языка, изменения в грамматическом строе и ослабление степени нецензурности некоторых слов и выражений [Norman 1956: 108].

В силу непостоянности и неустойчивости словарного состава языка, вопрос о пополнении общепотребительной лексики единицами военного сленга носит прогностический характер. Более убедительно выглядит воздействие специфики речи представителя вооруженных сил на грамматику разговорного языка. Так, для социолекта американской военной субкультуры характерно нарушение грамматических норм английского языка использованием двойного отрицания, выражений «*ain't*» and «*he don't*», замены причастий прошедшего времени формами глаголов простого прошедшего времени (*gave* вместо *given*, *saw* вместо *seen*) [Там же: 109].

Влияние языка военнослужащих на стандартную английскую грамматику может проявляться и в тенденции к сжатию конструкций предложений, свойственную речи представителя военной субкультуры: *Take ten (Take a ten-minute break)*; *Get down and give me ten (Do ten pushups)*; *Sign up for three (enlist for three years)*; *What's your last four? (What are the last four digits of your Army serial number?)*; *I've got ten in (I've been in service ten years)* [Там же: 109-110]. Третьим явлением, попадающим под воздействие военного социолекта, становится ослабление грубости и вульгарности некоторых общепотребительных выражений: «*through the alchemy of Army speech, our strongest, most forbidden words are transmuted into leaden and commonplace epithets*». Слова и словосочетания, некогда считавшиеся явно непристойными (*Jeezus, hell, damned, God damn, and son of a bitch*), теряют градус своей «нецензурности» по сравнению с другими единицами армейского сленга и все чаще появляются в средствах массовой коммуникации [Там же: 110].

Войны и вооруженные конфликты второй половины XX века

Исследователь сленга военнослужащих корпуса морской пехоты США Д. Ховард отмечает, что война представляет собой не просто вооруженное столкновение государств, но и событие, охватывающее все стороны жизни гражданского общества, в том числе и язык. Условия службы, военная техника, товарищество, особые традиции и воинские ритуалы находят отражение в языке, приводят к его обновлению, делают более ярким и образным [Howard 1956: 188]. На примере сленговых единиц, употреблявшихся морскими пехотинцами в ходе т.н. корейской «полицейской операции» (*Police action* – формальное название Корейской войны в США, связанное с так и не введенным в стране военным положением), Ховард отмечает превалирование в составе военного социолекта непристойных выражений – «неотъемлемой составляющей речи военнослужащего, несправедливо обходимой вниманием ученых и исключенной из большинства словарей». Упустить из поля зрения подобный вокабуляр, по Ховарду, значит обесценить любое лингвистическое исследование военного сленга, который без нецензурной лексики лишается своей выразительности. Грубые и вульгарные выражения составляют основу языка, обеспечивающего взаимопонимание между мужчинами и женщинами разного уровня образования и воспитания, по служебной необходимости оказавшихся в одном коллективе. Нецензурная лексика в военном сленге служит средством адаптации к непревычным для человека условиям,

способствует установлению дружеских взаимоотношений в воинском коллективе и оказывает благотворное влияние на снятие психоэмоционального напряжения, с которым неизменно связана военная служба [Там же: 189].

Вооруженные конфликты 1950-70 гг. стимулировали продолжение исследований военного сленга. Анализу лингвистов подверглась речь американского солдата, насыщенная заимствованиями из корейского и японского языков (*Han-guk* – *Korea*; *Mi-guk* – *America*; *Cutta chogi* – *to depart suddenly or hastily*) и новыми аббревиатурами (*ROKA* – *Republic of Korean Army*, *отсюда rok* – *корейский солдат*; *CINCFE* – *Commander in Chief, Far East*; *Command*; *UNKRA* – *United Nations Korean Reconstruction Agency*). Специфика военного сленга времен Корейской войны, связанная с особым характером выполняемой военными миссии, оказала влияние на дальнейшее функционирование вокабуляра в речи: слова и устойчивые обороты практически полностью вышли из употребления, либо выступали в качестве «секретного языка» ветеранов вооруженного конфликта. Возможной причиной выхода из употребления послужила негативная эмоциональная коннотация сленга военнослужащих в Корее, образы и представления, от которых большинство участников военной кампании предпочли избавиться [Algeo 1960: 122-123].

Иное влияние на военный сленг в частности и английский язык в целом оказала война во Вьетнаме. Широкий общественный резонанс привел к распространению ряда лексико-фразеологических единиц социолекта военнослужащих в средствах массовой информации и их дальнейшему употреблению представителями как вооруженных сил, так и гражданского населения: *gunship*, *medevac*, *air-mobile*, *fleshette*, *firebase*, *claymore mine*, *Lazy Dog*, *incinderjell*, *Aircav*, *punji stick*, *spider hole*, *smart bomb*, *search-and-destroy*, *DMZ*, *and H and I (for harassment and interdiction)* [Barnhart 1970: 103].

Особенности структуры вооруженных сил, каждый элемент которой включает несколько составных частей – субкультур и социальных групп, накладывают отпечаток на создание и употребление в речи лексики и фразеологии военного сленга. К факторам, оказывающим наибольшее влияние на формирование словарного состава языка военнослужащих, относятся социальные отношения, принцип экономии сил и юмор [Murray 1986: 126].

Характер взаимоотношений в воинском коллективе обуславливается соперничеством между представителями различных родов и видов войск. Так, традиционное противостояние ВВС и ВМС приводит к существенным различиям в лексико-фразеологическом составе социолекта летчиков-истребителей ВМС, включающем особые, понятные только военнослужащим данного воинского контингента слова и устойчивые выражения [Там же: 126-127]. Несмотря на сходство выполняемых задач, маневров и используемой военной техники, летчики ВМС употребляют собственную терминологию и лексические средства языка неформального общения, имеющие лишь незначительное сходство с общим военным сленгом и сленгом летчиков-истребителей ВВС. Подобные различия препятствуют получению доступа к информации представителям других социальных групп, служат идентификатором принадлежности к группе и создают атмосферу особого психологического и социального единства членов воинского коллектива.

Развитие технологий служит еще одним фактором, влияющим на формирование военного сленга. Появление новых образцов вооружения и техники требует создания соответствующей терминологии по свойственному военному социолекту принципу лингвистической экономии, что подразумевает использование различных сложносокращенных слов и аббревиатур. Например, очевидно удобство применения термина «*backseater*» вместо «*radar intercept officer*» и «*huffer cart*» вместо «*small vehicle used to blow air into the engines of a fighter plane to get them started*» [Там же: 127-128].

Язык военнослужащих отличает особый, зачастую понятный лишь ограниченному кругу лиц юмор, который является третьим фактором, оказывающим влияние на формирование военного сленга. Юмор в условиях военной службы выполняет эмоциональную функцию – снятие психологического напряжения посредством смеха над вещами, представляющими угрозу.

Шутливые наименования лексико-фразеологическими средствами военного социолекта, которому свойственно стремление замаскировать насильственный характер определенных явлений армейской действительности, способствуют изменению восприятия шокирующих событий в сознании представителей гражданского общества [Wilson 2008]. Приведем примеры фразеологических единиц военного сленга солдат и офицеров, участвовавших в войне в Персидском заливе, которые имеют юмористический характер, позволяющий скрыть реалии убийства, ранений, бомбежек и других имеющих место в вооруженном конфликте событий:

- *Assertive disarmament – war (ironic);*
- *Clean bombing – bombing with pinpoint* accuracy;*
- *Coercive potential – military power;*
- *Soften up, soften – bomb in preparation for a ground engagement;*
- *Runaway denial device – bomb that scatters clusters of cratering bombs over a wide area to destroy air base runaways [Algeo J., Algeo A. 1991];*
- *Boys of Baghdad; Baghdad Boys – CNN reporters in Iraq;*
- *Brilliant weapon – advanced form of a smart weapon;*
- *Discriminate deterrence – pinpoint* bombing;*
- *Fire and forget – automatically guided missile;*
- *Collateral damage – civilian casualties and damage incidental to the bombing of military targets; any incidental, undesirable consequence [Algeo J., Algeo A. 1992].*

Исследователь военного дискурса времен войны в Персидском заливе М. Норрис отмечает, что использование единиц военного сленга при описании хода боевых действий журналистами, политиками и военачальниками в средствах массовой информации привело к росту интереса к проблемам войны среди гражданского населения. События и факты, сопровождающие ведение вооруженного конфликта, ранее не получавшие освещения в СМИ ввиду опасности ядерной угрозы Холодной войны и политических ошибок руководства США во Вьетнамской кампании, стали известны благодаря доступности и понятности военного социолекта и вызвали широкий общественный резонанс [Norris 1991: 223].

Знакомство гражданского населения через СМИ с яркими,

образными, ироничными словами и идиоматическими выражениями языка военнослужащих привело к вхождению военной терминологии и сленга в состав общеупотребительной лексики и фразеологии. Так, в проведенном Американским диалектологическим обществом 29 декабря 1991 года конкурсе на звание «главного слова года» победу одержал устойчивый оборот *mother of all*. Словосочетание представляет собой единицу сленга войны в Персидском заливе и берет свое начало в заявлении, сделанном Саддамом Хусейном 17 января 1991 года в Багдадской радиопередаче, в котором он называет войну Америки и Ирака «матерью всех сражений». В арабском языке «mother of» фигурально обозначает нечто «лучшее» и «главное», буквальная интерпретация данного фразеологизма в английском языке – «вечная проблема переводов с арабского и иврита» [Algeo J., Algeo A. 1992: 84]. Употребление президентом Ирака устойчивого выражения спровоцировало появление многочисленных вариаций: *Mother of all bagels (to refer to a 140 pound bagel)*; *Mother of all covers (for the cover photograph of Vanity Fair magazine with a nude and pregnant Demi Moore)*; *Mother of all jingles (for the advertising jingle "Pepsi Cola hits the spot")* [Там же: 87]. Одной из основных причин популярности фразеологизма лингвисты видят в сходстве с табуированным выражением, широко распространенном в английском языке [Algeo J., Algeo A. 1991: 380].

Схожие шуточные единицы военного сленга возникли на основе кодового названия войны *Операция «Буря в пустыне»* (Operation Desert Storm): *Operation baby storm – anticipated high number of births at Blanchfield Army Hospital, Fort Campbell, KY, nine months after the return of troops from the Gulf*; *Operation Desert Stork – anticipated high number of births at Winn Army Community Hospital, Fort Stewart, GA, nine months after the return of troops from the Gulf*; *Operation bonus bracket – brokerage house program to boost sales*; *Operation desert share – government distribution to US needy of food left over from the gulf war* [Algeo J., Algeo A. 1992: 88]. Данные фразеологизмы обладают оценочной коннотацией, включающей насмешливое отношение и подчеркивающей абсурдность придуманного для средств массовой информации названия военной операции.

Выводы

Военный социолект как особый язык профессиональной группы представителей вооруженных сил, объединенных общими интересами, ценностями и нормами поведения, служит одним из важнейших элементов армейской субкультуры и обладает рядом специфических особенностей на уровне лексики и фразеологии, знание которых позволяет раскрыть сущность моральных установок, мировосприятия и характера взаимоотношений военнослужащих. Военный сленг характеризуется широким употреблением аббревиатур, интенсивным заимствованием слов и устойчивых оборотов из иностранных языков, обилием грубой, фамильярной, нецензурной лексики и фразеологии, а также использованием насмешливых выражений, передающих юмористическое отношение к различным аспектам жизнедеятельности военнослужащего. Наиболее существенное пополнение лексико-фразеологического состава военного социолекта происходит во времена войн и вооруженных конфликтов, в результате которых определенные слова и устойчивые обороты профессионального языка военнослужащих входят в состав общеупотребительной лексики.

Литература

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
- Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 57 с.
- Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Воен.ун-т, 2008. 184 с.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010, 562 с.
- Словарь социолингвистических терминов. РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук / отв. ред. В. Ю Михальченко. М., 2006. 312 с.
- Судзиловский Г. А. Сленг – что это такое? Англо-русский словарь военного сленга. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
- Alexander, H. (1944). Words and the War. *American Speech*, Vol. 19, No. 4, 276–280.
- Algeo, J., Algeo, A. (1991). Among the New Words. *American Speech*, Vol. 66, No. 4, 380–406.
- Algeo, J., Algeo, A. (1992). Among the New Words. *American Speech*, Vol. 67, No. 1, 83–93.
- Algeo, J. T. (1960). Korean Bamboo English. *American Speech*, Vol. 35, No. 2, 117–123.
- Barnhart, C. L. (1970). Of Matters Lexicographical: Keeping a Record of New English, 1963–1972. *American Speech*, Vol. 45, No. ½, 98–107.
- Bishop, J. W., Jr. (1946). American Army Speech in the European Theater. *American Speech*, Vol. 21, No. 4, 241–252.
- Colby, E. (1942). *Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech*. Princeton: Princeton University Press. 232 p.
- Colby, E. (1936). Soldier Speech. *American Speech*, Vol. 11, No. 1, 50–63.
- Dunlap, A.R. (1945). Gi Lingo. *American Speech*, Vol. 20, No. 2, 147–148.
- Glossary of Army Slang. (1941). *American Speech*, Vol. 16, No. 3, 163–169.
- Hamilton, D. W. (1947). Pacific War Language. *American Speech*, Vol. 22, No. 1, 54–56
- Horowitz, M. (1948). Slang of the American Paratrooper. *American Speech*, Vol. 23, No. ¾, 319.
- Howard, D. (1956). United States Marine Corps Slang. *American Speech*, Vol. 31, No. 3, 188–194.
- Lighter, J. (1972). The Slang of the American Expeditionary Forces in Europe, 1917–1919: An Historical Glossary. *American Speech*, Vol. 47, No. ½, 5–142.
- McAlpine, R.W. (1865). A word about slang. *The United States service magazine*. v. 3, 535–540.
- McCartney, E. S. (1919). The Ancients and the War: Addenda. *The Classical Weekly*, Vol. 12, No. 17, 129–132.
- Miller, E. H. (1946). More Air Force Slang. *American Speech*, Vol. 21, No. 4, 309–310.

- Murray, T. E. (1956). The Language of Naval Fighter Pilots. *American Speech*, Vol. 61, No. 2, 121–129.
- Norman, M. Z. (1956). Army Speech and the Future of American English. *American Speech*, Vol. 31, No. 2, 107–112.
- Norman, M. Z. (1955). Bamboo English the Japanese Influence upon American Speech in Japan. *American Speech*, Vol. 30, No. 1, 44–48 .
- Norris, M. (1991). Military Censorship and the Body Count in the Persian Gulf War. *Cultural Critique*, No. 19, 223–245.
- O'Meara, D. (1947). Imaginary Diseases in Army and Navy Parlance. *American Speech*, Vol. 22, No. 4, 304–305.
- Riordan, J. L. (1948). A. V. G. Lingo. *American Speech*, Vol. 23, No. 1, 29–32.
- Riordan, J. L. (1947). Some 'G. I. Alphabet Soup'. *American Speech*, Vol. 22, No. 2, 108–114.
- Shafer, R. (1945). Air Force Slang. *American Speech*, Vol. 20, No. 3, 226–227.
- Sonkin, R. (1954). Bleeding Betty's Brakes; Or, the Army Names a Jeep. *American Speech*, Vol. 29, No. 4, 257–262.
- Wilson, A. Military Terminology and the English Language [Электронный ресурс]. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/6362-WilsonAdele.htm> (дата обращения: 15.09.17).
- Wilson, D. E. (1942). 'Army Talk'. *American Speech*, Vol. 17, No. 3, 182–183.

US MILITARY SUBCULTURE SLANG

Ekaterina V. Lupanova

adjunct, Military University, MOD
14, B. Sadovaja str, Moscow, Russia, 123001
katerina.lupanova9751@yandex.ru

The article presents the study of US military subculture slang and is aimed at determining the role of armed forces members' language in the culture of army society and characteristics that affect the sociolect functioning in speech. The analysis of American linguists' works shows that military slang features the wide use of abbreviations, intense borrowing of words and idiomatic expressions from foreign languages, an abundance of vulgar and obscene lexical and phraseological units, as well as the use of derisive expressions, to convey humorous attitude to various aspects of soldier's life. As relations within a military collective are determined by the rivalry between representatives of armed forces branches, there exist substantial differences in the lexical-phraseological structure of sociolects of the Army, Air Forces and Navy. Therefore, members of other social groups are not granted the access to information, and the military sociolect serves as an identifier of special affiliation, adding to creating the atmosphere of special psychological and social unity of military team members. Slang is an essential part of the US military subculture, it includes specific vocabulary and phraseology, knowledge of which allows to reveal the essence of moral attitudes and values, worldview, the nature of relationship among military personnel and to study the manifestations of American ethnic mentality of in military slang semantics.

Keywords: slang, sociolect, military subculture, phraseological unit, army society

References

- Arnol'd, I. V. (2002) *Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk: Uchebnik dlja vuzov* [Stylistics. Modern English: Student's Book]. Moscow: Flinta: Nauka. 384 P. Print. (In Russian)
- Bojko, B. L. (2009) *Osnovy teorii social'no-grupovyh dialektov* [Basics of Social Group Dialects Theory]: Avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 57 P. Print. (In Russian)
- Bojko, B. L. (2008) *Osnovy teorii social'no-grupovyh dialektov* [Basics of Social Group Dialects Theory]. Monograph. Moscow: Military University 184 P. Print. (In Russian)
- Matveeva, T. V. (2010) *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Comprehensive Dictionary of linguistic terms]. Rostov n/D: Feniks. 562 P. Print. (In Russian)
- Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: RAN. Institut jazykoznanija. Rossijskaja akademija lingvisticheskikh nauk / ed. by V. Ju Mihal'chenko. 312 P. Print. (In Russian)
- Sudzilovskij, G. A. (1973) *Sleng – chto jeto takoe? Anglo-russkij slovar' voennogo slenga* [What Is Slang? English-Russian Dictionary of Military Slang]. Moscow: Voenizdat, 182 P. Print. (In Russian)
- Alexander, H. (1944). Words and the War. *American Speech* 19 (4): 276–280. Print.
- Algeo, J., Algeo, A. (1991). Among the New Words. *American Speech* 66 (4): 380–406. Print.
- Algeo, J., Algeo, A. (1992). Among the New Words. *American Speech* 67 (1): 83–93. Print.
- Algeo, J. T. (1960). Korean Bamboo English. *American Speech* 35 (2): 117–123. Print.
- Barnhart, C. L. (1970). Of Matters Lexicographical: Keeping a Record of New English, 1963–1972. *American Speech* 45 (½): 98–107. Print.
- Bishop, J. W., Jr. (1946). American Army Speech in the European Theater. *American Speech* 21 (4): 241–252. Print.
- Colby, E. (1942). *Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech*. Princeton: Princeton University Press. 232 P. Print.
- Colby, E. (1936). Soldier Speech. *American Speech* 11 (1): 50–63. Print.
- Dunlap, A.R. (1945). Gi Lingo. *American Speech* 20 (2): 147–148. Print.
- Glossary of Army Slang. (1941). *American Speech* 16 (3): 163–169. Print.
- Hamilton, D. W. (1947). Pacific War Language. *American Speech* 22 (1): 54–56. Print.
- Horowitz, M. (1948). Slang of the American Paratrooper. *American Speech* 23 (¾): 319. Print.
- Howard, D. (1956). United States Marine Corps Slang. *American Speech* 31 (3): 188–194. Print.
- Lighter, J. (1972). The Slang of the American Expeditionary Forces in Europe, 1917–1919: An Historical Glossary. *American Speech* 47 (½): 5–142. Print.

- McAlpine, R.W. (1865). A word about slang. *The United States service magazine* 3: 535–540. Print.
- McCartney, E. S. (1919). The Ancients and the War: Addenda. *The Classical Weekly* 12 (17): 129–132. Print.
- Miller, E. H. (1946). More Air Force Slang. *American Speech* 21 (4): 309–310. Print.
- Murray, T. E. (1956). The Language of Naval Fighter Pilots. *American Speech* 61 (2): 121–129. Print.
- Norman, M. Z. (1956). Army Speech and the Future of American English. *American Speech* 31 (2): 107–112. Print.
- Norman, M. Z. (1955). Bamboo English the Japanese Influence upon American Speech in Japan. *American Speech* 30 (1): 44–48. Print.
- Norris, M. (1991). Military Censorship and the Body Count in the Persian Gulf War. *Cultural Critique* 19: 223–245. Print.
- O'Meara, D. (1947). Imaginary Diseases in Army and Navy Parlance. *American Speech* 22 (4): 304–305. Print.
- Riordan, J. L. (1948). A. V. G. Lingo. *American Speech* 23 (1): 29–32. Print.
- Riordan, J. L. (1947). Some 'G. I. Alphabet Soup'. *American Speech* 22 (2): 108–114. Print.
- Shafer, R. (1945). Air Force Slang. *American Speech* 20 (3): 226–227. Print.
- Sonkin, R. (1954). Bleeding Betty's Brakes; Or, the Army Names a Jeep. *American Speech* 29 (4): 257–262. Print.
- Wilson, A. Military Terminology and the English Language [Электронный ресурс]. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/6362-WilsonAdele.htm> (дата обращения: 15.09.17). Web.
- Wilson, D. E. (1942). 'Army Talk'. *American Speech* 17 (3): 182–183. Print.

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-84-98

**ЗАСТОЛЬНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ США**

Романов Александр Сергеевич,
к.ф.н., докторант 32 кафедры английского языка (основного)
Военного университета МО РФ
ул. Волочаевская, д. 3/4, г. Москва, Россия, 111033
biyalka@mail.ru

Выбор ракурса предлагаемого вниманию читателя исследования определяется характером взаимоотношений между феноменами «этнос», «культура», «язык». В качестве объекта научных изысканий выступают распространенные в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультуры стереотипные представления о социальном институте вооруженных сил, аксиологических доминантах армейской субкультуры, а также речевом портрете референтного образа военнослужащего армии США. Предметом научного исследования избран армейский тост как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Важнейшим элементом концептуальной картины мира социально-профессиональной группы военнослужащих выступает стереотип, неразрывно связанный с духовным наследием американской лингвокультуры.

Тосты GI, выступающие неотъемлемой частью палитры армейского идиома и наделенные функцией аксиологической ретрансляции, способствуют порождению и закреплению стереотипов коллективного сознания. Застольные благопожелания отражают духовные начала армейской субкультурной традиции, морально-этические нормы, правила вербального и невербального поведения военнослужащих. Совокупность воплощенных в знаках языка артефактов армейской культуры, к числу которых, очевидно, принадлежат и военные тосты, отражает ключевые ценности воинской среды, позволяет верно ориентироваться в критических ситуациях и принимать оптимальные решения. Эпидейктический жанр тоста, таким образом, может быть охарактеризован как стереотипогенное языковое средство манифестации ценностей армейской субкультуры, ее корпоративной этики.

Ключевые слова: ВС США, армейская субкультура, стереотипизация, стереотип, языковые средства экспликации этнических стереотипов, армейский тост

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования, сопряженный с переключением внимания лингвистов на речевую деятельность человека в совокупности с ее экстралингвистическим контекстом, а также актуализация коммуникативно-прагматического аспекта изучения языка привели к тому, что феномены, ранее находившиеся на периферии лингвистической науки, все чаще становятся объектом научного внимания. К числу

подобных феноменов принадлежит тост как эпидейктический прагматически маркированный жанр застольного этикета. Тосты относятся к древним формулам речевой культуры, обнаруживают функциональную активность, культивируются и адаптируются к современному дискурсивному пространству. В настоящем исследовании предпринята попытка выявления аксиологических доминант армейской субкультурной среды США, специфически эксплицированных в армейских тостах. Объектом научных изысканий избраны бытующие в массовом сознании обывателя американской лингвокультурной общности устойчивые во времени стереотипизированные репрезентации имиджа ВС США, а также облика референтного носителя армейской субкультуры. Отметим, что важнейшим элементом концептуальной картины мира социально-профессиональной группы военнослужащих выступает стереотип, неразрывно связанный с духовным наследием американской лингвокультуры. Предметом настоящего исследования выступает эпидейктический жанр тоста как языковое средство репрезентации ценностных доминант армейского социокультурного пространства и речевой механизм экспликации упрощенных представлений о социальном институте вооруженных сил. Целью настоящего исследования ставится дальнейшее осмысление природы социально-психологического феномена стереотипизации применительно к социально-профессиональной среде военнослужащих США. Нами выдвигается тезис, согласно которому устойчивые речевые формулы армейского застольного этикета обнаруживают свойство стереотипогенности.

В лексикографических источниках тост (англ. *toast*) традиционно интерпретируется как застольное пожелание, предложение выпить вина в честь кого-нибудь или чего-нибудь, здравица [СРЯ 1984: 389].

«Полный словарь лингвистических терминов» под редакцией Т.В. Матвеевой определяет тост как эпидейктический жанр социально-бытового красноречия. Под последним понимается речевое мастерство в бытовой сфере, способствующее культурному обогащению повседневного речевого общения, установлению и культивированию таких его форм, в которых отражаются национальные традиции, ценности духа и здоровый гедонизм бытия. Социально-бытовое красноречие реализуется в монологических (похвальная речь и ее варианты: приветственная и юбилейная речь, а также прощальная речь – надгробное слово; разговорный рассказ, застольная речь и тост) и диалогических жанрах (разговорная беседа, спор, болтовня) [Матвеева 2010: 446]. Прагматическая интенция пафоса торжественных речей, утверждал Аристотель, может быть разной: хвалить или порицать [Аристотель 2000: 8]. Социально-бытовое красноречие отражает намерение устанавливать и поддерживать добрые отношения между людьми, воздавать почести достойным, поддерживать и ободрять нуждающихся в этом, утверждать оптимизм, способствовать полезному и приятному времяпрепровождению в неформальной обстановке. Иными словами, задачи логические в социально-бытовом красноречии уступают место этическим и эстетическим интенциям адресанта [Матвеева 2010: 446]. Под тостом понимается малый жанр бытового красноречия, застольная заздравная эпидейктическая речь. Для тоста характерна оптимистическая тональность, в основе которой лежит идея похвалы. Назначение тоста сводится к тому, чтобы говорить обо всем хорошем в связи с данной конкретной ситуацией.

Тост может представлять собой развернутую прямую похвалу с обязательной заключительной речевой формулой приглашения поднять бокалы за кого-либо или что-либо. Неожиданный семантический поворот в конце тоста производит сильное прагматическое воздействие на адресата: через эмоции доставляет эстетическое удовольствие участникам застолья. Именно поэтому в тосте ценится эффект неожиданности. Владение жанром тоста предполагает не только правильное составление его текстов, но и умелое преподнесение, а также знание культуры застольного поведения в целом [Там же: 494].

Назначение эпидейктической речи состоит в обращении к эмоциональной сфере, сплочении аудитории, создании благоприятной коммуникативной атмосферы. Информированная и персуазивная интенции говорящего выступают в качестве вспомогательных. Аргументация тоста носит риторический характер. Речи, призванные вызывать положительные эмоции, возвышенные чувства, могут быть произнесены в таких жанрах, как поздравление, благодарность, напутствие, прощание, приветствие, тост. Одни и те же жанры могут быть выбраны как в официальной, так и неофициальной сферах общения. В риторических речах запечатлены знаменательные события социальной практики и факты, вызывающие сильный эмоциональный отклик. На этапе элокуции существенным достоинством речи выступает ее образность, оригинальность, уход от речевых стандартов, шаблонов (как, например, пожелание крепкого здоровья, творческих успехов и счастья в личной жизни). Использование изобразительно-выразительных средств является важным условием усиления воздействующего эффекта речи. Классификация публичных выступлений представлена *официальным, неофициальным и бытовым контекстами коммуникации* [Меньшенина 2005: 182–183].

Тост принадлежит дискурсивному пространству риторики. Уходящий своими корнями в глубь античности эпидейктический жанр речи был впервые описан Аристотелем, хотя создание торжественного жанра приписывается Горгию из Леонтии [Шаталова 2009: 10–11]. Обращенная к внеязыковой действительности эпидейктическая речь дает представление о морали и антиморали. Ритуал и правила речевого этикета составляют основу эпидейктики. Эпидейктический жанр истолковывается как «устойчивая форма реализации речевого намерения адресанта, ориентированная на конкретного адресата; как единство свойств формы и содержания (композиции и стиля), определяемое целью и условиями социально-бытового или социально значимого общения <...>» [Там же: 5]. В качестве предмета речи могут выступать добродетели, пороки, знаменательные исторические события или даты, выдающиеся личности, памятные страницы социального опыта. Эпидейктическая речь представлена двумя разновидностями: *официальной* и *бытовой*. Официальная эпидейктика включает торжественную, юбилейную, благодарственную, приветственную, нобелевскую, застольную и надгробную (соболезнование) разновидности речи, тост, комплимент, инаугурационную речь, напутствие, похвалу, порицание. Бытовая эпидейктика представлена такими жанрами, как поздравление, благодарность, соболезнование, тост, комплимент, похвала, хула, обвинение, осуждение. В отличие от официальной, бытовая эпидейктика предполагает личностность речи, некоторую интимность, большую свободу в выборе средств выразительности [Там же: 12–13]. Эпидейктический

дискурс характеризуется такими жанровыми признаками, как повод, торжественная обстановка, фон произнесения, соблюдение системы ролей, наличие четкой структуры, преобладание книжного строя речи, употребление изобразительно-экспрессивных средств языка. Тост, апеллирующий к эмоциональной сфере, принадлежит к малым формам хвалебной речи [Там же: 4].

Тост – это и дискурсивное событие, рассматриваемое в совокупности с экстралингвистическими факторами в конкретной коммуникативной ситуации. Под речевым, или дискурсивным, понимается событие, обнаруживающее общность цели, темы, тона, стиля и обстоятельств общения. Участники дискурсивного события следуют общему для всех своду правил коммуникативного взаимодействия. Тосты могут быть классифицированы следующим образом: *по теме* (свадебные, поздравительные, поминальные и т.д.), *по форме предъявления* (тосты в стихах или в прозе), *по наличию/отсутствию в основе прецедентного текста* (анекдотов, пословиц и поговорок, афоризмов, притчей и т.д.), *по характеристике адресата и отправителя* (тосты, обращенные к конкретному адресату или целевой аудитории, а также тосты, произнесенные от первого лица и от группы/коллектива людей), *по характеру коммуникативной ситуации* [Мощанская, Савчук 2011: 80–83].

Понятие прецедентного текста было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым. Под прецедентными понимаются когнитивно и эмоционально значимые тексты, хорошо известные широкому кругу лиц, «обращение к которым возобновляется в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1986: 105]. Прецедентный текст интерпретируется как последовательность знаковых единиц, обладающих цельностью, связностью и ценностной релевантностью для данной культурной общности. Прецедентный текст, варьируемый от пословицы или афоризма до эпоса, наряду с вербальным может включать визуальный компонент (плакат, комикс, фильм, видеоряд). «Частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций есть показатели ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, его прецедентности» [Слышкин 2000: 28–29]. Обладающий экспрессивной составляющей тост направлен на установление и поддержание контакта с целевой аудиторией (реализация фатической функции), создание, в зависимости от прагматической интенции говорящего, определенного эмоционального фона. Композиционное своеобразие прозаической формы предъявления тоста включает обращение, обозначение повода мероприятия, характеристику объекта благопожелания или коммуникативной ситуации, завершаемые благопожеланием или поздравлением. Тост традиционно заканчивается призывом осушить бокалы. Наличие прецедентного текста и композиционная структура тоста носят вариативный характер. К инвариантам композиции тоста относятся обращение, называние повода произнесения речи, а также призыв поднять и осушить бокалы [Мощанская, Савчук 2011: 82]. Тост характеризуется широким употреблением фигур речи и тропов, придающих тексту живость образов.

Автор статьи «Toasting the Armed Forces» R. Morris пишет о том, что тосты имеют давнюю традицию, восходящую к эпохе Средневековья. Современная манера произнесения благопожеланий сохранила английские каноны публичных выступлений XVIв. Во время повседневных совместных приемов

пищи и официальных церемониальных обедов армейские тосты служат вербально реализованным знаком пиетета и лояльности к государству, символом почитания воинских традиций. Естественным спутником застольных благопожеланий в армейской, как, впрочем, и любой другой среде, выступает винопитие. Если же военный служащий не употребляет спиртных напитков, то дань уважения к собравшимся по определенному поводу может быть выражена символическим поднятием бокала с вином или водой либо поднесением бокала ко рту в знак солидарности с воинским коллективом. Отметим, что отказ от участия в застолье может быть встречен неодобрением и критикой со стороны сослуживцев. Подтверждением сказанному послужит юмористическое изречение, позаимствованное нами из морского фольклора ВС США: *a toast with water will die by drowning* 'тост утрачивает всякий смысл в том случае, если бокал наполнен водой' [Morris 2014].

В пособии «Dining-In and Dining-Out Handbook», разработанном штабом Командования комплектования личного состава ВС США, приводится следующее. Предположительно, практика совместной трапезы не была характерной для воинских подразделений средневековой Англии, однако была типичной для представителей монашеского ордена и образовательных заведений – университетов. Этикетный обычай произнесения тостов обрел силу после учреждения первых офицерских столовых, созданных по инициативе британского истеблишмента. Первая и Вторая мировые войны способствовали культурному обмену между британской и американской армиями, внесли заметную лепту в процесс заимствования и культивирования американцами эпидейктических традиций бытового красноречия [USAREC Pamphlet 600–15 1994: 1]. Как правило, официальные армейские тосты адресованы президенту США, определенному виду, роду войск или же конкретному воинскому подразделению. Ср.: Speaker: *"Fellow Officers, I propose a toast to the Commander-in-Chief, the President of the United States."* / Response: *"To the President."*; Speaker: *"To the President of the United States"* / Response: *"To the President"*; Speaker: *"To the United States Army"* / Response: *"To the Army."* Примечательно, что армейские тосты поднимаются за организацию или ведомство, но никогда не обращены к частному лицу (исключение, пожалуй, составляют тосты, адресованные президенту). Согласно традиции, во время неофициальных застолий назначается так называемый «орудийный расчет» (*gunners*) в составе одного человека (как правило, это младший по званию военный служащий), в обязанности которого вменяется своевременное наполнение бокалов собравшихся на протяжении всего мероприятия. Во время официальных празднований эта неформальная традиция неуместна [Там же: 5].

В руководстве «Guide to the Military Dining-in», разработанном в Военной академии West Point (шт. Нью-Йорк), находим: *"Toasting is the ancient tradition of drinking together in honor of someone or some group, in order to show respect or appreciation. It is believed that this custom came into wide acceptance after the effects of poisons were discovered. When two persons, who might be antagonists, drank from the same source at the same instant and suffered no ill effects, a degree of mutual trust or rapport was established. Today, toasting is a gesture to honor the person or group being recognized. It is not necessary to drain the glass, or even to sip the wine; a mere touch of the glass to the lips satisfies the ceremony"* [Guide to the Military Dining-in 1999: 8].

Сложная система регулирования в значительной степени формализованного поведения (вербального и невербального), а также сложившиеся стереотипы армейского субкультурного универсума играют значимую роль в повседневном укладе жизни военнослужащих армии США. Совокупность воплощенных в знаках языка артефактов армейской культуры, к числу которых, очевидно, принадлежат и военные тосты, отражает ключевые ценности воинской среды, позволяет верно ориентироваться в критических ситуациях и принимать оптимальные решения. Эпидейктический жанр тоста, таким образом, может быть охарактеризован как стереотипогенное языковое средство манифестации ценностей армейской субкультуры, ее корпоративной этики. Вербальная циркуляция аксиологически маркированных памятников культуры коллективного сознания военнослужащих способствует снижению негативного воздействия стрессогенных факторов, благотворно сказывается на моральном климате воинского коллектива.

Следуя логике изложения материала, далее мы предлагаем остановиться на критериях дифференциации застольных текстов эпидейктического жанра, а также подвергнуть лингвокультурологическому осмыслению специфически эксплицированные в армейских тостах стереотипные представления социально-профессиональной среды военнослужащих. Полагаем, что армейские тосты могут быть классифицированы следующим образом: по характеру коммуникативной ситуации выделяют *официальные* и *социально-бытовые тосты*; по форме репрезентации – тосты *в стихах* или *в прозе*; по характеру прагматической интенции адресанта можно выделить *поздравительные, хвалебные, порицающие, юмористические* и др. разновидности тоста; по наличию реминисцентных текстов (ФЕ, единиц социально-группового диалекта, воинских девизов, фрагментов строевых песен и т.д.) различают *прецедентные* и *непрецедентные тосты*.

Традиционно *официальные армейские тосты* адресованы главе государства, вооруженным силам и связаны с непреходящими ценностями армейской субкультуры и общечеловеческими ценностями. Приведем примеры официальных тостов социально-профессиональной среды военнослужащих: “*Here’s to American valor; / May no war require it, but may it ever be ready for every foe.*” – «За американскую доблесть, / Пусть не будет войн, чтобы испытать ее на прочность, но пусть американская отвага будет всегда наготове для всякого противника»; “*Here’s to the Army and Navy, / And the battles they have won, / Here’s to America’s colors / –The colors that never run.*” – «За армию и флот, / И победы, одержанные ими, / За американский флаг / – Флаг, не ведающий поражения»; “*Here’s to the land we love and the love we land.*” – «За землю, которую мы любим и любовь, которую мы обретаем»; “*May we love peace enough to fight for it.*” – «Пусть наша любовь к миру будет достаточно сильна для того, чтобы сражаться за него»; “*To absent friends.*” – За тех, кого с нами нет [Morris 2014], [<https://www.etiquettescholar.com>].

К категории официальных могут быть отнесены тосты, приуроченные к завершению срока службы военнослужащего с последующим выходом в отставку; а также траурные застольные речи, посвященные памяти павших в бою воинов. Обратимся к примерам. “*A toast to one / Whose service has guaranteed / Our freedom to celebrate today. / A toast to John / Who has served so*

that we / May live as we wish / In this land of the free. / Today we honor John and salute his service. / May we always remember that serving one's country / Is the ultimate expression of love / For family, friends and neighbors. – «Поднимаю тост за того, / Чья служба стала гарантом нашей свободы сегодня. / Тост за Джона, / Который служил для того, чтобы мы / Могли жить так, как мы того желаем / В этой стране свободных людей. / Сегодня мы чествуем Джона и отдаем дань уважения его службе. / Давайте не будем забывать о том, что служба Отечеству / Является наивысшим проявлением любви / К семье, друзьям и соседям» [<http://www.militaryservicecompany.com>].

"To those who were vigilant so we could rest, / Who gave everything that we might thrive, / Who are silent that we may breathe free, / We honour you." – «За тех, кто не смыкал глаз, охраняя наш сон, / Кто отдал все во имя нашего процветания, / Кто умолк навеки ради того, чтоб мы могли дышать свободно, / Мы чтим вашу память» [The Marine Corps Gasette 2016: 3].

Семантическое ядро вышеприведенных армейских тостов, пронизанных духом самоотречения ради всеобщего национального процветания, может быть интерпретировано следующим образом: военная служба – величайшая честь и наивысшая форма проявления любви к Отечеству. В данном контексте представляется уместным обратиться к официальному девизу ВС США *"This we'll defend"* – «На страже свободы США», имплицитный посыл которого зиждется на идее о том, что военные призваны защищать свободу и американский образ жизни, выступающие ключевыми ценностными категориями американской лингвокультурной общности [Odierno 2012].

Обратимся к иллюстративному материалу армейских тостов, посвященных видам и родам войск ВС США.

Сухопутные войска

"Here's to the bravest sons of guns!" – «За отважнейших из сыновей войны». *"Put your trust in God, boys, but keep your powder dry."* – «Уповайте на Бога, ребята, но порох держите сухим» (на Бога надейся, а сам не плошай) [Morris 2014]. [<https://www.etiquettescholar.com>]. Характерной особенностью тоста, традиционно произносимого в честь СВ, выступает наличие прецедентных фрагментов, представленных устойчивыми словосочетаниями *to keep one's powder dry* – *досл.* держать порох сухим, быть готовым во всеоружии; и *to trust in God* – верить в Бога. Согласно лексикографическому источнику *American Heritage Dictionary of Idioms*, под ФЕ *to keep one's powder dry*, авторство которой приписывается вождю английской буржуазной революции XVII в. Оливеру Кромвелю (1599–1658 гг.), понимается следующие: *"this colloquial expression, which originally alluded to keeping gunpowder dry so that it would ignite, has been used figuratively since the 1800s but today is less common than TAKE CARE"* [Ammer 1992: 578]. Здесь мы бы хотели провести параллель между прецедентным текстовым фрагментом *to trust in God* и национальным девизом США *in God We Trust* – «мы верим в Господа». Отметим также, что позаимствованная из текста воинской присяги *Oath of Enlistment* фраза *So help me God* – и да поможет мне Господь; взывает к религиозным чувствам военнослужащих и укрепляет веру в неизбежность духовного начала армейской субкультуры [<http://www.army.mil/values/oath.html>]. «<...> Наиболее вдохновляющей общей целью армии может быть сознание того, что она является божественным инструментом и призвана творить

суд божий. Ибо какая человеческая сила может противостоять божественной? Моральный дух подразделения и части можно поднять до высокого уровня только тогда, когда солдаты вдохновляются высокими и бескорыстными идеалами» [Коупленд 1991: 56–57].

“The girl and boy are bound by a kiss / But there’s never a bond, old friend like this: / We have drunk from the same canteen” (General Charles G. Halpine). – «Девушка и юноша связаны узами поцелуя / Но наши узы, старый друг, прочнее остальных: / Мы испили из одной фляжки» (генерал Ч. Дж. Халпайн) [<https://www.etiquettescholar.com>]. Яркий метафорический образ ФЕ *to drink from the same canteen* «пройти огонь, воду и медные трубы» наделен глубоким символическим содержанием, указывающим на существование подлинно духовной, родственной связи между сослуживцами, опаленными пламенем войны и прошедшими все испытания вместе, плечом к плечу. Изречение *to drink from the same canteen* выступает семантическим ядром тоста, эксплицирующим стереотип о братских взаимоотношениях, объединяющих военнослужащих. Подтверждением сказанному послужит цитата из книги С.С. Samito *Becoming American under fire: Irish Americans, African Americans and the politics of citizenship during the Civil War Era*: “<...> soldiers did so (would share the same canteen – прим. наше, А.Р.) in the communion of military service – the sharing of hard marches and empty stomachs, the excitement of battles and the doldrums of camp life and crawling to a wounded soldiers on the battlefield to give him a drink” [Samito 2009: 113].

Военно-морские силы и Корпус морской пехоты

“Here’s to the Navy – true hearts and sound bottoms.” – «За ВМС – преданные сердца и прочные суда».

“I give you muscles of steel, nerves of iron, tongues of silver, hearts of gold, necks of leather – the marines.” – «Вверяю вам стальные мускулы, железные нервы, красноречивые уста, добрые сердца и бритые затылки – морских пехотинцев!» [<https://www.etiquettescholar.com>].

Военно-воздушные силы

“They’ve got wings, but they’re not always angels. Here’s to our Air Force.” – «У них есть крылья, но они не всегда ангелы. За наши ВВС» [Morris 2014].

“We toast to our hearty comrades who have fallen from the skies, / And were gently caught by God’s own hands to be with him on high, / To dwell among the soaring clouds they have known so well before, / From victory roll to tail chase, at heaven’s very door. / And as we fly among them, we’re sure to hear their plea, / Take care, my friend, watch your six, and do one more roll for me.” – «Мы поднимаем тост в честь дорогих товарищей, павших с небес, / И бережно подхваченных руками Господа с тем, чтобы разделить Его небесную обитель, / Чтоб жить среди парящих облаков, так хорошо знакомых им, / От победного виража до захода в хвост противнику у самых райских врат. / И поскольку мы летаем среди них, до нас доносятся мольбы наших товарищей: «Будь осторожен, друг мой, будь начеку и сделай еще одну “бочку” для меня» [<http://www.militarywives.com>].

Социально-бытовые тосты, произносимые в неформальной обстановке, зачастую не лишены юмористического содержания:

«May your glass be ever full. / May the roof over your head be always strong.»

/ And may you be in heaven / half an hour before the devil knows you're dead.»
– «Пусть будет кубок полон твой всегда. / Пусть кров твой будет прочен вечно.
/ Пусть ты окажешься в раю / За полчаса до того, как дьявол получит известие
о твоей смерти».

*“Here’s health to you and to our corps, / Which we are proud to serve: /
In many a strife we have fought for life / And never lost our nerve. / If the Army and the Navy /
Ever look on heaven’s scenes, / They will find the streets are guarded By the United States
Marines.* – «За ваше здоровье и наш Корпус, / В котором мы имеем честь служить:
/ Во многих боях мы сражались не на жизнь, а на смерть / И никогда не теряли
самообладания. / И если армия и флот / Когда-нибудь окинут взором небеса, / То
обнаружат, что улицы в раю охраняются / Морскими пехотинцами США».

“To the sailor – the only person I know who gets sea sick taking a bath.” –
«За моряка – единственного известного мне человека, страдающего морской
болезнью в ванной».

*“To the wisdom of sailors. As Sir Walter Scott said, «Tell it to the marines –
the sailors won’t believe it.”* – «За мудрость моряков. Как говаривал сэр Вальтер
Скотт, «расскажите это морской пехоте, моряки в это не поверят» [[https://www.
etiquettescholar.com](https://www.etiquettescholar.com)]. Благодаря ФЕ *tell it to the marines* «рассказывать
небылицы, говорить вздор» в тосте в эксплицитной форме вербализован
распространенный стереотип об интеллектуальной ограниченности
представителей Корпуса морской пехоты. *“This term originated among British sailors,
who regarded marines as naive and gullible”* [Ammer 1997: 1055]. Датируемое
началом XIX в. изречение *tell it to the marines* выражает крайнюю степень
недоверия к сказанному, скепсис. Другими зафиксированными в солдатском
фольклоре примерами, подкрепляющими тезис о граничащей с глупостью
наивности морских пехотинцев, послужат шуточные аббревиатуры:
MARINES = Muscles Are Required Intelligence Not Essential – ср. рус.
«сила есть – ума не надо» и *MARINE = Math And Reading Is Not Essential* –
«умение считать и писать для морской пехоты не обязательно» [Романов
2015: 155] [<http://www.vetfriends.com>,
<http://www.supertrap.com>].

*“Here’s to the ships of our Navy, / And the ladies of our land; / May the first be ever
well rigged, / And the latter ever well manned.”* – «За боевые корабли нашего
флота / И наших женщин; / Пусть первые будут всегда хорошо оснащены, / А
последние – никогда не познают одиночества».

С лингвистической точки зрения эпидейктический жанр застольных
благопожеланий характеризуется специфичной структурной организацией
и лексическим наполнением. Тост отличается совокупностью лексико-
семантических, грамматических и стилистических особенностей.

Лексико-семантические особенности. Наиболее употребительную в языке
тостов лексику можно разбить на ряд семантических групп. Религиозно-обрядовая
лексика: *God, plea, loss, angel, faith/trust, heaven, haven’s door, haven’s scenes, skies,
devil*. Лексика, взывающая к патриотическим чувствам военнослужащих и этосу
референтного облика GI: *country, America’s colors, military service, patriotism,
patriot, loyalty, good, evil, valor, courage, glory, pride, foe, the unfair*. Социально-
бытовая лексика: *community, brotherhood, family, brother, comrade, fallen comrade,
hearty friend, absent friend*. Лексика, выражающая абстрактные категории: *peace,*

life, freedom, love, health, memory, demise/death, war.

Грамматические особенности. Структурно тост может быть разделен на ядро – *toast message* и элементы обрамления – *toast frame*. В отличие от вариативного ядра элементы обрамления – относительно устойчивая, стандартная часть тоста. В застольных речах частотны устойчивые речевые формулы или стандартные речения: *to... / here's to... / I propose a toast to... / I raise my glass to...* Стандартной является вокативно-ответная структура армейского тоста – *toast-response structure*. Ср.: *Toast: Here's to the US Army Commander-in-Chief / Response: Hear, hear!; Toast: "To the Flag of the United States of America" / Response: "To the Colors"*. В качестве ответа на тост может прозвучать выражение *hear, hear!* – поддерживаем, согласны! [<http://www.militarywives.com>]. Вошедшее в языковую обиход в конце XVIIIв. изречение представляет собой редуцированную речевую формулу, образованную от *hear him!*, выражающую чувство солидарности и одобрения речи докладчика. Этимологические истоки приведенного выражения восходят к парламентским прениям Соединенного Королевства Великобритании, в ходе которых запрещалось поддерживать выступление оратора овациями. Изречение *hear him!* стало своего рода компромиссом, назначение которого сводилось к привлечению внимания аудитории [Ammer 1997: 479].

Характерной особенностью армейского тоста выступает преимущественное употребление глаголов в *оптативе* с пожелательной семантикой (что с необходимостью проистекает из специфики тоста как благопожелания). Пожелательное наклонение в английском языке выражается с помощью модального глагола *may*: *may your glass be ever full, may your roof be ever strong, may our ships be ever well rigged, may no war require American valor, but may it ever be ready for every foe.*

Отличительным свойством тостов GI является широкое использование *императивных конструкций*: *let's drink to..., put your trust in God, so help me God, keep your powder dry, take care, watch your six.*

Традиционными для армейского тоста выступают *апеллятивно-вокативные лексемы и словосочетания*, обращенные к целевой аудитории: *old friends, comrades, brothers-in-arms, dear veterans (vets).*

Нередко в речевых произведениях застольных благопожеланий встречается и употребление соответствующих тематике *прецедентных текстовых фрагментов*: *trust in God, but keep your powder dry* – «на Бога надейся, а сам не плошай»; *watch your six* – «гляди в оба, будь начеку»; *to have a heart of gold* – «иметь доброе сердце», *to drink from the same canteen* – «вместе пройти через тяжелые испытания, пройти огонь и воду» (*досл.* испить из одной фляжки).

Эпидейктический жанр тоста также способен заключать элементы *языковой игры* на основе лексической полисемии: *here's to the land we love and the love we land* (в зависимости от морфологической принадлежности, лексема может иметь следующие толкования: *land (n.)* – земля, суша и *land (v.)* – приставать к берегу, причаливать, достигать (какого-то места)), *may our ships be ever well rigged and may our women be ever well manned* (инфинитивная форма глагола *to man* в данном контексте может быть интерпретирована следующим образом: 1. укомплектовывать личным составом, снабжать людьми и 2. обслуживать, управлять).

Стилистические особенности. Частое употребление устойчивых словосочетаний, стандартных речений и формул, использование пословиц и поговорок, насыщенность языка армейских тостов религиозно-обрядовыми лексическими единицами, лексикой, выражающей моральные и абстрактные категории, а также ряд грамматических нюансов в совокупности формируют специфические особенности стиля языка тостов. Набор экспрессивно-образительных средств армейских застольных текстов эпидейктического жанра представлен такими тропами, как эпитет, метафора, метонимия, сравнение, ирония и др. Проанализируем сказанное на примерах.

Эпитеты: *tongues of silver* – красноречивые уста, *hearts of gold* – золотые сердца, *muscles of steel* – стальные мышцы, *necks of leather* – бритые наголо затылки, *nerves of iron* – железные нервы, *hearty comrades* – дорогие товарищи, *American valor* – американская доблесть, *fighter-model* – образцовый солдат.

Метафоры и метонимии: *sons of guns* – сыновья войны; *land of the free* – земля свободных людей; *dwelt among the soaring clouds* – обитать среди парящих облаков; *USAF pilots have got wings, but they're not always angels* – у летчиков ВВС США есть крылья, но они не всегда ангелы; *to drink from the same canteen* – вместе пройти через тяжелые испытания.

Олицетворения: *Uncle Sam* – персонифицированный образ США, *colors that never run* – победоносный флаг (досл. флаг, который никогда не убегает).

Сравнения: *pilots – angels, fighters – models, soldiers – guardians*.

Эвфемизмы: *absent friends/silent comrades/fallen soldiers* – погибшие, павшие на поле боя; *the unfair* – противник.

Богатство материала тостов требует более детального описания и анализа застольного этикета военнослужащих. Здесь мы наметили лишь некоторые возможные аспекты его изучения. Очевидно, необходимо дальнейшее исследование данного феномена с точки зрения как собственно лингвистики, так и семиотики. Проведенное нами лингвокультурологическое исследование застольных эпидейктических текстов социально-профессиональной среды американских военнослужащих позволяет сделать следующие выводы:

- армейские тосты выступают продуктивным языковым средством экспликации этностереотипов речевой стихии военного коллектива;

- основу армейских тостов составляют такие аксиологические доминанты, как *самоотверженное служение и верность Отечеству, патриотизм, мужество, сила духа, дух товарищества, сплоченность, дисциплинированность* и др.;

- армейские тосты могут быть классифицированы следующим образом: по характеру коммуникативной ситуации выделяют *официальные* и *социально-бытовые тосты*; по форме репрезентации – тосты *в стихах* или *в прозе*; по характеру прагматической интенции адресанта – *поздравительные, хвалебные, порицающие, юмористические* и др. разновидности тоста; по наличию реминисцентных текстов (ФЕ, единиц социально-группового диалекта, воинских девизов, фрагментов строевых песен и т.д.) различают *прецедентные* и *непрецедентные тосты*.

- своеобразие армейских тостов представлено совокупностью лексических, грамматических и стилистических особенностей.

Литература

- Аристотель*. Поэтика. Риторика. Спб.: Азбука, 2000. 347 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. С. 105–126.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М., Academic, 2000. 141 с.
- Меньшенина С.В.* Жанры речей. Классификация эпидейктической речи / С.В. Меньшенина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Выпуск № 7 (47). Челябинск: ЮУрГУ, 2005. С. 181–185.
- Мощанская Е.Ю., Савчук А.С.* Тост как устно-речевой дискурс / Е.Ю. Мощанская, А.С. Савчук // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 16. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 80–90.
- Коупленд Н.* Психология и солдат / пер. с англ. А.Т. Сапронова и В.М. Катеринича. 2 изд. М.: Воениздат, 1991. 96 с.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
- Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Романов А.С.* Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Романов. М., 2015. 195 с.
- Словарь русского языка: в 4-х т.* / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А–Й. 698 с.; 1984. Т. 4. С–Я. 794 с.
- Шаталова С.В.* Эпидейктические жанры речи: автореф. дис... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
- Ammer C.* The American Heritage dictionary of idioms. 1st ed. / Christine Ammer. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 1191p.
- Army.mil.com.* URL: <http://www.army.mil/values/> (дата обращения: 21.06.17).
- Dining-In and Dining-Out Handbook.* USAREC Pamphlet 600-15. Headquarters United States Army Recruiting Command. – Kent.: Fort Knox, 1994. 9 p. URL: <http://img.slate.com/media/53/military%20dining%20handbook.pdf> (дата обращения 10.05.17).
- Etiquettescholar.com.* URL: https://www.etiquettescholar.com/dining_etiquette/toasting_etiquette/toasts_for_all_occassions/military_toasts.html (дата обращения 12.05.17).
- Guide to the Military Dining-in* (revised 1999 edition). Cadet Hostess Office. Cullum Memorial Hall. – N.Y.: West Point, 1999. 26 p. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewiJiIX8s_VAhXDYJoKH

fmDbIQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.usma.edu%2Fdca%2FSiteAssets%2F SitePages%2FMilitary%2520Dining%2FMilitaryDiningInGuide.doc&usg=AFQjCNF-wijcpiRNDdVci8FqXCgMDug5nQ (дата обращения: 12.08.17).

Militaryservicecompany.com. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (дата обращения: 19.08.17).

Militarywives.com. URL: <http://www.militarywives.com/index.php/protocol-mainmenu-264/air-force-protocol-mainmenu-298/toasts-mainmenu-322> (дата обращения: 21.07.17).

Morris R. Toasting the Armed Forces / R. Morris. 2014. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (дата обращения: 13.08.17).

Odierno R. This We'll Defend / R. Odierno. 2012. – URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (дата обращения: 20.12.16).

Samito C.G. Becoming American under fire: Irish Americans, African Americans and the politics of citizenship during the Civil War Era / C.G. Samito. N.Y.: Cornell University Press, 2009. 320 p.

Vetfriends.com. URL: <http://www.vetfriends.com/jokes/index.cfm?startNum=50> (дата обращения: 14.03.13).

Supertrap.com. URL: http://www.supertrap.com/ST_Downloads_files/Army%20Slang.pdf (дата обращения: 15.11.13)

GI TOASTS WITHIN THE CONTEXT OF THE ETHNO-CULTURAL STEREOTYPIZATION OF THE US MILITARY SOCIO-PROFESSIONAL ENVIRONMENT

Alexander S. Romanov

PhD in Philology, Doctoral Degree Candidate,
32nd English Language Department,
Military University, MOD
Moscow, Russia, Volochaevskaya str., bld. 3/4
biyalka@mail.ru

The current study focuses on the interrelations between ethnos, culture, and language. The object of this research embraces stereotypical perceptions of the social institution of the armed forces, professionally specified constants and axiological dominants of the army subculture, as well as the speech portrait of the US Army GI reference image, which are widespread in the collective language consciousness of the American linguoculture. Whereas, the researched subject is the military toast regarded as a productive language mechanism for explicating ethnic stereotypes of the army subculture. Stereotypes are perceived as a significant part of the conceptual world picture of the military socio-professional group, and are inextricably linked with the spiritual heritage of the American linguoculture. Being an integral part of the army, idiom toasts perform the function of axiological retransmission, shaping and consolidating stereotypes of the collective consciousness.

Toasts reflect the spiritual principles of the army subcultural tradition, moral and ethical norms, rules of verbal and non-verbal behavior of military men. Belonging to a wide array of artifacts embodied in the army idiom, military stereotypes reflect key values of the military environment, provide for a correct navigation in critical situations and assist making optimal decisions. The epideictic genre of toast, therefore, can be described as a stereotypogenic language tool designed for manifestation of the army subcultural values and its corporate ethics.

Keywords: US Armed Forces, military subculture, stereotypization, stereotype, linguistic means of explicating of ethnic stereotypes of the US Army, army toast

References

Aristotel'. (2000) Pojetika. Ritorika [Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg: Azbuka. 347 P. Print. (In Russian)

Ahmanova O.S. (1969) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 608 P. Print. (In Russian)

Karaulov Ju.N. (1986) Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoju lichnosti [The role of Precedent Texts in the Structure and Functioning of the Language Person. Scientific Tradition and New Trends in Teaching the Russian Language and Literature. Reports of the Soviet delegation at the VI Congress MAPRYAL], 105–126. Moscow: Russkij jazyk. Print. (In Russian)

Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov [Lingvocultural Concepts of Precedent Texts]. Moscow: Academic. 141 P. Print. (In Russian)

Men'shenina S.V. (2005) Zhanry rechej. Klassifikacija jepidejkticheskoj rechi / S.V. Men'shenina [Speech Genres]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki [Letters of South Ural State University]: 7 (47): 181–185. Cheljabinsk: JuUrGU. Print. (In Russian)

Moshhanskaja E.Ju., Savchuk A.S. (2011) Tost kak ustno-rechevoj diskurs [Toast as Speech Discourse] Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroljubova [Letters of Nizhni Novgorod Linguistic State University] 16: 80–90. Nizhnij Novgorod: FGBOU VPO NGLU. Print. (In Russian)

Kouplend N. (1991) Psihologija i soldat [Psychology of Soldier] trans. from English by Saponova, A.T., Katerinicha, V.M., 2nd edition. Moscow: Voenizdat. 96 P. Print. (In Russian)

Kul'tura russkoj rechi: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik (2003) [Russian Speech Culture] ed. by Ivanova, L.Ju., Skovorodnikova, A.P., Shirjaeva, E.N. i dr. Moscow: Flinta; Nauka. 840 P. Print. (In Russian)

Matveeva T.V. (2010) Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Full Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don: Feniks. 562 P. Print. (In Russian)

Romanov A.S. (2015) Jazykovye sredstva jeksplikacii jetnicheskikh stereotipov v kartine mira amerikanskih voennosluzhashhih: dis... kand. filol. nauk: 10.02.19 [Linguistic Means Explaining Ethnic Stereotypes of World Picture of American Military Men] Ph.D. Dissertation. 195 P. Print. (In Russian)

Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. (1981) [Russian Language Dictionary] ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow: Russkij jazyk, 1981. V. 1. A–J. 698 P. 1984. V. 4. S–Ja. 794 P. Print. (In Russian)

Shatalova S.V. (2009) Jepidejkticheskie zhanry rechi: avtoref. dis... kand. filol.

- nauk. [Epidictic Speech Genres] Ph.D. Dissertation. 24 P. Print. (In Russian)
- Ammer C. (1997) The American Heritage dictionary of idioms / Christine Ammer. – Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 1st ed. 736 P. Print.*
- Army.mil.com.* URL: <http://www.army.mil/values/> (retrieval date: 21.06.17).
- Dining-In and Dining-Out Handbook.* USAREC Pamphlet 600–15. Headquarters United States Army Recruiting Command. Kent.: Fort Knox, 1994. 9 p. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://img.slate.com/media/53/military%20dining%20handbook.pdf> (retrieval date 10.05.17). Web.
- Etiquettescholar.com.* URL: https://www.etiquettescholar.com/dining_etiquette/toasting_etiquette/toasts_for_all_occassions/military_toasts.html (retrieval date 12.05.17). Web.
- Guide to the Military Dining-in* (revised 1999 edition). Cadet Hostess Office. Cullum Memorial Hall. N.Y.: West Point, 1999. 26p. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiJIIX8s_VAhXDYJoKHfmDbIQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.usma.edu%2Fdca%2FSiteAssets%2FSitePages%2FMilitary%2520Dining%2FMilitaryDiningInGuide.doc&usg=AFQjCNF-wijcpiRNDdVci8FqXCgMDug5nQ (retrieval date 12.08.17). Web.
- Militaryservicecompany.com.* – URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (retrieval date: 19.08.17). Web.
- Militarywives.com.* URL: <http://www.militarywives.com/index.php/protocol-mainmenu-264/air-force-protocol-mainmenu-298/toasts-mainmenu-322> retrieval date: 21.07.17). Web.
- Morris R. Toasting the Armed Forces / R. Morris. 2014 [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/ (retrieval date: 13.08.17). Web.*
- Odierno R. This We'll Defend / R. Odierno. 2012. URL: http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/ (retrieval date 20.12.16). Web.*
- Samito C.G. Becoming American under fire: Irish Americans, African Americans and the politics of citizenship during the Civil War Era / C.G. Samito. N.Y.: Cornell University Press, 2009. 320 P. Print.*
- Supertrap.com [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.supertrap.com/ST_Downloads_files/Army%20Slang.pdf (retrieval date: 15.11.13). Web.*
- Vetfriends.com [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.vetfriends.com/jokes/index.cfm?startNum=50 (retrieval date: 14.03.13). Web.*

УДК 81.23 81.119 003

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-99-114

О СОСТОЯНИИ ФОНОСЕМАНТИКИ В РОССИИ

Часть первая

Проблемы в области исследования лингвистического иконизма

Шляхова Светлана Сергеевна

зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29
shlyahova@mail.ru

Статья состоит из трех частей. В первой части статьи представлен обзор основных теоретических и информационно-организационных проблем в исследовании лингвистического иконизма в России. Установлены основные теоретические проблемы: критическое отношение к идее лингвистического иконизма в России и за рубежом; проблема разграничения звукоподражательности и звуко-символизма; терминологическая разнобой; труднодоступность фоносемантической литературы; лексикографические проблемы (отсутствие или незначительность специализированных словарей по различным языкам; недостаточная и несистемная фиксация и этимологическая разработанность иконизмов; нечеткая система помет; отсутствие критериев сопоставления в двуязычных словарях и пр.) и др. Выявлены организационно-информационные проблемы: отсутствие профессиональных сообществ; малотиражность и труднодоступность специальной литературы; недостаточные научные контакты российских и зарубежных исследователей и др. Обзор литературы показал, что сегодня возможно говорить не только о примарной мотивированности языкового знака, но и способности иконических знаков являться носителем информации о языковой протосемантике. Во второй части прослеживается история специализированных (фоносемантических) конференций и семинаров в российском научном дискурсе, представлен обзор фундаментальных исследований и программное обеспечение (технологии Hi-Hume). Третья часть посвящена обзору проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров.

Ключевые слова: психолингвистика; фоносемантика; лингвистический иконизм; звуко-символизм; ономапоэя; фонестема; цвето-графемная синестезия

1. Введение

История развития и становления фоносемантической мысли в России часто становилась предметом научной рефлексии в исследованиях российских ученых [Михалёв 1995; Шляхова 2003; Прокофьева 2007; Левицкий 2009]. Отдельные работы посвящены и современному положению отечественной фоносемантики [Михалёв 2009; Shlyakhova 2015].

Предлагаемый здесь обзор состояния фоносемантических исследований в России является попыткой обобщить и систематизировать накопленный опыт и существующие проблемы в этой области научного знания.

На сегодня отсутствует единое международное название этого направления исследований: *фоносемантика* (*phonosemantics*) (M. Magnus, R.W. Wescott, Ж. Колева-Златева, С.В. Воронин, российская традиция), *фоносемика* (R.W. Wescott), *лингвистический иконизм* (*linguistic iconicity*), *звуковой символизм* (*Sound Symbolism*) (американская традиция, А. Abelin), *мимологика* (*mitologique*) (французская традиция), *мимология* (тюркология), *экспрессивный символизм* и *фонетический символизм* (E. Sapir) и др.

Представленные термины не являются синонимичными, поскольку в объем этих понятий включается как область акустического и неакустического денотатов (*фоносемантика*, *phonosemantics*, *лингвистический иконизм*, *linguistic iconicity*), так и только неакустический денотат (*звуковой символизм*, *Sound Symbolism* и др.). Проблемы в области фоносемантической терминологии подробно представлены в [Колева-Златева 2008].

Однако терминологические проблемы являются лишь следствием других более серьезных научно-теоретических и организационно-информационных проблем в этой области лингвистического знания.

Основоположниками российской фоносемантики считаются С.В. Воронин, А.П. Журавлев и В.В. Левицкий, чьи активные фоносемантические исследования приходятся на 60-80-е годы XX столетия. С.В. Воронина и В.В. Левицкого сегодня нет с нами, научная деятельность и судьба А.П. Журавлева нам неизвестны. Ответ на вопрос, что происходит в российской фоносемантике после пионерских работ этих ученых, – задача настоящей публикации.

Цель первой статьи – определить теоретические, организационные и информационные проблемы в области исследования лингвистического иконизма в российской науке.

Во второй статье прослеживается история специализированных (фоносемантических) конференций и семинаров в российском научном дискурсе; представлен обзор фундаментальных исследований и программное обеспечение (технологии Hi-Nume). Третья статья посвящена обзору проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров.

2. Теоретические проблемы

Обзор научной литературы позволяет выявить многие теоретические проблемы в области исследования лингвистического иконизма. Главная проблема в этой научной сфере – неприятие многими лингвистами идеи мотивированности языкового знака и значения иконизма в происхождении, эволюции и современном функционировании языка.

Одно из последних фундаментальных исследований (788 страниц) проф. А.Т. Кривоносова посвящено «обоснованию природы языкового знака и, следовательно, природы языка. <...> Предлагаемое читателю исследование есть, во-первых, критический научный обзор, сопоставление, полемика, анализ синтез различных точек зрения по всем обсуждаемым здесь проблемам, во-вторых, низложение теорий языка, не отвечающих сегодняшнему уровню развития теоретического языкознания» [Кривоносов 2012]. А.Т. Кривоносов отрицает мотивированность (не-произвольность) языкового знака, однако список литературы показывает, что автор недостаточно знаком с фоносемантическими исследованиями (в частности, в списке отсутствуют работы С.В. Воронина, А.П. Журавлева, В.В. Левицкого).

Критическое отношение академической науки к идее лингвистического иконизма отмечается не только в России, но и за рубежом. На это указывает в одной из последних статей Промод Агрэвэл [Agrawal 2014] в журнале *International Journal of Linguistics* (Macrothink Institute, США). Американский профессор Маргарет Магнус рассказывала, что когда она в 1998 г. пыталась организовать *Linguistic Iconism Association*, то многие исследователи отказывались или предпочитали «тайное» членство в ассоциации по причине «псевдонаучности» проблемы. По словам проф. А.Б. Михалёва, когда в 2013 году он предложил свою статью по фоносемантике одному из западных научных журналов, то получил отказ по причине того, что отсутствуют специалисты-рецензенты в этой области научного знания. Многие научные руководители диссертаций, связанных с проблемами лингвистического иконизма, отмечают определенные трудности в защите этих диссертаций.

На наш взгляд, подобное положение дел является следствием тезиса Ф.де Соссюра о произвольности языкового знака. О мотивированности (непроизвольности) языкового знака говорится со времен античности, но большая часть научного сообщества до сих пор относится к этой идее не просто осторожно, а порой и весьма скептически.

Основной аргумент – тезис, который приписывается Фердинанду де Соссюру его учениками, издавшими «Курс общей лингвистики»: *«Принцип произвольности знака никем не оспаривается»* (выделено нами – С.Ш.); но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место. *Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы* (выделено нами – С.Ш.). Правда, не все они обнаруживаются с первого же взгляда с одинаковой очевидностью; их можно открыть только после многих усилий, но именно благодаря открытию этих последствий выясняется первостепенная важность названного принципа» [Соссюр 1977: 101]. Наверное, любая идея, доведенная до логического конца, почти всегда становится абсурдной.

Эмиль Бенвенист отмечает, что «существует противоречие между способом, каким Соссюр определяет языковой знак, и природой, которую он ему приписывает. Подобную немотивированность вывода в обычно столь строгих рассуждениях Соссюра нельзя, мне кажется, отнести за счет ослабления его критического внимания. Я скорее склонен видеть в этом отличительную черту исторического и релятивистского способа мышления конца XIX века, обычную дань той форме философского мышления, какой является сравнительное познание» [Бенвенист 1974].

Французский исследователь Клод Ажеж пишет, что «Соссюр вел свои исследования сразу в двух противоположных направлениях, уделяя внимание как социально обусловленной произвольности знака, так и ее нарушению. Ученый, теоретически обосновавший неразрывность связи между означающим и означаемым, последние годы жизни посвятил упорному исследованию звуковых соответствий в латинской и греческой поэзии <...> Соссюр считал эти неопубликованные исследования, именуемые ныне «Анаграммы», <...> как недостаточные, поскольку ему не удалось добиться того, что, по его мнению, могло бы служить полным доказательством. Однако в этом исследовании достаточно ясно установлена роль звуков как автономной составляющей поэзии <...> Таким

образом строится настоящий паратекст, совершенно независимый от ограничений, накладываемых линейностью, неизбежность которой в учении Соссюра была представлена для будущих поколений в качестве аксиомы!» [Ажеж 2003: 246-247].

Фоносемантика не отрицает языковую концепцию Соссюра, она идет дальше: «сторонники не-произвольности языкового знака отнюдь не отрицают существование произвольности. Речь в конечном итоге идет не об альтернативе «произвольность или не-произвольность», а о принципиальной постановке вопроса: «произвольность, доминирующая над непроизвольностью, или не-произвольность, доминирующая над произвольностью» [Прокофьева 2007: 15].

В.В. Левицкий пишет: «Существование звукового символизма противоречит постулату классической фонологии о произвольности языкового знака и требует поэтому теоретического осмысления и объяснения <...> в основе звукового символизма лежит, как правило (но не всегда), синестезия, обусловленная физическими свойствами (кинетика и акустика) звуков, однако эта обусловленность носит потенциальный, латентный характер <...>. Звуки языка обладают потенциальной символической многозначностью; одно и то же содержание может символизироваться различными формами. Это делает связь между звуком и смыслом в разных языках нежесткой, гибкой, варьирующейся в определенных пределах. Такой подход позволяет объяснить совместимость произвольности языкового знака и существования звукового символизма» [Левицкий 2009: 155].

«Аксиоматичность» тезиса Соссюра привела к периферийному и несистемному характеру исследований в этой области, малокомпетентным публикациям в научных журналах, ограниченному числу фундаментальных фоносемантических исследований. По нашим данным, за последние 20 лет (с 1995 года) в России было защищено не более 10 докторских диссертаций по проблемам фоносемантики. Но прогресс очевиден, поскольку за предыдущие 30 лет было защищено только 5 докторских.

Маятник «мотивированность (непроизвольность) / немотивированность (произвольность)» языкового знака в течении веков с завидным постоянством склонялся в сторону немотивированности. Гермоген из диалога Платона побеждал чаще, чем Кратил. Сегодня в роли Сократа выступает фоносемантика, чтобы рассудить вечный спор Гермогена и Кратила.

Методологической основой фоносемантики является *принцип генетической непроизвольности, мотивированности языкового знака*, убедительно обоснованной в рамках Петербургской фоносемантической школы: «Оглядываясь назад, мы в нашей лингвистической цивилизации видим, что унитарный принцип Ф. де Соссюра «языковой знак произволен» исчерпал себя как всеохватывающий основополагающий принцип. Мы видим, что на смену ему приходит новый – бинарный принцип: «языковой знак и не-произволен, и произволен» [Воронин 1999: 130].

О.И. Бродович (жена и пропагандист научно-наследия С.В. Воронина) пишет: «Сколько времени связи между звучанием и значением звукоизобразительного слова сохраняются живыми и осознаваемыми зависит от семантической и фонетической судьбы слова. Слово эволюционирует как семантически, так и фонетически. При этом если в ходе семантической эволюции слова происходит денатурализация,

то это значит, что привязанность значения слова к его форме начинает стеснять свободу его семантического развития, и слово, подобно вылупляющейся бабочке, сбрасывает пути кокона примарной мотивированности. Такова судьба более 3/4 словаря всех языков. В слове развиваются значения, не связанные с его звучанием» [Бродович 2002: 24].

Таким образом в современной синхронии за пределами доминирующих лингвистических парадигм остается огромная «потерянная», «утраченная территория», «заросший пустырь» – некогда очевидная, а сегодня лишь гипотетически моделируемая языковая сфера – сфера предполагаемых знаков, значений, единиц, обусловленных законами звукоизобразительности.

«Невыразимость» утраченного гипотетического звукоизобразительного пространства, невозможность его лингвистической верификации в рамках традиционных научных парадигм предполагает несколько путей его освоения: один путь – эмпирическое постижение звукоизобразительных явлений в максимально возможном количестве языков, другой – не смена, но корректировка традиционных для лингвистики методологических подходов. Тем и другим занимается фоносемантика.

Ключевыми моментами фоносемантических методологий, на наш взгляд, являются *поссибилизм*, понимаемый как возможное сознания, сценариев реальности, и *динамизм* как смещение акцента со структурно-статичного состояния на процессуальность изменения.

М. Эпштейн следующим образом дефинирует поссибилизм: «Возможное как фикция здесь-реального либо как функция ино-реального. <...> Возможное не есть сущее, не есть то, что есть или чего нет, оно – особый модус, который не может быть вообще переведен на язык реального или идеального существования. Поссибилизм – это философия возможного, которая свою предпосылку, «первоначало» находит в самой категории возможного и затем уже прилагает ее к понятиям «реальности», «идеи», «знака», «языка» и т.д.» [Эпштейн 2001].

Динамизм мотивированного знака отмечает Шарль Балли: «Произвольный знак довольствуется тем, что снабжает предметы ярлыками и представляет процессы как свершившиеся факты, тогда как мотивированный знак описывает предметы и представляет движение и действие в их развитии» [Балли 1955: 217].

Принципы поссибилизма и динамизма в эволюции языкового знака очевидны в позиции А.Б. Михалёва (позволим себе привести пространную цитату): «На генетически первичном, имитативном этапе филогенеза сами артикуляционно-акустические характеристики речевых звуков (т.е. признаки и действия речевых органов) предстают для субъектов номинации как артикуляционные миметические схемы, которые накладываются своими различными аспектами на образные схемы, относящиеся к внешнему миру. При нахождении соответствия между «внутренней» миметической и «внешней» образной схемами звук становится знаком. Процесс семиогенеза тесно связан с механизмами концептуализации и категоризации действительности, и первичные концептумы (генетические центры радиальных категорий) берут свое начало в звукоизобразительных значениях... <...> При этом звук (как правило, в начальной позиции порождаемых слов), сохраняет свою идентичность, приобретая статус доисторического классификатора. Звуковые

изменения, вроде палатализации, происходят значительно позже, когда основной лексический фонд уже создан, но это почти не изменяет сформированную семантическую систему» [Михалёв 2014: 92].

О соответствии между «внутренней» миметической и «внешней» образной схемами говорят и эксперименты психологов, которых также интересуют проблемы семантики звука, т.е. значения акустических событий вне их сигнификативной функции. Данные эмпирического исследования показывают, что восприятие звука сопровождается оценкой способности организма породить такой звук [Алмаев 2012].

Ролан Барт рассматривал миф как «похищенный язык». «Лингвистический миф» о немотивированности, произвольности языкового знака – есть «похищенный язык» в его когнитивной основе, первоизданности и первоизданности смыслов, прототипичности и архетипичности человеческой проторечи. По мнению А.Б. Михалёва, «рассуждать о доисторических категориях в протоязыковой модели мира кажется предприятием фантастическим и неблагодарным. И тем не менее, если руководствоваться принципом генетической звукоизобразительности языка, расценивать факты формального и семантического сходства слов как неслучайные, можно рискнуть (с учетом здравого смысла и логики) восстановить эту модель с большей или меньшей степенью вероятности» [Михалёв 2009а].

Тезис о немотивированности, произвольности языкового знака лишает язык его духовной, когнитивной, понятийной «колыбели», у языка нет «младенческих фотографий» образности его семантического синкретизма, которые позволяют сделать фоносемантика.

По мнению В.В. Левицкого, «движение от диффузности к дифференцированности в плане выражения проявляется в постепенной замене диффузного фонетического (символического) значения звуков расчлененным функциональным значением. Какими бы спорными ни представлялись выдвинутые нами гипотезы о первичных символических значениях и.-е. расширителей, их нельзя игнорировать полностью. Существование звукоимеизма сегодня уже не вызывает сомнения» [Левицкий 2009: 143].

По мнению А.Б. Михалёва, «теория фоносемантического поля открывает путь для систематизации всей лексики любого языка и, соответственно, его семантического пространства как одного из слоев языковой картины мира, в том числе протоконцептуального пространства языка» [Михалёв 2009а].

«Базисные концептумы образуются с помощью имитативных свойств речевых звуков, символизирующих признаки и действия проприо- и экстероцептивных сфер жизнедеятельности человека. В свою очередь, они порождают новые концепты, формируя, таким образом, всю концептуальную систему языка» [Михалёв 2014: 102].

Л.П. Прокофьева считает, что звуко-цветовая картина мира формируется посредством механизмов синестезии и синестемии и представляет собой универсальное образование, отражающее архетипические черты мифологического мышления на основе бессознательной способности человека ассоциировать звуки и цвета. Универсальная основа способности человека к полимодальному восприятию (в виде ассоциирования и метафор) базируется на национальном (подсознательном)

свойстве отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык [Прокофьева 2007].

Исследуя звуко-символическую семантику начальных согласных («дентальная», «лабиальная», «велярная» лексика) в древнеанглийском и и.-е. языках, Н.В. Дрожащих приходит к выводу о том, что «структурированное в виде моделей иконическое пространство языка в единстве материального и концептуального содержания представляет собой своего рода текст – «языковое предание, идущее из глубины веков» (Х.-Г. Гадамер), а лексикон в целом может быть рассмотрен как совокупность «текстов» словарных статей, организованных по алфавитному принципу. «Совокупная словарная статья» передает единое топологическое содержание – архаическую систему представлений о генезисе и последующем развитии мира, общества и человека, т.е. космо-, социо- и антропогенетический коды, параллельные информации о самоорганизации и саморазвитии языка» [Дрожащих 2006: 16].

В наших исследованиях, фоносемантические маргиналии (звукоподражания, первообразные междометия, звуковые жесты и пр.) рассматриваются как система (ФМ-система), которая понимается как базовая подсистема звукоизобразительной системы языка и как периферийная подсистема языка в целом. Зона ФМ-системы понимается как зона «перетекания» биосферы в семиосферу, преобразования несемиотического звука в семиотический. Феномен «фоносемантические маргиналии» понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации [Шляхова 2005].

Таким образом, исследования проблемы языкового знака в современной фоносемантике позволяют не только говорить о его примарной мотивированности, но и способности иконических знаков являться носителем информации о языковой протосемантике.

Еще одной теоретической проблемой фоносемантических исследований является проблема разграничения звукоподражательности и звуко-символизма.

В российской традиции принципиальной теоретической позицией является выделение акустического (звукоподражательность) и неакустического (звуко-символизм) денотатов [Воронин 1982], хотя в западных [Mikone 2001] и российских [Кривошеева 2014] эмпирических исследованиях эти виды лингвистического иконизма противопоставляются не всегда.

С одной стороны, это обусловлено недостаточным теоретическим обоснованием исследовательской позиции. Странники Петербургской фоносемантической школы (С.В. Воронин и его ученики и последователи) твердо придерживаются принципа строгого разделения акустического и неакустического денотатов, представленных в языке ономастическими и звуко-символическими словами, что, безусловно, плодотворно в исследовательских целях.

С другой стороны, эмпирические исследования [Михалёв 1995; Шляхова 2005; Колева-Златева 2008; Шестакова 2013; Атаджанян 2014 и др.] показывают, что жесткое разделение этих сфер не всегда возможно, особенно в тех случаях, когда речь идет о протосостоянии языка, характеризующегося синкретичностью протоязыковой семантики.

Оказывается, что различные фоносемантические кластеры (ономатопеи, звуко-символические слова, фонестемы, инициалы, финалы, фонотипы) формируют общее семантическое пространство.

В диссертации О.В. Шестаковой проводится сопоставление семантического пространства немецкой и русской ономатопеи со звуко-символической семантикой начальных согласных («дентальная», «лабиальная», «велярная» лексика) в древнеанглийском и и.-е. языках [Дрожащих 2006]; семантикой фонестем русского, французского, английского, арабского, немецкого, абазинского, чеченского, новогреческого языков [Михалёв 1995; Зимова 2005; Джукаева 2010]; семантикой редупликативов в славянских языках [Колева-Златева 2008]. Установлено, что семантические области звукоподражательных (на уровне семантических переходов) и звуко-символических полей совпадают на 89,5%; только 10,5% ономатопей не нашли семантического соответствия в области звуко-символизма [Шестакова 2013]. Схожая семантика вибранта и сонантов устанавливается в монгольских языках [Сундуева 2011] и в коми-пермяцких редупликативах [Шляхова 2013].

Таким образом, проблема разграничения звукоподражательности и звуко-символизма остается открытой и требующей дополнительных исследований.

Следующей теоретической проблемой современной фоносемантики является терминологический разнобой и труднодоступность фоносемантической литературы, что не позволяет соотнести идентичные исследования и полученные результаты. Исследователи, которые работают с «иконическим» материалом, не выходят на уровень лингвистического иконизма, оставаясь в рамках традиционных лингвистических парадигм. Так, на предложение участвовать в проекте по лингвистическому иконизму один из специалистов ответил, что он не занимается этими проблемами, а только междометиями и вокальными жестами. Другой считает, что редупликация не имеет отношения к лингвистической мотивированности, хотя именно редупликация является одним из самых надежных показателей языкового иконизма [Воронин 1982; Колева-Златева 2008; Шляхова 2013].

Очевидны в современной фоносемантике и лексикографические проблемы: отсутствие или незначительность специализированных словарей по различным языкам; недостаточная и несистемная фиксация и этимологическая разработанность иконизмов; нечеткая система помет; отсутствие критериев сопоставления в двуязычных словарях и пр.

Можно отметить также такую проблему, как крен в сторону исследования различного вида синестезий, в том числе их экспликация в языке (звуко-символизм), незначительность исследований по ономатопее, междометиям, вокальным жестам и др. в контексте лингвистического иконизма.

3. Информационно-организационные проблемы

В организационно-информационной сфере отмечаются следующие ключевые проблемы: отсутствие профессиональных сообществ и ресурсов обобщающего характера; малотиражность специальной литературы, ее труднодоступность для западных и российских ученых; «пиратское» распространение трудов российских ученых; недостаточные научные контакты российских и зарубежных исследователей проблем лингвистического иконизма между странами и внутри одной страны.

Российские и зарубежные ученые не знают работ друг друга; отмечаются

слабые (исключительно личные и единичные) научные контакты российских и зарубежных исследователей проблем лингвистического иконизма не только между странами, но и внутри одной страны. Так, исследователи двух университетов Санкт-Петербурга, зная работы друг друга, не знали, что живут в одном городе; болгарские ученые из одного университета не были знакомы с работами друг друга и т.п.

Следует отметить, что российские исследователи учитывают западный опыт (на что указывают ссылки в русскоязычных работах), в то же время их зарубежные коллеги не знают русскоязычных работ.

Так, на сайте немецкого исследователя синестезии Марка Жака Мехлера (Marc-Jacques Mächler) в разделе «Исследователи» не указано ни одного ученого из России [Mächler: электр. ресурс]. В относительно недавней статье П. Агрэвэла «Новые подходы к фоносемантике» о российских работах не упоминается вообще [Agrawal 2014].

Известные библиографические интернет-списки по проблемам лингвистического иконизма не включают славяноязычные работы, что говорит об изолированности славяноязычной фоносемантики от мирового научного контекста, а также слабой спозиционированности российских научных школ и отсутствию их продвижения, в том числе в интернет-пространстве.

В библиографических списках Шона Дея (Sean A. Day) по исследованию синестезии [Day 2005], Шелли Уайнкуп (Shelly Wynecoop) и Левина Голана (Levin Golan) из Carnegie Mellon University (Питсбург, США) по синестезии и фонестемии [Wynecoop 1996], Кими Акита (Kimi Akita) из Токийского университета по звукосимволизму [Akita 2010], Университетов Amsterdam (Нидерланды) и Zürich (Швейцария) по иконизму в лингвистике [Iconicity 2004] и Университета Graz (Австрия) по редупликации [Bibliography...] работы российских ученых не представлены.

Исключением в этом ряду является библиографический список М. Магнус [Magnus: электр. ресурс], куда включены и русскоязычные фоносемантические работы (Н.И. Жинкин, А.Г. Бандурашвили, А.И. Моисеев, С.В. Воронин, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, Б.М. Галеев, С.В. Климова, А.Б. Михалёв, С.С. Шляхова, Л.П. Прокофьева и др.). Причина этого исключения, как говорят, – русский муж Маргарет Магнус.

Очевидно, что славяноязычные работы практически недоступны западным исследователям.

Анализ научных интернет-ресурсов позволил выявить множество проблем интернет-присутствия фоносемантики в мировой сети.

В России отсутствуют ресурсы, представляющие исследования на уровне широкого списка отсылок к специализированным сайтам. Так, на российской площадке размещены, как минимум, три интернет-ресурса по синестезии: проект А. Сидорова-Дорсо (<http://www.synaesthesia.ru/research.html>), ресурс СНИИ «Прометей» (<http://synesthesia.prometheus.kai.ru/index.html>), сайт Л.П. Прокофьевой (<http://synaesthesia.narod.ru/>). Каждый проект представляет собственные направления и методологию исследований отдельного ученого или научной группы, не всегда давая ссылки друг на друга.

Интернет-проекты, существующие в России и за рубежом, представляют отдельные аспекты и направления исследований лингвистического иконизма, преимущественно исследования синестезии и звукоимоголизма.

Большинство интернет-ресурсов представляют собою информационные, а не исследовательские проекты. В некоторых из них существенной является коммерческая составляющая. Так, членом Американской Синестетической Ассоциации может стать любой человек, достигший 18 лет, заполнивший анкету и вносящий взнос минимум 50\$ ежегодно. За пожизненное членство надо заплатить 5000\$ (<http://www.synesthesia.info/membership.html>). Заметим, что организационно-члены ассоциации имеют налоговые льготы за распространение и популяризацию информации о синестезии.

Западные ученые на сегодня также не имеют объединенного интернет-ресурса даже внутри одной страны, а представляют собственные направления исследований или университетские центры. Наиболее консолидировано действуют исследовательские центры, изучающие синестезию. Недостаточно и несистемно представлены работы отечественных исследователей в российских и западных Социальных научных сетях.

Таким образом, необходимо объединение усилий российских ученых и их зарубежных коллег в одной виртуальной точке с разветвленной системой отсылок. С этой целью пермскими фоносемасиологами разработан портал «Лингвистический иконизм (ЛИК)», объединяющий более 50 ученых из 7 стран, который в ближайшее время появится в рунете.

4. Выводы

Обзор научной литературы позволили выявить основные теоретические проблемы в области исследования лингвистического иконизма: критическое отношение академической науки к идее лингвистического иконизма и его значения в происхождении, эволюции и современном функционировании языка в России и за рубежом; проблема разграничения звукоподражательности и звукоимоголизма, которая остается открытой и требует дополнительных исследований; терминологический разнобой и труднодоступность фоносемантической литературы, что не позволяют соотнести идентичные исследования и полученные результаты; лексикографические проблемы (отсутствие или незначительность специализированных словарей по различным языкам; недостаточная и несистемная фиксация и этимологическая разработанность иконизмов; нечеткая система помет; отсутствие критериев сопоставления в двуязычных словарях и пр.); крен в сторону исследования различного вида синестезий, в том числе их экспликация в языке (звукоимоголизм); незначительность исследований по ономастике, междометиям, вокальным жестам и др. в контексте лингвистического иконизма.

Вместе с тем современные фоносемантические исследования позволяют говорить не только о примарной мотивированности языкового знака, но и способности иконических знаков являться носителем информации о языковой протосемантике.

Среди организационно-информационных проблем выделим следующие: отсутствие профессиональных сообществ и ресурсов обобщающего характера; малотиражность специальной литературы, ее труднодоступность для западных

и российских ученых; «пиратское» распространение трудов российских ученых; недостаточные научные контакты российских и зарубежных исследователей проблем лингвистического иконизма между странами и внутри одной страны.

Литература

Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. М.; Пенза: Институт психологии, Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. 216 с.

Алмаев Н.А. Семантика звука // Вопросы психолингвистики. 2012. №16. С. 76-83.

Атаджанян С.А. Первоисточники цветоименований. Фоносемантика и этимология (на материале русского и испанского языков): дисс... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014. 214 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

Бенвенист Э. Природа языкового знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 90-96. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74e.htm> (дата обращения: 25.12.2015).

Бродович О.И. Звукоизобразительная лексика и звуковые законы // Англистика в XXI веке: материалы конференции. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 23-25.

Воронин С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11 декабря 1999 г.). М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. С. 128-130.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 244 с.

Джукаева М.А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010. 26 с.

Дрожжих Н.В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32с.

Зимова М.Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 17 с.

Колева-Златева Ж. С. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Дебрецен, 2008. 355 с.

Кривоносов А. Т. Философия языка. М.-N-York: Издательский центр «Азбуковник», 2012. 788 с.

Кривошеева Е.И. Проявление иконизма в звукоподражаниях (на материале японского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2014. 165 с.

Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. 264 с.

Михалёв А.Б. От фоносемантического поля к протоконцептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (038). С. 91-104.

Михалёв А.Б. Современное состояние фоносемантики // Новые идеи в лингвистике XXI века. Материалы 1 Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А.Хомякова. Ч.1. Пятигорск, 2009. С.52-59. [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=284&preview=true (дата обращения: 25.12.2015).

Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=134 (дата обращения: 25.12.2015).

Михалёв А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (Березинские чтения). Вып.15. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009а. С.133-140. [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=263 (дата обращения: 25.12.2015).

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Сундуева Е.В. Вербализация чувственного восприятия средствами корневых согласных [rlm] в монгольских языках: дисс... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 363 с.

Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономастике: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГНИУ, 2013. 228 с.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2005. 350 с.

Шляхова С.С. Иконичность редупликации в коми-пермяцком языке // Финно-угроведение. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2013. №1. С. 24-44.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2003. 216 с.

Эпштейн М.Н. Философия возможного. М.: Алетейя. 2001. 262 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ereadr.org/book/gumanitarnye_nauki/132332-filosofiya-vozmozhnogo (дата обращения: 25.12.2015).

Agrawal, P.K. (2014) A New Approach to Phonosemantics // International Journal of Linguistics. Vol. 6, No.1, 107-131. [Электронный ресурс]. URL: <http://macrothink.org/journal/index.php/ijl/issue/view/266> (дата обращения: 25.12.2015).

Akita, K. A (2010) Bibliography of Sound-Symbolic Phenomena Outside Japanese. Bibliography B. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.12.2015).

Bibliography of reduplication. Institute of Linguistics, University of Graz. [Электронный ресурс]. URL: <http://reduplication.uni-graz.at/> (дата обращения: 25.12.2015).

Day, Sean A. Synesthesia bibliography (2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daysyn.com/Bibliography.html> (дата обращения: 25.12.2015).

Iconicity in language: Bibliography (2004) [Электронный ресурс]. URL: http://es-dev.uzh.ch/en/iconicity/index.php?subaction=showfull&id=1197027659&archive=&start_from=&ucat=2& (дата обращения: 15.02.2016).

Mächler, Marc-Jacques's. Synaesthesia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synaesthesia.com/de/wissenschaft/scientists/> (дата обращения: 25.12.2015).

Magnus, M. Bibliography [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/> (дата обращения: 25.12.2015).

Mikone, E. (2001) Ideophones in the Balto-Finnic languages // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamin's Press, 2001, 223–234.

Proceedings of the special meeting of the enlarged section phonosemantics in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary. Anglistics of the XXI century. St. Petersburg: University of St. Petersburg, 2016. 34 p.

Shlyakhova, S (2015). Linguistic iconism in academic and online discourse . // Russia Review. No.1, 30-42. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusreview.com/journal/vol-1-2015/27-linguistic-iconism-in-academic-and-online-discourse.html> (дата обращения: 25.12.2015).

Wynecoop, Sh., Golan, L. (1996). A bibliography of synesthesia and phonesthesia research. [Электронный ресурс]. URL: http://www.flong.com/texts/lists/list_synesthesia_bibliography/ (дата обращения: 25.12.2015).

ON PHONOSEMANTICS IN RUSSIA

Part One - Problems of Linguistic Iconicity Research

Svetlana S. Shlyakhova

Head of Department of Foreign Languages and PR
Perm National Research Polytechnic University
614000, Perm, Komsomol prospect, 29
shlyakhova@mail.ru

The article consists of three parts. The first part is devoted to the analysis of major problems and scientific trends on linguistic iconicity research in Russia. The literature review allows for identifying the following key problems in the sphere of linguistic iconicity research: criticism of linguistic sign iconic motivation in Russia and abroad; a limited number of fundamental phono-semantic studies. There are organizational and information problems detected, i.e. absence of professional communities, scarce special literature and its inaccessibility for Western and Russian scientists, insufficient scientific contacts between Russian and foreign researchers. The second part of article discusses the development of the Russian phono-semantic in the framework of conferences and symposia and provides an overview of existing programs for phono-semantic text analysis of the text (technology Hi-Hume). The third part e is devoted to the review of the phono-semantic perspective studies conducted by the Russian scientific schools and centers.

Keywords: psycholinguistics; phonosemantics; linguistic iconicity; sound symbolism; onomatopoeia; phonaestheme; grapheme-color synaesthesia

References

Azhezh, K. (2003) Chelovek govorjashhij. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki. [A Speaking Man. Linguistics Contribution to the Humanities] Moscow: Editorial URSS Publ. 304 P. Print. (In Russian)

Aktual'nye problemy psihologii, jetnopsiholingvistiki i fonosemantiki: materialy vseros. konf. (1999) [Issues of Psychology, Ethnopsycholinguistics and Phonosemantic] Moscow, Penza: Institute of Psychology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Belinsky Penza State Pedagogical Institute. 216 P. Print. (In Russian) Almaev, N.A. (2016) Semantika zvuka [The semantics of sound]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 16, 76-83. Print. (In Russian)

Atadzhanjan, S.A. (2014) Pervoistochniki cvetonaimenovanij. Fonosemantika i jetimologija (na materiale russkogo i ispanskogo jazykov) [Original Color Names. Phonosemantics and Etymology (the Russian and Spanish languages)]. PhD Dissertation. Pjatigorsk. 214 P. Print. (In Russian)

Balli, Sh. (1955) Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and French language issues] Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 P. Print. (In Russian)

Benvenist Je. (1974) Priroda jazykovogo znaka [Nature of the Linguistic Sign]. In: Benvenist Je. Obshhaja lingvistika [General Linguistics], 90-96. Moscow. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74e.htm> (retrieval date 25.12.2015). Web. (In Russian)

Brodovich, O.I. (2002) Zvukoizobrazitel'naja leksika i zvukovye zakony [Sound Descriptive Vocabulary and Sound Laws]. *Anglistika v XXI veke: materialy konferencii* [English Studies in the 21st Century: Conference Letters], 23-25. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ. Print. (In Russian)

Voronin, S.V. (1999) Znak ne-proizvolen i proizvolen: novyj princip na smenu principu Sossjura [Sign Non-Arbitrary and Arbitrary: a New Principle to Replace the Principle of Saussure]. *Aktual'nye problemy psihologii, jetnopsiholingvistiki i fonosemantiki: materialy vseros. konf.* [Actual Problems of Psychology, Ethnopsycholinguistics and Phonosemantics], 128-130. Moscow; Penza: Institute of Psychology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Belinsky Penza State Pedagogical Institute. Print. (In Russian)

Voronin, S.V. (1982) Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of Phonosemantic]. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 244 P. Print. (In Russian)

Dzhukaeva, M.A. (2010) Mezhhazykovye fonosemanticheskie svojstva spirantov (na materiale chechenskogo, russkogo i nemeckogo jazykov) [Interlanguage Phonosemantic Properties of Spirants (the Chechen, Russian and German languages)]. PhD Diss. Pjatigorsk. 26 P. Print. (In Russian)

Drozhashih, N.V. (2006) Sinergeticheskaja model' ikonicheskogo prostranstva jazyka [Synergetic Model of the Iconic Space of Language]. PhD Diss. Barnaul. 32 P. Print. (In Russian)

Zimova, M.D. (2005) Zvukoizobrazitel'nye tendencii nachal'nyh soglasnyh v

nemeckom i novogrecheskom jazykah [Sound Descriptive Trends of Initial Consonants in German and Modern Greek]. PhD Diss. Pjatigorsk: PGLU Publ. 17 P. Print. (In Russian)

Koleva-Zlateva, Zh. S. (2008) Slavjanskaja leksika zvukosimvolicheskogo proishozhdenija [Slavic Vocabulary of Sound Symbolic Origin]. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Debrecen. 355 P. Print.

Krivosheeva, E.I. (2012) Filosofija jazyka [Philosophy of Language]. Moscow-N-York: Azbukovnik Publ. 788 P. Print (In Russian)

Krivosheeva, E.I. (2014) Projavlenie ikonizma v zvukopodrazhanijah (na materiale japonskogo i russkogo jazykov) [The Manifestation of Iconism in Onomatopoeia (the Japanese and Russian languages)] PhD Diss. Bijsk. 165 P. Print. (In Russian)

Levitsky, V.V. (2009) Zvukovoj simbolizm. Mify i real'nost' [Sound Symbolism. Myths and Reality]. Chernivtsi: Chernivtsi National University Publ. 264 P. Print. (In Russian)

Mikhalev, A.B. (2014) Ot fonosemanticheskogo polja k protokontseptual'nomu prostranstvu jazyka [From Phonosemantic Field to Protoconceptual Space of Language]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive Linguistics]1 (038), 91-104. Print. (In Russian)

Mikhalev, A.B. (2009) Sovremennoe sostojanie fonosemantiki [The Modern State of Phonosemantics]. *Novye idei v lingvistike XXI veka. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora V.A.Homjakova* [New Ideas in Linguistics of the 21st century. Materials of the 1st International Scientific Conference in commemoration of Professor V. A. Khomyakov], 52-59. Part 1. Pyatigorsk URL: http://amikhalev.ru/?page_id=284&preview=true (retrieval date 25.12.2015). Web. (In Russian).

Mikhalev, A.B. (1995) Teorija fonosemanticheskogo polja [The Theory of Phonosemantic Field]. Pyatigorsk. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=134 (retrieval date 25.12.2015). Web. (In Russian).

Mikhalev, A. B. (2009a) Fonosemantika i jazykovaja kartina mira [Phonosemantic and Language Picture of the World] // *Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa: kognitivnyj i psiholingvisticheskiy aspekty*. Materialy Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Berezinskie chtenija). [Linguistic Human Existence and Ethnicity: Cognitive and Psycholinguistic Aspects. Proceedings of the International School Seminar (Berezinsky readings)], 133-140. Vol.15. Moscow: INION Russian Academy of Sciences, Moscow State Linguistic University Publ. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=263 (retrieval date 25.12.2015). Web. (In Russian).

Prokofyeva, L. P. (2007) Zvuko-cvetovaja asociativnost': universal'noe, nacional'noe, individual'noe [Sound-Colour Associativity: Universal, National, Individual]. Saratov. 280 P. Print. (In Russian)

Saussure, F. de. (1977) Trudy po jazykoznaniju [Works on Linguistics]. Moscow: Progress Publ. 695 P. Print. (In Russian)

Sundueva, E.V. (2011) Verbalizacija chuvstvennogo vosprijatija sredstvami kornevyh soglasnyh [rlm] v mongol'skih jazykah [Verbalization of Sensory Perception by Means of Root Consonants [rlm] in Mongolian Languages]. PhD Diss. Ulan-Ude. 363 P. Print. (In Russian)

Shestakova, O. V. (2013) Universal'noe i specificheskoe v onomatopee [Universal and the Specific in Onomatopoeia]. PhD Diss. Perm: Perm State National Research University. 228 P. Print. (In Russian)

Shlyakhova, S.S. (2005) «Drugoj» jazyk: opyt marginal'noj lingvistiki [The «Other» Language: on Marginalized Linguistics]. Perm: Perm State Technical University Publ. 350 P. Print. (In Russian)

Shlyakhova, S.S. (2013) Ikonichnost' reduplikacii v komi-permjackom jazyke [Iconicity of Reduplication in the Komi-Permyak Language]. *Finno-ugrovedenie* [Finn-Ugor Studies] 1, 22-24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language and Literature Publ. Print. (In Russian)

Shlyakhova, S.S. (2003) Ten' smysla v zvuke: Vvedenie v russkuju fonosemantiku [Shadow of the Meaning in the Sound: an Introduction to Russian Phonosemantics]. Perm: Perm state pedagogical University Publ. 216 p. Print. (In Russian)

Epstein, M. N. (2001) *Filosofija vozmoznogo* [The Philosophy of the Possible]. Moscow: Aletheia Publ. 262 P. URL: http://ereadr.org/book/gumanitarnye_nauki/132332-filosofiya-vozmoznogo (retrieval date 25.12.2015). Web. (In Russian)

Agrawal, P.K. (2014) A New Approach to Phonosemantics // *International Journal of Linguistics* 6 (1): 107-131. URL: <http://macrothink.org/journal/index.php/ijl/issue/view/266> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Akita, K. A (2010) *Bibliography of Sound-Symbolic Phenomena Outside Japanese*. Bibliography B. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Bibliography of reduplication. Institute of Linguistics, University of Graz. URL: <http://reduplication.uni-graz.at/> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Day, Sean A. *Synesthesia bibliography* (2005) URL: <http://www.daysyn.com/Bibliography.html> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Iconicity in language: Bibliography (2004). URL: http://es-dev.uzh.ch/en/iconicity/index.php?subaction=showfull&id=1197027659&archive=&start_from=&ucat=2& (retrieval date 15.02.2016). Web.

Mächler, Marc-Jacques's. *Synaesthesia*. URL: <http://www.synaesthesia.com/de/wissenschaft/scientists/> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Magnus, M. *Bibliography*. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Mikone, E. (2001) *Ideophones in the Balto-Finnic languages // Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological studies in language* 44:223-234. Amsterdam: John Benjamin's Press. Printed.

Proceedings of the special meeting of the enlarged section phonosemantics in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary. *Anglistics of the XXI century*. St. Petersburg: University of St. Petersburg, 2016. 34 p. (Printed)

Shlyakhova, S (2015). *Linguistic iconism in academic and online discourse // Russia Review*. No.1, 30-42. URL: <http://rusreview.com/journal/vol-1-2015/27-linguistic-iconism-in-academic-and-online-discourse.html> (retrieval date 25.12.2015). Web.

Wynecoop, Sh., Golan, L. (1996). *A bibliography of synesthesia and phonesthesia research*. URL: http://www.flong.com/texts/lists/list_synesthesia_bibliography/ (retrieval date 25.12.2015). Web.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В МЕХАНИЗМЕ ПОРОЖДЕНИЯ НАРРАТИВА ДЕТЬМИ

Юрьева Надежда Михайловна

ведущий научный сотрудник
отдела экспериментальных исследований речи
Института языкознания РАН
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1
o.yuriev@list.ru

Статья продолжает предпринятый ранее анализ зарубежных исследований, проводимых в русле интерактивного подхода, в области становления устного нарратива в онтогенезе речи. В статье приводятся некоторые из результатов, указывающие на особенности формирования конверсационного нарратива в речевой деятельности детей и в целом раскрывающие некоторые особенности становления нарративной компетенции в речевом онтогенезе. С позиций интерактивного подхода, конверсационный нарратив предстает как продукт, тесно связанный с речевой интеракцией и диалогом, возникающим непосредственно в ситуации рассказывания, между ребенком, который рассказывает историю, и слушающим его взрослым, который реагирует на высказывания ребенка, внося своеобразный вклад в создание нарратива. Возникающий в интеракции конверсационный нарратив является результатом совместных усилий участников речевой интеракции. В статье приводится несколько диалогов ребенка и взрослого из материалов, собранных автором для изучения интерактивных механизмов, вовлеченных в наррацию.

На основе предпринятого анализа автор делает вывод, что конверсационный нарратив, являясь в своих дискурсивных проявлениях феноменом интерактивного дискурса, возникающего в ситуациях обычной ежедневной жизни, отражает своеобразный и необходимый этап в генезисе устного нарратива в речи детей.

Ключевые слова: секвенционная модель нарративной интеракции, нарративная компетенция, цель нарративного развития, ранее обретенное знание о событии, когнитивный генеративный план нарратива

Введение.

Как известно, многие научные области имеют дело с нарративами, включая психологию, философию, лингвистику, этнографию, историю, литературу, социологию. В области речевого онтогенеза выявлена дополнительная особенность: рассказывание историй (storytelling) предстает одним из первых дискурсивных умений, которым человек начинает овладевать с раннего детства, постепенно совершенствуя это умение в юности и в зрелом возрасте [Седов 2004; Сигал, Бакалова, Пушина, Юрьева 2013].

В данной статье затрагивается один из аспектов этой проблемы: интерактивный компонент в механизме порождения детского нарратива, ранее расценивавшийся как нежелательная переменная, вмешивающаяся в нарративный

процесс. Мы уже отмечали, что «сам факт наличия в речевой деятельности детей нарративов, построенных совместно ребенком и взрослым, позволяет говорить об интерактивной составляющей в генезисе нарратива в речевой деятельности детей» и поставить ряд интересных вопросов относительно генезиса устного нарратива в детской речи и самого процесса порождения нарратива детьми [Юрьева 2015: 288-301].

В области изучения дискурса и его разнообразных явлений метод анализа эмпирических материалов является одной из существенных проблем в исследовательской работе. Ранее нами рассмотрены методологические основания интерактивного подхода, принципы анализа и дескриптивные инструменты, используемые в ряде исследований [Quasthoff 1997: 51-83; Hausendorf, Quasthoff 1992a: 293-306; Hausendorf, Quasthoff 1992b: 241-260; Юрьева 2017: 178-181]. Цель этой статьи состоит в том, чтобы выделить наиболее значимые результаты зарубежных работ в этой области, необходимые для анализа и осмысления наших экспериментальных материалов по устному нарративу детей дошкольного возраста.

Методологические основания интерактивного подхода и принципы анализа. Нами уже отмечалось, что в методологической основе интерактивный подход связан с этнометодологией и конверсационным анализом [Юрьева 2017: 178-181]. Однако, пытаясь интегрировать когнитивный и лингвистический аспекты в дескриптивные конверсационные рамки, исследователи покидают территорию строгого конверсационного анализа и обращаются к более широкой области – к становлению и формированию нарративной компетенции и ее связи с интеракцией и когницией. По словам М. Бамберга, люди обладают нарративной компетенцией, в частности, взрослые показывают подобную компетенцию, когда они совместно с детьми участвуют в рассказывании, например, используя речевые формы, которые ориентируют ребенка к рассказу о том или ином событии и тем самым развивают его нарративную компетенцию [Bamberg 1997: 45]. М. Бамберг подчеркивает, что при таком подходе наррация является центральной сущностью, осуществляемой двумя участниками, поэтому оба участника являются равно важными для самого процесса наррации. По его мнению, это становится особенно важно для объяснения того, как первоначально некомпетентный (или, по крайней мере, менее компетентный) ребенок становится более компетентным благодаря содействию и соучастию более компетентного взрослого. Он пишет, что «индивидуальная личность в этом подходе предстает на фоне интерактивной ситуации, где личность становится интегративной частью». По словам М. Бамберга, интерактивная ситуация в ранней речевой интеракции «ребенок – взрослый» характеризуется как «несбалансированная (учитывая две различные коммуникативные компетенции), в ходе развития эта несбалансированность постепенно выравнивается». В интерактивной ситуации «оба участника действуют в форме подсистем, внося дифференцированный вклад в создание осмысленного нарративного целого» [Ibid.: 46-47].

Методологическая концепция, наиболее повлиявшая на теоретическую ориентацию, принципы и процедуры анализа, которые используются исследователями, – этнометодология и конверсационный анализ (далее – КА), которые не принадлежат к традиционной методологии в отечественной теории онтогенеза речи.

Этнометодология – важная парадигма в социальных науках, имеющая в качестве объекта организацию ежедневной жизни членами социальной общности. Прототипичная форма этой организации основана на строго упорядоченных рутинных действиях «face – to – face» и речевой интеракции ее участников [Макаров 2003: 88-99; Улановский 2016: 218-237]. Упорядоченная природа такой каждодневной деятельности недоступна для ее участников и не лежит перед ними в виде очевидной данности. Тем не менее участники, продуцируя эту упорядоченность в виде некоторого результата их взаимодействия, сами (естественно) не могут описать, как они это взаимодействие осуществляют. По словам Ю. Кастхофф, «ежедневная социальная реальность видится как текущая, трудноуловимая в своих особенностях, саморефлективная интерактивная деятельность» [Quasthoff 1997: 53]. В свою очередь, задача научного анализа состоит в реконструкции регулярностей речевого взаимодействия, посредством которых участники конверсационной интеракции выполняют возникающие задачи. В контрасте с некоторыми дискурс-аналитическими концепциями в КА «социальная реальность» представляется исследователями как интеракция не сама по себе, а в контексте речевого взаимодействия участников. По словам М.Л. Макарова, «в фокусе внимания находится межличностная интеракция с использованием языка» [Макаров 2003: 92].

Процедуры анализа направлены на выявление регулярностей, которые в соответствии с их незаметным качеством не ожидаемы и не определяются в ходе прямого наблюдения, но обнаруживаются в ходе анализа. «Так как в интеракцию вовлечены по меньшей мере два участника, которые “оркестрируют” соответствующие ходы, чтобы выразить одну и ту же реальность, конверсационные структуры, подвергающиеся анализу, рассматриваются как совместно выполненные участниками интеракции» [Юрьева 2017: 178].

По мнению Ю. Кастхофф, чтобы увидеть прогресс в нарративном развитии ребенка, исследователь заинтересован «в индивидуальных успехах использования языка» в ходе рассказывания ребенком некоторой истории, например, в ситуациях конверсационного нарратива. По этой причине интерактивный компонент, возникающий в диалогах ребенка и взрослого и «вмешивающийся» в повествование ребенка, часто расценивался как нежелательный, который лучше элиминировать [Quasthoff 1997: 54]. В свою очередь, как мы отмечали ранее, «для интерактивного подхода понятие индивидуальной языковой личности не является центральным» [Юрьева 2017: 178]. Можно сказать, что этот подход в большей мере опирается на понятие интеракции, «где каждая личность становится неотъемлемой и включенной частью созидательного интерактивного целого – продукта “овнешненных” действий участников разговора» [Улановский 2016: 222]. По мнению Ю. Кастхофф, такое базовое качество нарративных интерактивных структур, как «совместно созданные целостности» требует принципов анализа организации ежедневной интеракции, которые используются в КА [Quasthoff 1997: 55; см. Юрьева 2017: 179]. По мысли Ю. Кастхофф, «история, рассказанная в разговоре, является как паттерном нарративной интеракции, так и речевой реализацией когнитивной репрезентации события со стороны рассказчика. <...> ранее приобретенное знание не может быть выведено из его вербальной презентации» [Quasthoff 1997: 56].

Далее она продолжает: «Путь, через который знание накоплено, скрыт за языковой поверхностью, сопровождающей интерактивные потребности» [Ibid.: 57].

Рассматривая нарративный материал в диалогах «ребенок – взрослый», можно заметить, что многие задачи в типичной ситуации повествования, относящиеся к ребенку-нарратору, выполняются взрослым. Хотя именно ребенок рассказывает историю. Поэтому необходимо найти дескриптивный формат, который позволит выделить и даже изолировать вклад ребенка в нарративную интеракцию с учетом интерактивной работы обоих участников. В работах Ю. Кастхофф и Н. Хаузендорф предлагается решить эту проблему через секвенционную, или последовательную, модель нарративной интеракции (*sequential model of narrative interaction*), основная идея которой заключается в трехуровневом анализе речевого материала: задачи, средства и формы (*jobs, devices, forms*) [Hausendorf, Quasthoff 1992a: 293-306; Quasthoff 1997: 57]. Этот анализ указывает на специфические дискурсивные манифестации осуществления совместной наррации и ее общую «архитектуру» [Quasthoff 1997: 61; Юрьева 2017: 179].

Уровень задач распространяется на выполняемые совместно двумя участниками глобальные или общие задачи структурной организации нарратива. Это означает, что в диалогической ткани конверсационного нарратива, «сотканной» из диалогических конструктивных единиц – реплик участников [Гренобль 2008: 25-36], должна быть представлена соответствующая референциальная основа нарратива и иницирована тема, а также приведены его ключевые элементы: ориентировка, осложнение, завершение истории, переход и возврат к разговору [Quasthoff 1997: 63]. На этом уровне не различаются действия нарратора – слушателя или ребенка – взрослого. Напротив, описываются задачи, которые должны быть реализованы тем или иным образом. Если история рассказана, то задача выполнена, и неважно, как и кем. По словам Ю. Кастхофф, «задачи – глобальны по природе и секвенционно упорядочены» [Ibid.]. *Уровень средств* относится отдельно к нарратору и к слушателю. Они разделены на локальные ходы (*local moves*), которые реализуют глобальные задачи и текстовые семантические элементы, служащие глобальной семантической связности. *Уровень форм* относится к поверхностной языковой реализации семантико-прагматических средств.

Мы отмечали, что «значимость предложенного дескриптивного формата состоит в том, что он позволяет выделить вклад (со временем увеличивающийся) ребенка во взаимное осуществление нарративного процесса и реализацию общих задач без разрушения речевого взаимодействия участников» [Юрьева 2017: 179]. Каждое высказывание (и ребенка, и взрослого) вносит вклад в конверсационный нарратив двойным путем: с одной стороны – во взаимную секвенционно упорядоченную организацию диалогической интеракции, а с другой стороны – в совместное построение содержательной связности в нарративном дискурсе.

О взаимосвязи когнитивного и интерактивного аспектов в порождающих нарративных процессах. Обратившись к генезису нарратива в речи детей, исследователи, работающие на основе интерактивного подхода, покидают территорию строгого конверсационального анализа и направляют свои исследовательские интересы к более широкой области – к особенностям формирования нарративной компетенции, ее связи с интеракцией и когницией. Это указывает на

то, что авторы делают попытку интегрировать когнитивный и лингвистический аспекты в дескриптивные разговорные рамки. Первоначально складывалось мнение, что когнитивный аспект нарратива не столь важен для интерактивного подхода: в фокусе находится описание разговорного материала в строго эмпирическом виде. Вместе с тем в связи с выявленными фактами и спецификой организации разговорного взаимодействия его участников возникает вопрос о том, как связаны секвенционная модель нарративной интеракции и когнитивный генеративный план нарратива [Quasthoff 1997: 64-65]. Отметим, что уровень задач в предлагаемой модели, на наш взгляд, не может не включать когнитивный аспект формирования истории.

Некоторые фрагменты экспериментального дискурсивного материала позволяют обратиться к реконструкции взаимосвязи интерактивной составляющей разговорного нарратива и когнитивных процессов.

Укажем, что в качестве основы для нарратива вместо традиционных фильма или серии картин в экспериментах немецких ученых использовалось *инсценированное происшествие*, воспроизводящее реальное жизненное происшествие, свидетелем которого являлся ребенок: *один из экспериментаторов споткнулся о веревку и уронил магнитофон, что привело к явным сложностям*. В эксперименте участвовали дети, говорящие на немецком языке, в возрасте 5, 7, 10 и 14 лет. Каждый ребенок рассказывал о событии в течение трех последовательных дней, каждый раз в интеракции с новым взрослым слушателем.

Интерактивная составляющая когнитивных процессов. Материалы исследования Ю. Кастхофф (и ее коллег) свидетельствуют о том, что некоторые дети не оценивали произошедшее событие как необычное и запоминающееся, т.е. не придавали событию такого большого значения, чтобы о нем рассказать взрослому [Labov, Waletzky 1967]. Ю. Кастхофф отмечает, что событие запечатлено в их памяти не как «когнитивная история», а только как некоторое «декларативное знание» о некоторых обстоятельствах прошедшего дня. Для примера Ю. Кастхофф приводит следующий фрагмент. Десятилетней девочке экспериментатор задал несколько вопросов по интересующему случаю: *Что ты делала сейчас в другой комнате? Чем занимались взрослые из университета? Ничего больше не произошло?* Девочка рассказала следующее: *Мы играли. Они снимали камерой*. Но она не упомянула об инциденте (произошедшем с магнитофоном). Далее взрослый говорит: *Жанетт была здесь минуту назад. Она рассказала о том, что здесь был такой ужасный удар и шум. Что на самом деле произошло?* [Quasthoff 1997: 68].

Со стороны взрослого это типичный и относительно прямой способ топикализации, который указывает на важное происшествие, т.е. относит к тому, что исследователи называют «событийная наполненность» (eventfulness) [Quasthoff 1997], подразумевая, что в ситуации был какой-то перцептивно выпуклый инцидент, представляющий собой дискретный фрагмент внутри нормального течения события. Эта событийная наполненность выражается в речи взрослого через такие лексические средства, как *ужасный удар*, *внезапный шум* или *произошел, случился*. Подчеркнем, что в этом примере именно взрослый указал на важность упоминания о происшествии и тем самым привнес в диалог событийную наполненность.

Можно отметить, что во многих фрагментах диалога референция и обращение взрослого к чему-то заметному и очевидному еще не активирует в памяти «когнитивную историю» события. Только после того, когда взрослый далее описывает событие через темпоральные параметры (например, *это было как раз в самом начале; потом что произошло?*), ребенок связывает утверждения взрослого с ранее приобретенным знанием о произошедшем событии.

На основе анализа дискурсивных материалов, полученных от испытуемых (в возрасте от 5 до 14 лет), Ю. Кастхофф приходит к следующим, заслуживающим внимания выводам, указывающим на взаимоотношения между когнитивной и интеракцией в разговорном нарративе.

Взрослый участник разговорного нарратива в диалоге с ребенком делает наблюдаемым ранее произошедшее событие, активируя у ребенка в данный момент диалога некоторую когнитивную репрезентацию произошедшего события. Если такая репрезентация недоступна для ребенка, то ее доступность может быть совместно достигнута через интерактивные средства, т.е. с помощью диалога, который инициируется взрослым. Наблюдаемая речевая интеракция взрослого и ребенка активирует некоторые фрагменты знания ребенка о событии, свидетелем которого он являлся. Таким образом, «ранее обретенное знание о каком-то событии реструктурируется в мышлении и воссоздается «под давлением интерактивного требования» в диалоге в результате указания взрослого на значимость произошедшего события и на важность сообщения о нем для другого участника коммуникативной ситуации» [Quasthoff 1997: 70; Юрьева 2017: 180].

Далее приводятся несколько примеров, собранных нами в ходе наблюдения за диалогами ребенка (девочка 4,5 лет) и взрослого (бабушка), которые служат иллюстрацией к приведенным выводам.

1) *Ситуация диалога*: бабушка (1 вз.), девочка (Р.) 4-х лет и их знакомая взрослая участница диалога встретились во время прогулки.

1 вз. – Вчера Маша была в бассейне. Расскажи, что там произошло? Р. – Мы плавали. Только с Олей.

1 вз. – С кем вы плавали? Р. – С Олей и с мячом. 1 вз. – Хорошо, с Олей. А раньше-то с кем вы занимались? Скажи, где она? Р. – Да, а раньше была Юля, вчера ее не было.

1 вз. – Почему? А что случилось с Юлей, расскажи? Р. – Ну, она долго не будет, с нами будет Оля, она нам дает мячи.

1 вз. – А Юля, где она? Что с ней случилось? Р. – Она уехала в больницу.

1 вз. – Маша, ваша Юля в роддом уехала за маленькой лялечкой. Р. – Да, Оля сказала. Только я не знаю, где этот дом какой-то. Теперь с нами она плавает. Мне с ней больше нравится.

2) *Ситуация диалога*: бабушка (1 вз.), девочка (Р.) 4-х лет и их знакомая (2. вз.) взрослая участница диалога встретились во время прогулки.

(2 вз.) – Здравствуйте, давно вас не встречала! Куда вы пропали, где гуляете? Р. – Мы ходим на пруд. Там утки плавают, мы их кормим.

(1 вз.) – Расскажи, что там случилось вчера, и почему ты плакала. (2 вз.) – Машенька, ты плакала? А что случилось? Р. – Да. Я с бабушкой кормила уток там и подошла к ним. Их было много, они хотели есть, и все клевали крошки из хлеба. Мы долго их кормили. Они такие хорошенькие!

(1 вз.) – А потом что произошло? А потом, Маша, расскажи, ты, наверное, забыла, как плакала! Р. – Помню. А потом мы поднялись на дорожку, посмотрели – моей коляски нет, и куклы тоже нет! Мы оставили коляску там, рядом с прудом. Мы искали, ее не было, и куклы не было. Я плакала, и дома плакала.

(1 вз.) – Ну что делать? Плачь не плачь, нашу коляску с куклой украли, а мы и не видели! Вот, что случилось!

Оба примера указывают на совместное осмысление ребенком и взрослым события и показывают, как когнитивные процессы этого типа интерактивно воссоздаются и становятся наблюдаемыми в разговорном нарративе. Тем не менее, на наш взгляд, только второе происшествие обладает качествами «событийной значимости» (и для бабушки, и для ребенка) и важности сообщения о нем их знакомой. Приведенные диалоги показывают, что осмысление ребенком произошедшего события возникает лишь в речевой интеракции с взрослым и при его поддержке. Произошедшее событие реконструируется из памяти у ребенка во время наррации и «под давлением» разговорной интеракции через интерактивные средства, предлагаемые взрослым.

Вклад взрослого в разговорный нарратив в диалоге с ребенком.

Рассматривая особенности речевого взаимодействия взрослого и ребенка в разговорных нарративах, нетрудно заметить, что даже на поверхностном дискурсивном уровне обнаруживается возрастная настройка речевых действий взрослого. Так, по данным Ю. Кастхофф, паттерны нарративной интеракции «взрослый – ребенок» и речевая активность взрослых слушателей изменяется систематически с возрастом ребенка [Quasthoff 1997: 72].

Наши экспериментальные материалы и наблюдения свидетельствуют о том, что если обратиться к глобальной структуре нарратива, то взрослые в диалоге с младшими рассказчиками (детьми трех–пяти лет) принимали на себя, например, такие важную задачу, как определение некоторого события как значимого для развития истории и заслуживающего, чтобы о нем рассказать другому участнику диалога. Следует отметить, что в прототипичной нарративной ситуации эта задача является одной из «обязанностей» нарратора. Выявлено, что интерактивные действия взрослого в разговорном нарративе с младшими детьми замещали ходы, которые старшие дети выполняли сами. Часто взрослые вовлекали младшего ребенка в соответствующий разговорный ход, проявляя как действия поддержки для развития содержания реплик ребенка, так и запроса информации.

Использование речевых форм взрослыми участниками разговорного нарратива. Данные, относящиеся к взрослым участникам разговорного нарратива, отражают не только эмпирическую картину взаимодействия в разговорном нарративе, но также механизмы развития, которые действуют как часть взаимного интерактивного тонко настроенного механизма в диалоге «взрослый – ребенок».

Взрослый участник разговорного нарратива прибегает к ориентированным на возраст ребенка вариациям языковых поверхностных форм. Вариация этих форм обнаружена при учете реплик ребенка и его дискурсивной продукции.

Далее кратко приводятся некоторые результаты одного из наших экспериментов, проведенных с русскоязычными детьми трех–семи лет по рассказыванию истории с использованием небольшой книги без текста, представляющей историю с помощью законченного ряда иллюстраций. Взрослый (экспериментатор / воспитатель детского сада) в ходе рассказа истории ребенком поддерживал с ним диалог. Всего участвовало 30 детей четырех возрастных групп. Текстовый материал включает 30 конверсационных нарративов детей 3–7 лет с участием взрослого.

В ходе анализа речевых форм, которые используются взрослыми в конверсационном нарративе с детьми дошкольного возраста, выявлены различные дискурсивные инструменты интенсификации нарративной деятельности ребенка, которые подталкивают ребенка к рассказу истории (в этой статье возрастной аспект не затрагивается). Назовем некоторые из них:

а) просьба и запрос, вовлекающие ребенка в нарратив. *Расскажи мне историю;* б) глобальный запрос или запрос информации, содержащий указание на общий смысл (темы) истории и направляющий ребенка на выполнение общей задачи нарратива: рассказать о конкретном событии. *Расскажи, что случилось с мальчиком и собакой?;* в) вопросы, относящиеся к проработке конкретного эпизода истории, необходимые для развертывания нарратива и освоения ребенком ментального фрейма «цель – действие – результат». *Мальчик что делает?; Куда залез мальчик?;* г) речевая демонстрация взрослым для ребенка модели соответствующего повествовательного высказывания. *Смотри, мальчик залез на большой камень, а за ним стоял олень;* взрослый участвует в порождении совместно созданной нарративной целостности, представляя для ребенка трактовку эпизода истории и действий ее участников (*мальчик с собакой*) *выбрались из речки и увидели ... Что они увидели? Это что? Старое бревно;* д) речевая реакция с элементами оценки предшествующего высказывания ребенка. *Лягушки нет! Какой кошмар! Он так любил с ней играть!*

Выводы. В ходе анализа конверсационных нарративов обнаружены речеповеденческие тактики взрослого участника конверсационного нарратива и функциональные, направленные на конкретные цели, дискурсивные инструменты, влияющие на развертывание нарратива ребенком, подталкивающие его к осуществлению нарративной задачи. Таким образом, мы наблюдаем имплицитное управление детьми-рассказчиками в нарративном дискурсе. Мы полагаем, что выявленные дискурсивные инструменты в ситуации устного нарратива (storytelling) можно рассматривать в качестве лингводидактических приемов интенсификации нарративной деятельности ребенка и речевого сопровождения взрослым процесса создания нарратива.

Разработка проблемы генезиса нарратива в детской речи с позиций интерактивного подхода и его аналитических процедур позволяет высказать предположение, что конверсационный нарратив, являясь в своих дискурсивных проявлениях феноменом интерактивного дискурса, возникающего в ситуациях обычной ежедневной жизни, отражает своеобразный и необходимый этап в генезисе устного нарратива в речи детей.

Литература

- Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. М.: ИД «Ключ-С», 2014. 339 с.
- Гренобль Л.А. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 25-36.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 277 с.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
- Сигал К.Я., Бакалова З.Н., Пушина Н.И., Юрьева Н.М. Очерки по синтаксису связной речи. М.: ИД «Ключ-С», 2013. 142 с.
- Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
- Улановский А.М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). С. 218-237.
- Юрьева Н.М. Устное повествование в онтогенезе речи: к нарративу в диалоге со взрослыми // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 288-301.
- Юрьева Н.М. Интерактивный подход в изучении становления нарратива в онтогенезе речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(78). Ч.2. С. 178-181.
- Bamberg M. Introduction to chapter 2 // Narrative development: Six approaches. New York–London: Routledge, 1997. Pp. 45-49.
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // Essays on the verbal and visual arts. Seattle: Univ. of Washington Press, 1967. Pp. 12-44.
- Hausendorf H., Quasthoff U.M. Childrens' story-telling in adult–child interaction: three dimentions in narrative development // Journal of narrative and life history. 1992a. № 2. Pp. 293-306.
- Hausendorf H., Quasthoff U.M. Patterns of adult–child interaction as a mechanism of discourse acquisition // Journal of pragmatics. 1992b. 17. Pp. 241-260.
- Quasthoff U.M. Interactive approach to narrative // Narrative development: Six approaches. New York–London: Routledge, 1997. Pp. 51-83.

INTERACTIVE COMPONENT IN GENERATION OF NARRATIVE BY CHILDREN

Nadezhda M. Yurieva

Doctor of Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Senior researcher, Department of Experimental Studies of Speech,
B. Kislovskiy per., 1/1, 125009, Moscow.
e-mail: o.yuriev@list.ru

The article continues the earlier analysis by foreign researches in the field the oral narrative formation in the verbal ontogenesis, and this analysis is carried out along the line of interactive approach. The article provides some results pointing to specifics in the developments of conversational narrative in child's language, which, in general, reveal some specifics of narrative competence in ontogenesis. The conversational

narrative, viewed through interactive approach, is the product closely related to the verbal interaction and dialogue coming up in the situation of the conversation when the child tells a story and the adult who listens to it reacts to the child's replicas, contributing to emerging narrative. The conversational narrative emerging in the interaction is the result of joint efforts of both participants. The article offers several dialogues between the child and the adult selected by the author in the study of interactive mechanisms characterizing narration.

On the basis of the undertaken analysis, the author comes to the conclusion that the conversational narrative while revealing itself as a phenomenon of the interactive discourse in situations of everyday life, represents a specific and necessary stage in the genesis of the oral narrative in the child language.

Keywords: sequential model of narrative interaction, the competence of narrating, the telos of narrative development, stored knowledge, cognitive generation plan

References

Arushanova, A.G., Rychagova, E.S., Seagal, K.Y., Yurieva, N.M. (2014) Problemy razvitiya rechi v psiholingvisticheskom i lingvodidakticheskom osveshchenii [Problems of Language Development in Psycholinguistic and Lingvodidactic Approaches]. Moscow: «Klyuch-C». 339 P. Print. (In Russian).

Grenoble, L.A. (2008) Syntaksis i sovместnoye postroyeniye repliki v rusском dialoge [Syntax and Joint Construction of the Replica in the Russian Dialogue] Voprosi yazykoznanija [Topics in the Study of Language] 1, 25-36. Print. (In Russian).

Makarov M.L., (2003) Osnovy teorii dickursa [Foundations of the Theory of the Discourse]. Moscow: Gnosis. 277 P. Print. (In Russian).

Sedov, K.F. (2004) Discurs i lichnost. Evolitsiya kommunikativnoy kompetentsii [Discourse and Person. Evolution of Communicative Competence]. Moscow: Labirint. 317 P. Print. (In Russian).

Seagal, K.Y., Bakalova, Z.N., Pushina, N.I., Yurieva, N.M. (2013) Ocherki po sintaksisu svyaznoy rechi [Notes on Syntax of the Connected Speech]. Moscow: Klyuch-C. 142 P. Print. (In Russian).

Solso, R. (2006) Kognitivnaya psihologiya [Cognitive Psychology]. St. Petersburg: Piter. 589 P. Print. (In Russian).

Ulanovsky, A.M. (2016) Fenomenologiya razgovora: metod konversatsionnogo analiza [Phenomenology of Conversation: Method of Conversation Analysis]. Vopr. psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 1 (27): 218-237. Print. (In Russian).

Yurieva, N.M. (2015) Ustnoye povestvovanie v ontogeneze rechi: k narrativu v dialoge so vsroslymi [Oral Narrative in the Ontogenesis of the Language: towards Narrative in Dialogue with Adults]. Vopr. psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 2 (24): 288-301. Print. (In Russian).

Yurieva, N.M. (2017) Interaktivnyj podhod v izuchenii stanovleniya narrative v ontogeneze rechi [Interactive Component in Generation of Narrative by Children]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Sciences of Philology. Theory and Practice] Part 2, 12 (78): 178-181. Print. (In Russian).

Bamberg, M. (1997) Introduction to Chapter 2. Narrative Development: Six Approaches: 45-49. New York – London: Routledge. Print.

Labov, W., Waletzky, J. (1967) Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. Essays on the Verbal and Visual Arts: 12-44. Seattle: Univ. of Washington Press. Print.

Hausendorf, H., Quasthoff, U.M. (1992a) Children's Story-telling in Adult – Child Interaction: Three Dimensions in Narrative Development. Journal of Narrative and Life History 2: 293-306. Print.

Hausendorf, H., Quasthoff, U.M. (1992b) Patterns of Adult – Child Interaction as a Mechanism of Discourse Acquisition. Journal of Pragmatics 17: 241-260. Print.

Quasthoff, U.M. (1997) Interactive Approach to Narrative. Narrative Development: Six Approaches, 51-83. New York – London: Routledge. Print.

ДИСКУССИИ

УДК 81'008

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-126-140

СТРУКТУРА МИФА ПО К. ЛЕВИ-СТРОССУ: ОПЫТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе
299053, Севастополь, ул. Меньшикова, д. 3, кв. 18
stavis@ Rambler.ru

Статья посвящена критическому анализу работы К. Леви-Стросса «Структура мифов», которая была опубликована более полувека назад и до сих пор является одной из самых популярных среди произведений великого французского антрополога. Во многом это связано с тем, что знание структуры помогает лучше понять миф, его природу и функционирование, а также роль, которую миф играет в обществе. Однако в своем исследовании К. Леви-Стросс допустил принципиальную методологическую ошибку. И она заключается в том, что он рассматривал миф не как универсалию культуры, чем миф в действительности является, а как обычный лингвистический объект. Ведь попытка структурировать миф под себя и свою профессиональную специализацию вынуждает исследователя держаться привычного, выбирая легкое и понятное вместо правильного. А значит, она изначально была обречена на неудачу, так как в ходе такого исследования теряется восприятие мифа как целого.

В результате содержательная сторона сложного и по-разному проявляющегося явления, каким является миф, оказалась проигнорированной. А исследование К. Леви-Стросса стало примером того, что на основе каких-либо частных рассматривать культурную универсалию без ущерба для процесса познания нельзя.

При этом отметим, что в силу своей универсальной пластичности миф в своем развитии потенциально бесконечен и не равен сам себе, поскольку через новые смыслы сам себя трансформирует, принимая структуру того, что мифологизирует. Это означает, что какой-либо универсальной структуры у мифа просто нет. И в этом его тайна. Хотя в зависимости от тех или иных подходов и контекстов исследователи могут предложить большой выбор его структур.

Ключевые слова: миф, структура мифа, К. Леви-Стросс, универсалия культуры

В условиях перехода человечества к эпохе информационного общества роль мифа в обществе резко возрастает. Ведь он обеспечивает социум символически означенными ценностными смыслами, в соответствии с которыми человек будет жить [Кэмпбелл 2002]. А с учетом бурного развития информационных технологий миф стал оружием массового поражения, с помощью которого конструируют идентичность и контролируют сознание людей [Ставицкий 2013]. Последнее обстоятельство требует иного отношения к мифу, более глубокого его изучения. И знание структуры мифа и особенностей его функционирования может существенно этому помочь [Ставицкий 2012].

Их важность и значимость связана с тем, что через структуру мифа определяются его природа, смысл и назначение, а также характер функционирования, что в свою очередь, благодаря подключению соответствующих контекстов, позволяет лучше понять не только современный миф, но и его роль в жизни людей и общества в целом [Ставицкий 2015]. По мнению К. Леви-Стросса, «структура не имеет обособленного содержания: она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойство реальности» [Леви-Стросс 1985: 9]. Поэтому в структурности заложена суть мифа, ради которой он существует [Козлов 1984].

Рассмотрению структуры мифа посвящено немало работ, хотя они, как правило, носят не системный характер. Из авторов, занимавшихся данной проблематикой, в первую очередь стоит отметить Т.М. Алпееву, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Г.Н. Оботурову, Б.Л. Огибенина, В.М. Пивоева, В.С. Полосина, В.Я. Проппа, Е.Н. Ростошинского, О.К. Садовникова и др. Однако особое место среди них, безусловно, занимает великий французский антрополог К. Леви-Стросс. Его вклад в изучение структуры мифа настолько важен и значим, что после публикации результатов его исследований по структуре мифов данный вопрос в какой-то степени считается закрытым. И именно в этом заключается основная сложность данной работы. Ведь ставить вопрос о пересмотре общепринятых выводов и идей всегда трудно, так как обосновывать новое следует, преодолевая психологические установки на поддержку заслуженного и привычного. Но по мере нарастания вопросов необходимость в новых исследованиях становилась всё более очевидной [Ставицкий 2011: 248-251].

В основе сложившейся проблемы лежал парадокс мифологической структуры, который заключался в том, что, с одной стороны, как символически означенный образ реальности миф должен быть структурированным. Ведь даже самые элементарные явления знаковой системы обретают структуру, если их наделять смыслом, а миф – это смыслонесущая и в образно-символической форме отраженная сознанием реальность, а мифотворчество есть процесс смыслообразования. Но с другой стороны – при такой универсальной пластичности и многообразии проявления некая единственная и законченная структура мифу не нужна. Последнее обстоятельство требовало основательной проверки, результатом которой и стало данное исследование, поставившее прежние установки под сомнение.

Миф и структурная лингвистика: пределы специализации

Попытки структурировать миф предпринимались давно. Одним из первых простейшую структуру мифа предложил выдающийся русский словесник А.А. Потебня в своей работе «Теоретическая поэтика», где миф был им разделен на «простейшую мифическую формулу», т.н. «мифическое представление» и «дальнейшее ее развитие», которое выражалось в «мифическом сказании» [Потебня 1990: 301]. Однако специально данной проблемой он не занимался. И, видимо, до возникновения структурной лингвистики этот важный аспект мифа особого внимания исследователей не привлекал. Хотя кое-какие наработки сложились. Поэтому одной из наиболее известных науке разработок структуры мифа является модель, предложенная основателем структурной антропологии К. Леви-Строссом

[2001: 213-241]. И поскольку среди исследователей мифа она до сих пор является самой популярной, нам следует ее рассмотреть подробнее с точки зрения общих подходов и примененной методологии.

В связи с этим, отметим, что сама по себе попытка К. Леви-Стросса структурировать миф является интересной, смелой и, безусловно, заслуживающей внимания. Но в основе ее лежит ряд изначально заложенных ограничений, резко сужающих возможности для анализа мифа с какой-то иной стороны. В результате в рамках данной структуры миф перестал быть универсалией культуры, то есть сложной иерархически организованной системой, представляющей базовый элемент культуры как таковой, где каждый отдельно взятый миф влит в общую систему мифологии.

Впрочем, не разделяя взглядов великого французского антрополога по данному вопросу, мы отдаем должное той грандиозной работе, которая была проделана им, чтобы попытаться предложить свой вариант структуры мифа. Тем более, что структура мифа по версии К. Леви-Стросса может рассматриваться как модель, на выявлении слабых мест которой можно лучше понять те проблемы, которые, на наш взгляд, еще не решены. И потому, не подвергая в целом сомнению результаты проделанной им работы, поделимся теми соображениями, которые, на наш взгляд, несколько проясняют поднятый в исследовании вопрос.

В первую очередь отметим, что, формируя подходы к разработке мифологической структуры, К. Леви-Стросс опирался на достижения структурной лингвистики. Особенно на работы Р.О. Якобсона. И в этом, возможно, проявляются сильные и слабые стороны структурной модели мифа К. Леви-Стросса. Понятно, почему попытки структурировать миф были начаты при опоре на достижения лингвистики. Ведь язык выступает мощным источником структурности. И не использовать это его качество было в начале изучения структуры мифа нельзя. А, согласно рассуждениям К. Леви-Стросса, если миф есть «явление языкового порядка» или «лингвистический объект» [Леви-Стросс 2001: 218], то и структура его должна быть соответствующей. При этом, настаивая на лингвистических основаниях, К. Леви-Стросс оговаривает, что проявляемые мифом как языковой структурой (лингвистическим объектом) «специфические свойства» располагаются на более высоком уровне, чем обычный уровень языковых выражений. Иначе говоря, эти свойства мифа имеют более сложную природу, чем «свойства языковых высказываний любого другого типа» [Там же: 218]. Отсюда следует, что либо миф может рассматриваться как языковой феномен, но его свойства этим не ограничиваются, либо сам К. Леви-Стросс при анализе мифа понимал, насколько его аргументация условна, ограничена и отчасти вымучена.

О том, что данное предположение является близким к истине, свидетельствует оговорка самого К. Леви-Стросса, что его позицию следует рассматривать исключительно «в качестве рабочей гипотезы». И мы эту оговорку принимаем. Однако и рабочие гипотезы нуждаются в дальнейшем развитии. Поэтому, если структура мифа имеет языковой характер, то, «1) как и всякий лингвистический объект, миф образован составляющими единицами; 2) эти составляющие единицы предполагают и наличие таких единиц, которые обычно входят в языковые структуры, а именно фонемы, морфемы и семантемы, но по отношению к этим

последним они являются тем, чем сами семантемы являются по отношению к морфемам, а морфемы – по отношению к фонемам. Каждая последующая форма стоит на более высокой ступени сложности, чем предыдущая» [Леви-Стросс 2001: 218-219].

Впрочем, в данном случае великий французский антрополог явно увлекся «окунанием» мифа в лингвистику. И если, как он сам потом оговаривал, миф нельзя свести к словесному высказыванию, хотя простоты ради очень хочется, то тем более он не сводим к семантемам, морфемам и фонемам, как не сводима к буквальному смыслу поэзия. Более того, буквальный смысл ей просто противоположен. Как разбор фразы на подлежащее, сказуемое и прочие второстепенные члены предложения может быть структурированным, но ничего общего не имеет с его содержательной стороной. А ведь миф занимается не фонемами и морфемами, а смыслами, так как процесс мифотворчества по сути идентичен процессу символически означенного смыслообразования.

Следовательно, хотя, с точки зрения лингвистики, никто не сомневается в том, что миф есть «лингвистический объект», но с позиции семиологии он будет сложной семиотической структурой. А психология не будет сводить миф как объект исследования психологии ни к тому, ни к другому. Иначе говоря, каждая наука, изучая миф со своих позиций, вносит что-то свое в общее исследование, но применительно к данному случаю, отбирает у мифа для удобства собственного изучения те качества, которые мифу присущи имманентно [Ставицкий 2011: 26-33]. И структуру мифа будет выстраивать под себя. Поэтому, чтобы понять, в чем проблема, в качестве альтернативного примера достаточно разобрать следующий вариант: как лингвисту удобнее всего изучать далекую от его специализации сферу, скажем, политики? Конечно, проще всего свести ее к слову, то есть изучать политику как лингвистический объект. А что будет, если такие сложные смысловые понятия, как «бог», «родина», «культура», «религия», «человек», свести к уровню «лингвистического объекта»? Что тогда от них, кроме пустых слов, останется? Что остается делать тогда лингвисту, если он при изучении сложного социокультурного явления решил за пределы своего дисциплинарного знания не выходить? Прятать за словами свое незнание? В таком случае поневоле вспоминается притча про ошупывающих слона слепых. Но ведь нельзя сказать, что они, каждый на своем уровне, в проблеме не разобрались. И если бы им не сказали, что они ошупывали, скорее всего, они так и были бы убеждены, что решили задачу правильно. Так же получилось и с лингвистами, когда они взялись изучать миф. Только диагноз результатов их исследования оказался настолько круто запущен, что наука пока не в силах его остановить.

Какие же предварительные выводы в свете вышеизложенного напрашиваются? С точки зрения изучения и структурирования частностей при полном игнорировании мифа как структурно явленного перед нами целого К. Леви-Стросс добился потрясающих успехов. Но с точки зрения мифа как целого на данном примере он скорее показал, как не надо его изучать. И не только потому, что им был нарушен один из фундаментальных принципов исследования: сначала идти от общего к частному, и лишь потом можно наоборот. Просто, как говорил еще Гёте, если первая пуговица камзола застегнута неправильно, правильное застегивание

остальных уже не поможет. Значит, попытку К. Леви-Стросса вывести структурную единицу мифа на уровне фразы, поскольку миф есть «лингвистический объект», можно рассматривать как гениальную небрежность. Тем более, что исследования В.Я. Проппа [2001], а несколько позже Е.М. Мелетинского [1978], показали, что при исследовании мифа или сказки исходные единицы могут быть больше фразы. Однако, несмотря на это замечание, популярность предложенной французским антропологом гипотезы до сих пор не снижается.

Критика лингвистических подходов к изучению мифа как универсалии культуры

Чтобы сильные и слабые стороны «рабочей гипотезы» К. Леви-Стросса по выявлению структуры мифа были яснее, рассмотрим его подходы с разных сторон. Так, соотношение синхронических и диахронических аспектов мифологических систем закладывает в них своеобразную двойственность, которая в условиях структурной динамики становится основой и залогом ее жизнеспособности. Понятно, что перевод мифов при их анализе в условно статическое состояние делается из соображений удобства понимания. Но сами мифы таковыми не являются, как не может быть глобус Землей. По такому же пути, только используя другие инструментариумы, пошел и К. Леви-Стросс, упрощая синхронно-диахроническую структуру мифа через сведение его как языкового явления к высказыванию. Раскрывая свой метод, К. Леви-Стросс подчеркивал, что «характерная для мифа синхронно-диахронная структура позволяет упорядочить структурные элементы мифа в диахронические последовательности (ряды в наших таблицах), которые должны читаться синхронно (по колонкам). Таким образом, всякий миф обладает слоистой структурой, которая на поверхности, если так можно выразиться, выявляется в самом приеме повторения и благодаря ему» [Леви-Стросс 2001: 241]. В результате долгого исследования К. Леви-Стросс свел миф к «высказыванию», которое нужно «рассказать» и «понять» [Там же: 222]. И у нас к данному подходу особых возражений не было бы, если бы такой вариант не вынуждал делать в ходе анализа слишком много предположений и допущений, чтобы считать его вполне убедительным и окончательно доказанным. Поэтому, хотя логика К. Леви-Стросса относительно предложенных им примеров представляется весьма внушительной, подходы и контексты его подводят.

Попробуем конкретизировать свои сомнения. Так, предложенная К. Леви-Строссом, гипотеза вызывает немало вопросов и нуждается в ряде допущений, оговорок и условностей. Особенно интересно, какая фраза взята за основу, если учесть, что каждый автор может излагать тот или иной миф по-разному? При этом данные фразы разным «слушателям» могут нести разные смыслы. Как быть также и с этим? Как структурировать смысл, если он может играть оттенками, плодя новые интерпретации? Как быть, если другие исследователи установили, что исходные «структурные единицы» могут быть значительно больше фразы? Не является ли данный вариант неудачным использованием метода «проб и ошибок», на который вслед за К. Поппером [1995] ссылается К. Леви-Стросс [Леви-Стросс 2001: 219]? Насколько данный вариант приближает к пониманию структуры мифа современного? Так ли уж безупречен его метод, когда «последовательность событий» передается «с помощью возможно более коротких фраз»? Неужели их протяженность является тем критерием, на котором должна выстраиваться

универсальная структура, независимо от того, будут ли эти «структурные единицы» выражаться как «отношение» [Там же] или даже как «пучки отношений» [Там же: 220]? Если одна фраза или даже слово способны породить свою собственную вселенную-мифологию, то как тогда структурировать их? К сожалению, на эти вопросы К. Леви-Стросс ответов не дает. Тем более, что анализ мифа должен быть структурно-смысловым, а не структурно-высказывательным [Купина 2001].

Кроме того, следует учесть также и такую понятную семиологам проблему, что «все известные нам тексты мифов доходят до нас как трансформации». Говоря об этом, выдающийся семиолог Ю.М. Лотман резонно указывает, что «живой миф иконически-пространствен и знаково реализуется в действиях и панхронном бытии рисунков» [Лотман 2004: 571]. Значит, в нем нет линейной заданности порядка, а перевод мифологического сознания на словесно-линейный язык, когда его сводят к высказыванию, не может быть осуществлен без существенных структурных и смысловых потерь.

Через переведенные тексты разом проявляемое мифологическое бытие обретает не свойственную ему последовательность, так как «представление о поколениях и этапах, все эти “сначала” и “потом”, которые организуют известные нам записи и пересказы <...> принадлежат не самому мифу, а его переводу на немифологический язык» [Лотман 2004: 571].

Исходя из вышеизложенного, спрашивается, какие мифы-высказывания предлагается в данном случае структурировать? Насколько точно они отражают сам миф как единое целое? В какой степени учитывают его первоначальную организацию? И получается, что однозначного ответа на эти фундаментальные вопросы у К. Леви-Стросса просто нет. Рассматривая структуру мифа, он подобные вопросы даже не ставит. А значит, нет в данной организации и тех элементов структуры, которые при анализе мифа как сложной саморазвивающейся системы должны оставаться неизменными.

Кстати, на фоне приведенной аргументации применение к мифу термина «слоистая структура» можно считать вполне допустимым, но дает ли оно основание считать, что у мифа есть «поверхность»? В какой степени предложенный К. Леви-Строссом вариант структуры мифа точен и ясен, если по его же замечанию, «слои мифа никогда не бывают идентичны»? Причем, добавим, даже не бывают идентичными самим себе. Тем более, что, как пишет К. Леви-Стросс далее, «если справедливо предположение, что цель мифа – дать логическую модель для разрешения некоего противоречия (что невозможно, если противоречие реально), то мы будем иметь теоретически бесконечное число слоев, причем каждый будет несколько отличаться от предыдущего» [Леви-Стросс 2001: 241].

Получается, что в своем развитии миф потенциально бесконечен и не равен сам себе, поскольку через новые смыслы сам себя трансформирует. И мы с этим полностью согласны. Но где тогда в этом случае будет взятое за основу структуры исходное высказывание, предложенное в качестве «большой структурной единицы» и требующее от мифа быть постоянным по форме и содержанию? А ведь даже детальнейшая структура частности не только не может заменить структуры целого, но даже приблизить к ней. Уж не говоря о том, что эта частности непереводаима адекватно на логический язык и по своей природе не статична.

Спрашивается: почему К. Леви-Стросс решил тогда свести миф к высказыванию? Ведь что такое высказывание? Это фраза, предложение. Некая крайне малая единица общего смыслового пространства, отличающаяся высокой смысловой неустойчивостью. Этакая смысловая «клетка». Однако, нельзя по строению клетки, как бы она ни была важна для человеческой жизнедеятельности, судить о сущности человека. И сводить миф к высказыванию всё равно, что сводить пустыню к песку, а воду – к ее химическому составу, ведь содержательная сторона сложного и по-разному проявляющегося явления тогда полностью игнорируется. Значит, подобный подход, как минимум, уже в силу этого нуждается в существенной коррекции.

Структура мифа по К. Леви-Строссу как смысловой и методологический тупик

Системный критический анализ структуры мифа по гипотезе К. Леви-Стросса требует оговорить ряд вопросов, которые не были им учтены. Напомним, что как универсалия культуры миф не просто описание или высказывание, а метаописание, т.е. «некоторый абстрактный язык описания» или «некоторый абстрактный продукт, который не имеет значения вне этого языка описания [Леви-Стросс 2001: 525]. Миф – метавысказывание, даже если для этого использовано лишь одно слово, ибо оно в сочетании с другими пульсирует смыслами, выстраивая их в бесконечный структурно устроенный и постоянно меняющийся ряд. В более сложной интерпретации он может быть представлен как «единый многослойный текст с многообразными внутренними переплетениями взаимно не переводимых кодов» [Там же: 585], активное взаимодействие которых обеспечивает в ходе его функционирования лавинообразное самовозрастание смыслов, отследить и отрефлексировать которые, тем более каждое в отдельности, не представляется возможным.

К сожалению, понимание сложности и неперевоимости мифа, в силу его универсальной пластичности, вынудившее К. Леви-Стросса сравнить миф с музыкой, не помешала ему угодить в ловушку, поставившую великого антрополога в положение пушкинского Сальери, пытавшегося музыку разьять «как труп», поверив «алгеброй гармонию». В данном случае имеется в виду предложенная в «Структуре мифов» формула: $F_x(a) : F_y(b) = F_x(b) : F_a^{-1}(y)$ [Там же: 239], о которой профессор А.Д. Шоркин написал, что, благодаря этой «несложной формуле», К. Леви-Стросс «решил, сопоставляя варианты мифов, по сути, задачу классификации медиаторов, уяснив на огромном фактическом материале стандартную механику их порождения» [Шоркин 1996: 36].

В подтверждение тому звучит фраза из следующей после «Структуры мифов» главы «Структурной антропологии»: «Таким образом, мы видим, чего можно достигнуть только путем структурного анализа содержания мифа: вскрытия правил преобразования, позволяющих переходить от одного варианта к другому, произведя операции, подобные алгебраическим действиям» [Леви-Стросс 2001: 245]. Результат также получился аналогичный, хотя сама формула выглядит достаточно убедительной. В этом смысле весьма примечательна оговорка К. Леви-Стросса о том, что попытки обрабатывать мифы подобным образом требуют усилий больших коллективов и хорошего финансирования [Там же: 240]. Хотя

применительно к итоговым результатам данной грандиозной по объему и крайне трудоемкой по характеру работы поневоле напрашиваются аналогии с такими мифическими выражениями, как «сизифов труд» или «гора родила мышь». Впрочем, этот в значительной степени отрицательный результат – тоже результат, поскольку может быть точкой отсчета для новых исследований. Тем более, что преодоление структурной неопределенности мифа необходимо. И никто не обещал, что на этом пути всё будет гладко и поступательно. В связи с этим, уместно вспомнить пророческие строки К. Леви-Стросса о том, что «наивные измышления в той области, которая для нас остается целиной, грозят вместе с нашими собственными недостатками окончательно погубить будущее наших начинаний» [Там же: 213]. Пророческие уже хотя бы потому, что по иронии судьбы наиболее цитируемыми в трудах великого французского антрополога оказались именно те тексты, которые касаются проанализированной нами структуры мифа. Однако, в отличие от К. Леви-Стросса, мы не будем столь пессимистичными, так как подобные «наивные» рассуждения из современной мифологии постепенно вымываются. Но у специалиста по мифологии, который рассматривает ее как универсалию культуры, они не могут вызвать ничего иного, кроме досады.

Тем более, если учесть, что ошибки, особенно, если они сделаны профессионально, грамотно и опираются на огромный пласт документальных материалов, запутывают вопрос до неузнаваемости. И чем лучше будет проведена подобная работа, тем труднее и дольше будет идти ее исправление. Ведь, если исследование структуры мифа у К. Леви-Стросса пошло вширь и по кругу в рамках понятного и привычного, это в свою очередь привело не к качественному прорыву на основе достигнутого, а к фундаментальной количественной проработке того, что было сделано ранее.

Каков же тогда общий итог? Великий исследователь погряз в детализации деталей. За бесконечными и постоянно меняющимися частностями исчезло целое. Мифа как универсального социокультурного явления не стало. Поэтому данный способ оказался бесперспективным. Что, однако, для великого французского антрополога простительно, если учесть, как много он сделал для реабилитации мифа в современной культуре. А сколько было за последние пару веков исследователей, положивших массу усилий, дабы уничтожить миф или хотя бы скомпрометировать его? И кто вспомнит о них? Поэтому следует считать, что опыт исследований К. Леви-Стросса, каким бы результатом он ни венчался в каждом конкретном случае, является важной вехой и своеобразной точкой отсчета для новых исследований.

Поэтому мы вынуждены констатировать, что, хотя в трудах К. Леви-Стросса миф предстает как результат «величайшей степени организованности на первый взгляд произвольных продуктов человеческого духа» [Леви-Стросс 2007: 752], определить характер и структуру его организации К. Леви-Строссу фактически не удалось. И вряд ли удастся его последователям. В самом деле, как быть со структурой мифа, построенной на «фразе», как исходной «единице» мифа-высказывания, когда одна буква алфавита может вмещать в себя символику космогонии, коды таинств смерти и возрождения, скрытые сакральные смыслы вещей [Генон 2002]? Понятно, что данная мифическая структура в силу своей искусственности без множества оговорок, допущений и условностей просто не работоспособна. Но что в результате

их остается в этой структуре от самого мифа? В какую клетку его пытаются этим загнать? В какую ловушку поймать? Каким инструментом вычерпать? Ясно, что, подобно воде в решетке, миф для данной структуры неуловим. Неуловим как целое. Но в качестве своеобразного утешительного приза миф способен подарить сторонникам предложенного К. Леви-Строссом варианта структурирования свою оригинальную мифологию, с помощью которой они будут еще многие годы оправдываться в духе тех, кто ищет серую кошку в темной комнате, не зная, что ее там нет, всячески скрывая ее исходную бесплодность и тупиковость. Ведь, положив в основу структуры мифа высказывание, К. Леви-Стросс выстроил ее таким образом, что все остальные элементы мифа стали рассматриваться как внесистемные, исключив полноту значений, без которых миф просто не существует, проявляясь разом во всем на всех возможных для него уровнях [Ставицкий 2012].

Каков же общий итог? Он заключается в том, что в одном из любимых мультфильмов моих детей под названием «Кунг-фу панда» прозвучало из гусиного клюва приемного отца панды по имени По: «Секретного ингредиента не существует». В мультфильме речь сначала шла о лапшичном супе. Потом она оказалась применима к свитку воина дракона. У нас же речь идет о мифе. Но подход к пониманию явлений аналогичный. Ведь универсальное и неисчерпаемое в своем многообразии явление не может быть сведено к какой-то частности, какой бы значимой эта частность для мифа ни была.

Исходя из этого, предложенную К. Леви-Строссом структуру мифа можно отнести к великим заблуждениям XX века, которое увлекает и очаровывает исследователей уже более пятидесяти лет, но в познании мифа не продвигает, несмотря на титанический труд великого французского антрополога и его многочисленных поклонников и последователей. Впрочем, его вклада в изучение мифа данный аспект нисколько не умаляет [Мулуд 1973]. Тем более, что иные ошибки в дальнейшем процессе познания играют роль опоры для того, чтобы двигаться дальше [Меркулов 1984]. Поэтому нам не стоит бросать на чаши весов авторитет ученого и необходимость в дальнейшем познании, а мифологию следует воспринимать как чрезвычайно сложно организованный механизм мифологического освоения реальности, способный и постоянно осуществляющий функцию хранения зашифрованных в образно-символической форме знаний.

Ясно, что многообразие определений системы порождает разнообразие форм организации структуры, которая в самом широком смысле представляется как обобщенная характеристика специфических системных свойств, фиксирующая в абстрактной форме элементы, отношения, связи системы между частями целого, их упорядоченность и внутреннюю организацию. Поэтому, в зависимости от приоритетов и специализации той или иной исследующей миф «школы», его структура может быть разной. К тому же следует учесть, что в мифологии «работает» не один культурный (временной или «пространственный») срез, который в данный исторический период востребован и пребывает на поверхности, а вся мифическая структура во всем своем разнообразии, функционирующая в разных режимах и на разных уровнях как единое целое.

Но эти особенности не отвечают на вопрос, что дает знание структуры мифа в процессе познания? На наш взгляд, знание структуры мифа является знанием

онтологического порядка через выстроенное на внутренних связях частностей строение объекта, так как структура позволяет выявить те основы объекта, которые играют роль матрицы и обеспечивают ее той стабильностью, без которой она не только теряет свою идентичность, но и не может просто существовать. Значит, знание мифологической структуры и умение ее выявлять из живой мифологической субстанции через преодоление структурной неопределенности мифа, безусловно, помогает лучше разобраться в мифе, чтобы лучше его понимать и использовать.

Вместе с тем, попытки структурировать мифы можно воспринимать, как стремление внести в стихийные процессы мифотворчества элементы рациональности. Так, логическая реконструкция мифа путем формализации и упорядочения смысловых отношений, либо алгоритмизации языка мифа позволяет вводить нормирующие элементы системы инверсионных структур мифа, выделив в ней те элементы изучаемой системы, которые считаются ключевыми.

Однако с какими проблемами технологического порядка сталкивается исследователь? Первая из них заключается в самой задаче структурировать то, что настолько универсально, многообразно и изменчиво, что даже не поддается какому-то однозначному определению. Но, несмотря на это, миф легко скрепляет воедино разные формы и коды. Причем каждый раз делая это по-разному. Поэтому исследователь мифа должен быть готов иметь дело с образом каждой отдельной мифосистемы, все элементы которой находятся не в статическом, а в динамическом соотношении, постоянно меняя принципы и условия отношения друг к другу.

Для этого, с одной стороны, нужно исходить из необходимости отталкиваться от интуитивно понятых данных, а с другой – рассматривать процесс в статике. При этом статическая консервация динамичных систем не должна заслонять понимание того, что статика – вспомогательный научный прием, а не специфический способ существования объекта. Поэтому структура мифа не будет понятна вне факта социокультурного разнообразия мира и психофизических различий между людьми, а перевод мифов при их анализе в условно статическое состояние делается из соображений удобства понимания. Но сами мифы таковыми не являются, как не может быть глобус Землей.

Чтобы вырабатывать информацию и генерировать новые тексты (смыслы), миф должен быть единым и двойственным. В этом залог его постоянного развития, вынуждающего миф становиться генератором структурности, создавая вокруг человека такую сферу, которая, сохраняя исходную цельность, придает его жизни осмысленность в каждом осознанном действии. Благодаря этому, структуры встроены в мифологическое пространство, реализуясь в нем как некие сгустки смысла, и могут быть отделимы от него лишь как абстракция, в качестве своеобразного методологического допущения, в реальных условиях функционирования мифа невозможного.

Впрочем, структура не может и не должна отражать жизнь явления во всей его сложности. Ведь, при описании структур с помощью синхронного метода, проблема внутренней «неупорядоченности» системы, по сути, снимается. К тому же задача структурного описания связана с поиском и выделением тех элементов системы, без которых она в синхронном состоянии не могла бы существовать, и отделением их от тех элементов и связей, которые с позиции статики представляются излишними.

Однако структура лишь задает исходную матрицу исследования, создаваемую для удобства понимания, иницируя процесс умножения значимостей, которые растут за счет неучтенной внесистемности. Поэтому всё, что рассматривалось ранее в структуре как излишнее, необязательное, внесистемное, может в случае преобразования мифологической структуры стать системным и основным. Значит, эти «внесистемные» элементы являются для нас внесистемными лишь потому, что мы их уровня и характера системности не учли, а система живет за счет того, что втягивает в орбиту системности внесистемные элементы и выталкивает вне системы то, что параметрам системы в данный момент не отвечает. И хотя, в силу того, что внесистемность не соответствует параметрам системного, и она от системного анализа ускользает, ее потенция должна браться при структурировании мифа в расчет.

Таким образом, структура мифа К. Леви-Стросса может рассматриваться как модель, на выявлении слабых мест которой можно лучше понять те проблемы, которые, на наш взгляд, еще не решены. Но рассматривать ее как прорыв в нынешних условиях, несмотря на огромные научные заслуги ее автора, уже является нецелесообразным. А поскольку структура мифа, предложенная К. Леви-Строссом, для мифа как универсалии культуры не подходит, уместно учесть, что процесс исследования мифологических структур должен определяться логикой мифа [Ставицкий 2012], а не соображениями удобства понимания применительно к тому, что уже было известно и наработано. Значит, единой универсальной структуры мифа не существуют, так как она будет разной в зависимости от системы отсчета и того явления, которое в данный момент изучается как объект мифологизации. Поэтому те, кто намерен посвятить себя изучению темы структуры мифа, должны ориентироваться на поиск структурного многообразия, которое не только исходит из достаточно большого количества исходных элементов, но и их структурной иерархии.

Литература

- Генон Р. Тайны буквы «нун» // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 174-179.
- Козлов Д.Ф. Структура и функции социологической теории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 176 с.
- Купина Н.А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1981. 92 с.
- Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить: Пер. с англ. Семенов К. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 252 с.
- Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т.4. Человек голый. М., 2007. 784 с.
- Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9-34.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной структуры. М.: Наука, 1978. 324 с.

Мулуд Н. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. 376 с.

Меркулов И.П. Метод гипотез в истории научного познания. М.: Наука, 1984. 188 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.

Поппер К.Р. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест. 2015. 748 с.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.

Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.

Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.

Ставицкий, А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.

Ставицкий А.В. Актуальність дослідження міфу: соціокультурний аспект // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Випуск № 54. С. 248-251.

Ставицкий А.В. Міф і дослідник: проблема суб'єктивної рефлексії // Політологічний вісник. Зб-к наук. праць. К.: ІНТАС, 2011. Вип. 56. С. 26-33.

Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. Симферополь. 1996. 216 с.

THE STRUCTURE OF MYTH BY C. LEVI-STRAUSS: INVALID EXPERIENCE

Andrey V. Stavitsky,

Associate Professor of the Department of History and International Relations
Lomonosov Moscow State University in Sevastopol,
299053, Sevastopol, str. Menshikova, 3, ap. 18.

The article is devoted to a critical analysis of C. Levi-Strauss's "The Structure of Myths" published more than half a century ago. Even today it remains one of the most popular among the works of the great French anthropologist. This is largely due to the fact that knowledge of the structure helps to better understand the myth, its nature and functioning, and specify the role that myth plays in society. However, in his study, C. Levi-Strauss made a fundamental methodological mistake, as he viewed the myth not as a universal culture, i.e. a myth in reality, but as a linguistic object. After all, an attempt to structure a myth may turn it into an investigation for oneself and for one's professional

specialization interests, so a researcher tends to stick to the habitual, choosing the easy and understandable instead of the correct one. So, it was initially doomed to failure, because in the course of such a study, the perception of myth as a whole is lost.

As a result, the content side of a complex and differently manifested phenomenon, such as myth, has been ignored. C. Levi-Strauss' work illustrates the thesis that it is impossible to consider a culture universal without damaging the process of cognition.

However, it is notable, that due to its universal plasticity, the myth in its development is potentially infinite and not equal to itself, as it transforms itself through new meanings, taking the structure of what is mythologized. So, there simply exists no universal structure for myth. And this is the secret. Although, relying on various approaches and contexts, researchers can offer a large selection of its structures.

Keywords: myth, structure of myth, C. Levi-Strauss, culture universal

References

Genon, R. (2002) Tajny bukvy «nun» [Mystery of Letter *Nun*] Simvoly svjashhennoj nauki [Symbols of Sacred Science]: 174-179. Moscow: Belovod'e. Print. (In Russian).

Kozlov, D.F. (1984) Struktura i funkcii sociologicheskoj teorii [Structure and Functions of Sociological Theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 176 P. Print. (In Russian).

Kupina, N.A. (1981) Strukturno-smyslovoj analiz hudozhestvennogo proizvedenija [Structural and Semantic Analysis of Literary Work]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta. 92 P. Print. (In Russian)

Campbell, J (2002) Mify, v kotoryh nam zhit' [Myths to Live by]: A Trans. by K. Semenov. Kiev: Sofija; Moscow: Gelios. 252 P.

Levi-Strauss, C. (2007) Mifologiki. [Mythologiques] In 4 vol., Vol. 4. Chelovek golyj [Naked Man]. Moscow. 784 P. Print. (In Russian).

Levi-Strauss, C. (1985) Struktura i forma. Razmyshlenija nad odnoj rabotoj Vladimira Proppa [Structure and Form. Reflections on a Work by Vladimir Propp] 9-34. Zarubezhnye issledovanija po semiotike fol'klora [Foreign Research on folklore Semiotics]. Moscow. Print. (In Russian).

Levi-Strauss, C. (2001) Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology] A Tran. by Vjach. Vs. Ivanov. Moscow: JeKSMO-Press. 512 P. Print. (In Russian).

Lotman, Ju.M. (2004) Semiosfera [Semiosphere] Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 704 P. Print. (In Russian).

Meletinskij, E.M. (1978) «Istoricheskaja pojetika» A.N. Veselovskogo i problema proishozhdenija povestvovatel'noj struktury [Historical Poetics by A.N. Veselovsky and Origins of Narrative Structure]. Moscow: Nauka. 324 P. Print. (In Russian).

Mulud, N. (1973) Sovremennij strukturalizm. Razmyshlenija o metode i filosofii tochnyh nauk [Modern Structuralism. Speculations on Method and Philosophy of Science]: A Trans. form French. Moscow: Progress. 376 P. Print. (In Russian).

Merkulov, I.P. (1984) Metod gipotez v istorii nauchnogo poznanija [Method of Hypotheses and History of Scientific Cognition]. Moscow: Nauka. 188 P. Print. (In Russian).

- Potebnja, A.A. (1990) Teoreticheskaja pojetika [Theoretical Poetics]. Comm. by A.B. Muratova. Moscow: Vyssh. shk. 344 P. Print. (In Russian).
- Popper, K.R. (1995) Chto takoe dialektika? [What is Dialectics?]. Voprosy filosofii [Fundamentals of Philosophy]1: 118-138. Print. (In Russian).
- Propp, V.Ja. (2001) Morfologija volshebnoj skazki [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint. 192 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2015) Nacional'no-istoricheskij mif Ukrainy [National Historical Myth of Ukraine]. Sevastopol': Ribest. 748 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2012) Ontologija sovremennogo mifa [Modern Myth Ontology]. Sevastopol': Ribjest. 543 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2012) Sovremennyj mif i ego osnovnye funkcii [Modern Myth and Its Basic Functions]. Sevastopol': Ribjest. 238 P. Print. (In Russian).
- Stavickij A.V. (2012) Sovremennaja mifologika: opyt postizhenija Inogo [Modern Mythology: A Study of A Different Matter]. Sevastopol': Ribjest, 192 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2013) Ukrainskaja identichnost': obshhie podhody konstruirovaniya i mifologizacii [Ukrainian Identity: General Approaches to Construction and Mythologization]. Sevastopol': Ribjest. 160 P. Print. (In Russian).
- Stavic'kij, A.V. (2011) Aktual'nist' doslidzhennja mifu: sociokul'turnij aspekt // Gileja: naukovij visnik. Zbirnik naukovih prac' 54: 248-251. / Gol. red. V.M. Vashkevich. K.: VIR UAN. Print. (In Ukrainian).
- Stavic'kij, A.V. (2011) Mif i doslidnik: problema sub'ektivnoï refleksii // Politologichnij visnik 56: 26-33. Zb-k nauk. prac'. K.: INTAS. Print. (In Russian).
- Shorkin, A.D. (1996) Shemy universumov v istorii kul'tury. Opyt strukturnoj kul'turologii [Schemes of Universums in The History of Culture. A Study in Structural Cultural Anthropology]: Simferopol'. 216 P. Print. (In Russian).

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 81' 23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-140-149

ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТАТАР И КОМИ (ЗЫРЯН) О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ И ПОВЕДЕНИИ РУССКИХ

Разумкова Анна Викторовна

старший преподаватель кафедры английского языка
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
г. Калуга, ул. Степана Разина д. 26
razumkova89@mail.ru

В межкультурной коммуникации базовые стереотипы «мы/свои-они/чужие» могут привести к идеализации или, наоборот, к неприятию представителей другого этноса. Следовательно, представления «о себе» и о своих этнических «соседах» имеют решающее значение при определении тактик межкультурного общения. Предлагаемое исследование посвящено анализу содержания образа «русских» в языковом сознании носителей татарской и коми (зырянской) культур. Исследование с применением метода направленного ассоциативного эксперимента проводилось с группой студентов в возрасте от 17 до 23 лет в Республиках Коми и Татарстан в 2016 г. В задачи исследования входило изучение гетеростереотипных представлений татар и коми (зырян) о русском национальном характере и поведении, а также исследование изменений в содержании этнического образа русских в период с 1997 по 2016 г. с целью выявления устойчивых стереотипных представлений или их трансформации. Для анализа ассоциативных полей использовался метод полевой стратификации, предложенный И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой. Результаты исследования доказывают, что различия в содержании ассоциативного гештальта могут быть связаны с культурой, языком, территорией, климатическими условиями проживания. В целом можно говорить об устойчивости некоторых этностереотипов национального характера и поведения русских в Республиках Коми и Татарстан, однако стоит отметить изменение степени выраженности отдельных качеств и трансформацию некоторых этностереотипов.

Ключевые слова: языковая картина мира, этническая/национальная картина мира, образ мира, направленный ассоциативный эксперимент, метод полевой стратификации, индекс яркости реакции

Введение

И.М. Кобозева под стереотипами национального характера понимает представления о национальном характере того или иного народа, которые входят в языковую картину мира [Кобозева 2000: 185]. Языковая картина мира – это часть картины мира человека, которая «имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Серебренников, Кубрякова, Поставалова 1988: 142], она состоит из образов, представлений, понятий, установок и оценок – концептов, которые формируются в предметной и познавательной деятельности человека [Там же: 143]. Представления, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, однако при сопоставлении разных языковых картин обнаруживаются значительные, иногда нетривиальные расхождения [Зализняк,

Левонтина, Шмелев 2005: 9]. Всякие изменения в концептуальной картине мира, например приобретение нового знания, вызывают изменения языковой картины мира, и наоборот, обогащение языка новой лексикой или языковыми структурами преобразует концептуальную картину мира [Каменская 1993: 39]. Национальная, или этническая, картина мира – это «знания о мире, сконструированные носителями определенной национальной (этнической) культуры, осуществляющими некоторый набор деятельности для обеспечения бытования в своем природном ландшафте» [Тарасов 2008: 7]. Е.Ф. Тарасов заключает, что «знания о мире, входящие в картину мира, “живут” только в сознании людей. Общность знаний у членов конкретного этноса, позволяющая им понимать друг друга в ходе знакового общения и сотрудничать друг с другом, обусловлена общностью присвоенной культуры, эти знания во внешней форме зафиксированы <...> при помощи языковых знаний» [Тарасов 2008: 9]. Как социальный конструкт образ мира формируется из психологических значений и смыслов, соответственно «сущность познаваемого объекта восприятия – это знания, выработанные в общественной практике и использованные для конструирования представления о нем, и которые являются его значением» [Тарасов 2008: 10]. Языковое сознание, как отмечают Е.Ф. Тарасов и Н.В. Уфимцева, представляет собой знания, которые ассоциированы с языковыми знаками, что делает возможным овнешнение первичных (знания, формируемые в процессе восприятия объектов реального мира) и вторичных (перцептивные эталоны первичных образов) образов сознания в процессе общения. Эти первичные и вторичные образы являются средствами формирования содержания мысли до ее оречевления при помощи языковых знаков, у которых с телами этих знаков ассоциированы общественно отработанные знания, называемые в лингвистике лексическими значениями» [Тарасов, Уфимцева 2010: 738–739]. Н.В. Уфимцева отмечает, что именно в значениях «фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу. Культурные стереотипы усваиваются в процессе социализации. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая» [Уфимцева 2011: 208].

Методы исследования

В рамках нашего исследования, объектом которого является языковое сознание, то есть «опосредованный языком образ мира, представляющий собой совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7], а предметом – национально-культурная специфика образа «другого», мы исследуем парадигмы образов сознания татар и коми (зырян), формирование которых обусловлено опытом, языком, культурой, образованием и средой. Одним из методов выявления содержания образа «другого» в языковом сознании носителей культур является направленный ассоциативный эксперимент (далее НАЭ). «Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить системность как содержание образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [Уфимцева 2003: 103].

Задачи исследования:

1) изучение гетеростеротипных представлений татар и коми (зырян) о русском национальном характере и поведении с целью выявления сходств и различий в содержании образа;

2) исследование изменений в содержании этнического образа русских с целью выявления устойчивых стереотипных представлений или их трансформации. По справедливому замечанию Т.Е. Васильевой, «...стереотипы общественного сознания, несмотря на внешнюю свою консервативность, обладают весьма подвижной, внутренне мобильной психологической структурой (точнее, психологической реактивностью), способной мгновенно реагировать на малейшие изменения окружающей среды, самого человека или культуры, созданной в результате их взаимодействия» [Васильева 1988: 5].

Материалом для реализации целей первой задачи послужили данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента среди студентов (17–23 лет) высших учебных заведений г. Казани и г. Сыктывкара в 2016 году. Всего было получено 228 анкет (Таблица 1).

Таблица 1

Характеристики испытуемых НАЭ

Регион проведения НАЭ		Республика Татарстан (г. Казань)	Республика Коми (г. Сыктывкар)
характеристики респондентов	национальность	татары	коми (зыряне)
	количество		
	стимулов	2	2
	всего анкет	123	105
пол	мужчин	59	54
	женщин	64	51
национальность	коми или татары	121	93
	русские+коми	-	12
	русские+татары	2	-
родной язык	коми/татарский	103	48
	русский+коми	-	20
	русский+татарский	2	-

Материал экспериментального исследования сопоставляется с результатами работ по изучению русского национального характера/менталитета, выполненных в Республиках Коми и Татарстан (работы В.М. Бызовой [1997], Ю.П. Шабаева, В.М. Пешковой [1997], Е.А. Айбабиной, Л.М. Безносиковой [2012], Р.Р. Додиной [2012]), что позволяет достигнуть целей второй задачи.

Для анализа ассоциативных полей слов-стимулов «Русские всегда (Что делают?), «Русские, какие они (дайте несколько определенных типичных черт)?» был использован метод полевой стратификации, предложенный И.А. Стерниным, А.В. Рудаковой [2011]. Согласно данному методу содержание ассоциативных полей представлено совокупностью ассоциатов с индексом яркости (далее ИЯ), который

вычисляется «как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых» [Стернин, Рудакова 2011: 101]. Применительно к данному исследованию ИЯ позволит выявить актуальные гетеростереотипные представления о русских. При выделении нескольких тематических групп в ассоциативных полях слова-стимула (вопроса) «вычисляется также совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение» [Стернин, Рудакова 2011: 101] ассоциатов, что позволяет ранжировать тематические группы по критерию «ядерные/периферийные». Полевая стратификация также применима для определения наиболее/наименее значимых черт и характеристик изучаемого этноса. Вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой определим «количественные параметры отнесения когнитивных признаков к разным зонам поля: ядро – наиболее частотный (рекуррентный) признак или признаки, но имеющий индекс яркости не менее 0,12-0,15, ближняя периферия – ИЯ 0,10-0,04 дальняя периферия – ИЯ 0,03-0,02 крайняя периферия – яркость 0,01 и ниже (то есть один процент испытуемых и менее объективировал этот признак)» [Стернин, Рудакова 2011: 126].

Результаты исследования

Качественный анализ ассоциативных полей

Рассмотрим ассоциативное поле (далее АП) «Деятельность», которое формируется из реакций татар и коми на слово-стимул «Русские всегда (Что делают?)». В рамках данного ассоциативного гештальта можно выделить несколько тематических подгрупп: «деятельность, необходимая для удовлетворения общечеловеческих потребностей», «деятельность, которая определяется национальнормами поведения», «досуговая деятельность», «профессионально-ориентированная деятельность», «деятельность в семейно-бытовой сфере», «коммуникативное поведение». В рамках деятельности, необходимой для удовлетворения общечеловеческих потребностей, русские, по мнению татар и коми, всегда *живут* (Т-0,016, К-0,019) и *едят* (Т-0,024, К-0,019), а коми добавляют, что еще *думают* (К-0,019) и *спят* (К-0,019). Тематическая подгруппа «деятельность, которая определяется национальными нормами поведения», согласно суммарному индексу яркости, занимает ядерную зону в АП Татар (СИЯ=0,17), и зону ближней периферии в АП Коми (СИЯ=0,046). Татары и коми особо подчеркивают желание русских *помогать* (Т-0,016, К-0,028), *помогать друг другу* (Т-0,016, К-0,019), а также сходятся во мнении, что русские всегда *побеждают* (Т-0,016, К-0,038). Коми (зыряне) дополняют образ народа-победителя образом народа-защитника, который *защищает* (Родину, страну) (К-0,019), *защищает своих* (К-0,019), *воюет* (К-0,028) и *добывается своего* (К-0,019). Гетеростереотипы досуговой деятельности почти ничем не отличаются: русские всегда *пьют* (Т-0,08, К-0,047), *веселятся* (Т-0,048, К-0,038), *гуляют* (Т-0,03, К-0,028), *поют* (Т-0,048, К-0,028) и *отдыхают* (Т-0,024), причем в Республике Коми *отдыхают* (больше, хорошо) (К-0,028) и *танцуют* (К-0,019), а также *дерутся* (К-0,019). Тематическая подгруппа «профессионально-ориентированная деятельность» представлена одной яркой реакцией в АП Татар и Коми – *работают* (Т-0,11, К-0,15). Данный ассоциат относит всю тематическую подгруппу к числу ядерных в АП коми и к числу подгрупп из зоны ближней периферии в АП татар. Таким образом, рекуррентным признаком деятельности

русских является их постоянная занятость работой. О поведении русских в семейно-бытовой сфере имеют представления только татары, которые сообщают, что русские всегда *спешат* (Т-0,024) и *заняты* (Т-0,016). Коммуникативное поведение отличается противоречивостью. С одной стороны, русские *ругаются* (Т-0,024, К-0,038) или, как уточняют коми, *ругаются матом* (К-0,019) и *жалуются* (К-0,019), *жалуются (на страну, на власть)* (Т-0,024), с другой – *смеются* (К-0,016), причем, как утверждают татары, *много смеются* (Т-0,016) и *радуются* (К-0,019), *радуются жизни* (Т-0,024). Татары дополняют, что русские всегда *недовольные* (Т-0,024), *ворчат* (Т-0,016), *обманывают* (Т-0,016), *разговаривают* (Т-0,016), *много разговаривают* (Т-0,016) и особенно *разговаривают на русском языке* (Т-0,016), а коми видят русских всегда *улыбающимися* (К-0,019). Несколько представителей автохтонного населения Республики Татарстан не находят отличительных черт в деятельности русских (реакции: *тоже(,)что и обычные люди* (Т-0,016), *что-то делают* (Т-0,016)), что демонстрируют поверхностный, неточный характер гетеростереотипов. Коми, в свою очередь, отмечают достаточно своевольное поведение русских (реакция *делают(,)что хотят* (К-0,019)).

Ассоциативное поле «Национальный характер» формируется из реакций татар и коми на слово-стимул (вопрос «Русские, какие они? (дайте несколько определенных типичных черт)»). В рамках рассматриваемого ассоциативного поля можно выделить только две тематические подгруппы: «антропологические характеристики» и «описание этноса, черт национального характера». Представления татар и коми о национальном характере русских совпадают в значительной степени (всего 238 одинаковых реакций). Чаще всего респонденты называли русских *добрыми* (Т-0,16, К-0,11), *сильными* (Т-0,065, К-0,10), *сильными духом* (Т-0,024, К-0,028) и *веселыми* (Т-0,08, К-0,10), причем татары возводят доброту русских в ранг типических характеристик (Ср.: реакция татар относится к ядру АП, а реакция коми – к ближней периферии АП), при этом стоит отметить амбивалентный характер гетеростереотипа (оппозиция *злые* (Т-0,056) в АП Татар). Респонденты единодушно отмечают, что русские *смелые* (Т-0,04, К-0,04), *бесстрашные* (Т-0,016, К-0,019), *открытые* (Т-0,048, К-0,04), *добродушные* (Т-0,03, К-0,038), однако коми (зыряне) считают изучаемый этнос более *гостеприимным* (Т-0,03, К-0,057), *отзывчивым* (Т-0,024, К-0,057), *патриотичным* (Т-0,016, К-0,057), *честным* (Т-0,016, К-0,04), но *грубым* (Т-0,016, К-0,038), в то время, как татары чаще называют такие качества как, *умные* (Т-0,08, К-0,038), *общительные* (Т-0,065, К-0,038) и *дружелюбные* (Т-0,048, К-0,038). Рассмотрим совпадающие реакции из крайней и дальней периферий АП. Респонденты сообщают, что русские бывают *разными* (Т-0,024, К-0,028), как *верными* (Т-0,024, К-0,019), *простыми* (Т-0,024, К-0,019), *серьезными* (Т-0,016, К-0,019) и *справедливыми* (Т-0,016, К-0,019), так и *активными* (Т-0,016, К-0,019), *шумными* (Т-0,016, К-0,019) и *наглыми* (Т-0,024, К-0,019). Оценочная характеристика представлена атрибутом с положительной коннотацией – *хорошие* (Т-0,016, К-0,028), к которой татары добавляют ассоциат *молодцы* (Т-0,016). Остановимся подробнее на гетеростереотипах каждой группы по отдельности. Большинство опрошенных татар Республики Татарстан уверены в том, что русские ничем не выделяются и представляются *типичными* (Т-0,016), *обычными* (Т-0,016), *русскими* (Т-0,016), *такими же(,)как и все* (Т-0,016). Несколько

респондентов отмечают сходство между татарами и русскими (реакция как *татары* (Т-0,016)). Другие наделяют русский этнос массой положительных характеристик, в число которых входят следующие гетеростереотипы: *уверенные в себе* (Т-0,03), *щедрые* (Т-0,03), *отважные* (Т-0,016), *образованные* (Т-0,016), *целеустремленные* (Т-0,016), *жизнелюбивые* (Т-0,016), *крепкие* (Т-0,016), *верующие* (Т-0,016), *модные* (Т-0,016), *с чувством юмора* (Т-0,016). Русские представляются *деловыми* (Т-0,016), видимо, поэтому всегда *заняты* (Т-0,016) и *спешат* (Т-0,016). Несмотря на внушительное количество положительных гетеростереотипов, нельзя исключить ряд отрицательных качеств. Татары подчеркивают *резкость* (Т-0,016) русских, а также сообщают об их любви к себе (реакция *самолюбивые* (Т-0,016)). Отношение русских к труду отметили только коми (зыряне) (реакция *трудолюбивые* (К-0,038)), однако данный гетеростереотип имеет амбивалентную направленность (реакция *ленивые* (К-0,019) в АП Коми). Один из двух респондентов, отреагировавших ассоциатом *выносливые* (К-0,019), дает пояснение «так как живут на севере», то есть условия проживания способствуют формированию данного свойства характера русских. К положительным характеристикам русских коми (зыряне) относят *настойчивость* (К-0,028), *стойкость* (К-0,028), *терпение* (К-0,028), *душевность* (К-0,019), *здравомыслие* (К-0,019), *вежливость* (К-0,019). Несмотря на то, что русские *доверчивые* (К-0,019), в тоже время они *хитрые* (К-0,019), *самоуверенные* (К-0,019), *прямолинейные* (К-0,019) и *без комплексов* (К-0,019). Титульное население Республики Коми отмечает, что русские *здоровые* (К-0,019). К отрицательным характеристикам относится *вспыльчивость* (К-0,19) и *высокомерие* (К-0,019). Одним из образующих значений АП «Национальный характер» является описание внешности. Татары акцентируют внимание на том, что русские *красивые* (Т-0,04), *светлые* (Т-0,024) и имеют *русые волосы* (Т-0,024), с чем согласны коми (зыряне) через синонимичные реакции: русские *белые* (К-0,019), *со светлыми волосами* (К-0,028).

Сопоставительный анализ

Сопоставим результаты направленного ассоциативного эксперимента с результатами исследований русского национального характера/менталитета, проведенных в Республике Коми и Татарстан. По мнению коми (зырян), типичный русский активный, сильный, самоуверенный, авторитарный, доминирующий, неуступчивый, недостаточно отзывчивый (исследование В.М. Бызовой [1997]), а также хозяйственный, трудолюбивый, культурный, упорный, жизнерадостный, уважающий собственные обычаи и вкусы, упрямый (исследование Ю.П. Шабаева, В.М. Пешковой [1997]). В ходе лингвистического исследования диалектного лексического материала коми языка (работы Е.А. Айбабиной, Л.М. Безносиковой [2012]) было установлено, что русские считались гордыми, важными, красивыми, высокомерными, с чувством собственного достоинства. По данным НАЭ, гетеростереотипные представления коми (зырян) о русских сегодня включают такие характеристики как *активные*, *сильные* (самая частотная реакция), *самоуверенные*, *трудолюбивые*, *высокомерные*, *внешне красивые*, *жизнерадостные*. Бесспорно и такое качество как упорство, так как русские *всегда добиваются своего*. Сегодня русские Республики Коми достаточно *отзывчивые* (данный ассоциат относится к ближней периферии АП (ИЯ=0,057)). Реакция *культурные* отсутствует в АП

коми (зырян), которые к тому же сообщают, что представители изучаемого этноса *всегда ругаются матом и всегда дерутся*. Такие реакции, как *авторитарные, доминантные, неуступчивые, хозяйственные, гордые, с чувством собственного достоинства, важные, упрямые, уважающие собственные обычаи и вкусы*, не обнаружены среди частотных ассоциатов коми (зырян).

В социальном опросе, проведенном Р.Р. Додиной [2012], русские представляются татарам добрыми, щедрыми (хлебосольными), открытыми, радушными, гостеприимными, сердечными, милосердными, ленивыми, несобранными, пьяными. Согласно результатам НАЭ, к типичным чертам русского национального характера, по мнению татар сегодня, относятся *доброта* (ядерная реакция в АП Татар), *щедрость, открытость, гостеприимство и пьянство*. Среди частотных реакций татар отсутствуют такие ассоциаты как радушные, сердечные, милосердные и несобранные. Также не отмечено такое качество как лень, так как русские *всегда заняты, что-то делают, всегда работают*.

Резюме

Сопоставительный анализ АП «Деятельность русских» не только выявил сходные и различные гетеростереотипные реакции двух групп, но и обнаружил этностереотипы, существующие в сознании респондентов только одной группы, что подтверждает положение о влиянии социокультурной среды на формирование содержания образов сознания. Так, татары к этноидентифицирующему признаку русских относят использование родного языка. Образ русского не просто как защитника представителей своего этноса, но прежде всего защитника своей страны, сформирован в сознании коми (зырян). Сопоставление содержания АП «Национальный характер русских» татар и коми показало достаточно большой процент согласованных стереотипных реакций, которые отличаются индексом яркости. Стоит отметить оригинальные характеристики русских, озвученные только одной группой: - татарами: жизнелюбие, образованность, целеустремленность, чувство юмора;- коми (зырянами): выносливость, которая обусловлена северными климатическими условиями, стойкость, терпение, настойчивость, прямолинейность, здравомыслие и отсутствие комплексов. Несмотря на незначительное количество отрицательных реакций в АП двух групп, гетеростереотипы национального характера и поведения русских складываются в основном из положительных характеристик.

Таким образом, мы видим, что выявляемые различия в содержании ассоциативного гештальта могут быть связаны с культурой, языком, территорией, климатическими условиями проживания.

По результатам сопоставительного анализа можно говорить об устойчивости некоторых этностереотипов национального характера и поведения русских. Наряду с устойчивостью стоит отметить изменение степени выраженности отдельных качеств (этностереотип «более отзывчивого, чем раньше русского» в языковом сознании коми) и трансформацию отдельных этностереотипов (отсутствие семы «лень» в ответах татар). Трансформация или исчезновение этнических стереотипов подтверждает слова Т.Е. Васильевой о подвижности структуры стереотипа, способной мгновенно реагировать на малейшие изменения социокультурной среды.

Литература

Айбабина Е.А., Безносикова Л.М. Отражение некоторых этнических стереотипов в коми языке // Филологические исследования на рубеже XX-XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19-21 октября 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. С. 86–89.

Бызова В.М. Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: автореферат дис. ... д. псих. наук. Санкт-Петербург, 1997. 35 с.

Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании: социально-философские аспекты / Т. Е. Васильева. Москва, 1988. 41 с.

Додина Р.Р. Взаимные этнические образы русских, татар и чувашей Татарстана (2008) [Электронный ресурс]. URL: <http://kitap.net.ru/psi/etno-tat-rus.php> (дата обращения 7. 01. 2017).

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. От авторов // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С.9–13.

Каменская О.Л. Три семантики слова // Язык и модель мира. Вестник МГЛУ. 1993. Вып. 416. С. 39–47.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж: Ламберт, 2011. 192 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение (МО) – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики 2008. № 8. С.6–10.

Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Языковое сознание: проблемы и перспективы // В пространстве языка и культуры звук, знак, смысл. сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур. 2010, С. 735–747.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1 (1). С. 102–109.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность // монография. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 251 с.

Шабаетов Ю.П., Пешкова В.М. Русские в Республике Коми // Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 106. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. 21 с.

TATARS AND KOMIS' HETEROSTEREOTYPICAL NOTIONS OF RUSSIANS' NATIONAL CHARACTER AND BEHAVIOR

Anna V. Razumkova

Senior Lecturer of the English Language Department
Tsiolkovskij Kaluga State University
26, St. Stepana Razina, Kaluga, 248002 Russia
razumkova89@mail.ru

In international communication basic stereotypes “we/our – they/others” may cause idealization or disapproval of different ethnos representatives. Therefore, notions about oneself and about one’s ethnic neighbors can be significant in the choice of tactics for international communication. The current study analyzes the image of “the Russians” in the language consciousness of culture bearers, namely, Komis and Tatars. The study comprised a directed associative experiment within one social group, students, aged from 17 to 23, in the Republics of Komi and Tatarstan in 2016. The research was aimed at studying tatars’ and komis’ hetero-stereotypical notions about national character and behavior of Russians’ and their behavior, as well as studying the changes in the content of the Russians ethnic image from 1997 to 2016, to discover stable stereotypes and/or their transformation. To process the obtained associative fields, a method of field stratification developed by I. A. Sternin and A. B. Rudakova, was used. The results of the experiment prove that the differences in the content of the associative gestalt may be related to culture, language, territory, and weather conditions. We may ascertain the stability of some ethno stereotypes of the national character and behavior of Russians of the republics in question. It is worth mentioning that there are some changes in the degree of manifestation of certain qualities and transformation of some stereotypes.

Keywords: language picture of the world, ethnic/national picture of the world, image of the world, directed associative experiment, method of field stratification, the index of brightness

References

Ajbabina, E.A., Beznosikova, L.M. (2012) Otrazhenie nekotoryh jetnicheskikh stereotipov v komi jazyke [The reflection of Some Ethno Stereotypes in the Komi language]. *Filologicheskie issledovanija na rubezhe XX-XXI vekov: tradicii, novacii, itogi, perspektivy* [Philological Research at the Turn of 20-21st Centuries: Traditions, Innovations, Results, Perspectives]. *Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii (19-21 oktjabrja 2011 g., Syktyvkar)* [Letters of All-Russia Scientific Conference, October 19-21], 86–89. Syktyvkar. Print. (In Russian).

Byzova, V.M. (1997) Psihologija jetnicheskikh razlichij: problemy mentaliteta, otnoshenij, ponimanija [Psychology of Ethnic Differences: Issues of Mentality, Relations, Understanding]: *Doct. Diss. Saint-Petersburg*. 35 P. Print. (In Russian).

Vasileva, T.E. (1988) Stereotipy v obshhestvennom soznanii: social’no-filosofskie aspekty [Stereotypes in Social Consciousness: Social and Philosophical Aspects]. *Moscow*. 41 P. Print. (In Russian).

Dodina, R.R. (2008) Vzaimnye jetnicheskie obrazy russkikh, tatar i chuvashaj

Tatarstana [Reciprocal Ethnic Images of Russians, Tatars, Chuvashes of the Republic of Tatarstan] URL: <http://kitap.net.ru/psi/etno-tat-rus.php> (retrieval date 07. 01. 2017). Web. (In Russian).

Zalijnjak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005) Ot avtorov [Authors' Notes]. Zalijnjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Ključevye idei russskoj jazykovoju kartiny mira [Key Ideas of the Russian Language Image of the World], 9-13. Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury. Print. (In Russian).

Kamenskaja, O.L. (1993) Tri semantiki slova [Three Semantics of the Word]. Jazyk i model' mira [The Language and the Model of the World] 416: 39-47. Moscow: Vestnik MGLU. Print. (In Russian).

Kobozeva, I.M. (2000) Lingvističeskaja semantika [Linguistic Semantics]: A Textbook. Moscow: Jeditorial URSS. 352 P. Print. (In Russian).

Serebrennikov, B.A., Kubrjakova, E.S., Postovalova, V.I. (1988) Rol' čelovečeskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [Human Factor in the Language: Language and the World Picture]. Moscow: Nauka. 216 P. Print. (In Russian).

Sternin, I. A., Rudakova, A.V. (2011) Psiholingvističeskoe značenie slova i ego opisanie [Psycholinguistic Meaning of the World and its Interpretation]. Voronezh: Lambert. 192 P. Print. (In Russian).

Tarasov, E.F. (1996) Mezhkul'turnoe obščhenie (MO) – novaja ontologija analiza jazykovogo soznanija [Cross-cultural Communication – a New Ontology of the Language Consciousness Analysis]. Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija [Ethno-cultural Specificity of the Language Consciousness], 7-22. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. Print. (In Russian).

Tarasov, E.F. (2008) Obraz mira [The Image of the World]//Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 8: 6–10. Print. (In Russian).

Tarasov, E.F., Ufimceva, N.V. (2010) Jazykoe soznanie: problemy i perspektivy [Language Consciousness: Problems and Perspectives]. V prostranstve jazyka i kul'tury zvuk, znak, smysl [In the Space of Language and Culture: Sound, Sign, Sense]. A Collection of articles to commemorate the 70th anniversary of V.A. Vinogradov, 735-747. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. Print. (In Russian).

Ufimceva, N.V. (2003) Jazykoe soznanie kak otobrazhenie jetnosociokul'turnoju real'nosti [Language Consciousness as the Ethnic Reality Reflection]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 1 (1): 102–109. Print. (In Russian).

Ufimceva N.V., (2011) Jazykoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language Consciousness: Dynamics and Variability (Monograph)]. Moscow, Kaluga: Institut jazykoznanija RAN. 251 P. Print. (In Russian).

Šabaev, Ju.P., Peshkova, V.M. (1997) Russkie v Respublike Komi [The Russians in the Republic of Komi]. Issledovanija po prikladnoj i neotložnoj jetnologii [The Research on Applied and Emergent Ethnology]106. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN. 21 P. Print. (In Russian).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'33

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-150-166

ПРОЕКТ

«ФРАНЦУЗСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ 2.0»

Дебрени Мишель

доктор филологических наук
профессор Новосибирского национального
государственного университета
micheledebrenne@gmail.com

В статье представлен новый виток создания ассоциативного словаря французского языка. Коллектив, работающий в этой области с 2007 г., намеревается извлечь уроки из предыдущего опыта, исправить некоторые недостатки и привлечь новый языковой материал. Так, список стимулов, состоящий только из существительных, прилагательных и глаголов, составлен с использованием новейшего словаря частотности французского языка. Омонимию и полисемию стимулов решено не разграничивать в виду невозможности предусмотреть все случаи их проявления. Разработан инновационный метод сбора экспериментальных данных, позволяющий заинтересовать испытуемых и визуализировать их ответы. Для этого предложены решения полуавтоматической обработки полученного материала, включая лемматизацию и сведение фразеологических единиц к единому инварианту. Полученный таким образом обратный словарь верно отражает ассоциативные отношения лексики современного французского языка. Использование современных технологий цифровой гуманитаристики позволит в максимально автоматизированном виде собрать и обработать большие массивы данных, сопоставить их с ранее полученными, визуализировать результаты. В статье также предложен список стимулов нового словаря и образец статьи для сайта с анализом ассоциативного поля стимула **fête** (праздник).

Ключевые слова: экспериментальные методы, ассоциативные словари, французский язык, большие данные

1. Предыстория проекта

Исследование ассоциативных норм французского языка ведется с 2006 года, когда был запущен первый проект создания словаря. Совместно с коллективом из Новосибирского государственного университета над данным словарем работали профессор университета Париж-3 Клод Фрей и Мари-Анник Морель. Концепция словаря во многом повторяла взятый за образец Русский ассоциативный словарь, в связи с чем опрашивались только студенты, но были и некоторые отличия от русского эксперимента:

- из-за отдаленности исследователей от испытуемых было решено проводить ассоциативный эксперимент не в письменном виде в присутствии экспериментатора, а посредством Интернета: испытуемым предлагалось посетить страницу (на сайте НГУ) и внести свою реакцию на появившиеся один за другим 100 стимулов (подобранных случайным образом из списка в 1100 полных слов);

- в связи с тем, что один из участников проекта, г-н Клод Фрей, является специалистом по лексикологии и лексикографии французского языка в Африке, в список стимулов было внесено 100 слов, имеющих особый потенциал в сопоставительном плане. Например, существительное *boubou*, обозначающий африканское традиционное женское платье, большинством респондентов из Франции было воспринято как бессмысленный набор звуков, звукоподражание или имя персонажа из японского аниме. К сожалению, до настоящего времени не удалось собрать сколько-нибудь значительный языковой материал из франкоязычной Африки.

Результатами данного проекта, выполненного с финансовой поддержкой международного гранта № 08-04-9504/а/чел «Сопоставительный анализ языкового сознания французов РГНФ – «Дом наук о человеке», были проведение международной конференции, публикация прямого и обратного Французского ассоциативного словаря (далее ФАС 2010) и создание сайта. Материал из ФАС активно используется в России, в основном в сопоставительных исследованиях.

Тем не менее, мы считаем, что словарь имеет определенное количество недостатков, которые будут изложены ниже и которые послужили стимулом для появления нынешнего проекта.

Вторым крупным проектом в области изучения ассоциативных норм французского языка было создание «Словаря Ассоциативных норм Франкофонии». Его появление было спровоцировано спором вокруг ассоциативных словарей с точки зрения неогумбольдтианства и отрицательным восприятием ФАС во Франции [Дебрэнн 2012]. Авторы задались целью проверить, в какой мере ассоциативные нормы определяются самим языком или социолингвистическим окружением.

Был проведен небольшой эксперимент (на основе списка стимулов из 100 слов) во Франции и во франкоязычных регионах Бельгии, Швейцарии и Канады. Использовалась технология google-опросников, респонденты были людьми любых возрастов и профессий. Несмотря на то, что так и не удалось набрать 500 ответов в Швейцарии, количество полученного материала позволило исследователям прийти к определенным выводам и разработать методику сопоставления данных из разных ассоциативных словарей. Этому способствует разработанный сайт, на котором можно увидеть не только списки реакций в тех или иных зонах, но автоматически получить подсчеты сопоставлений реакции среди респондентов Франции, Бельгии, Швейцарии и Канады. Сайт (<http://dictaverf.nsu.ru>) постоянно совершенствуется и предоставляет возможность визуализировать полученные результаты.

На материале ФАС и САНФ бакалаврами и специалистами НГУ был подготовлен ряд выступлений на научных конференциях, были защищены ВКР на следующие темы:

Столярова Е. П. Сопоставление ядер языкового сознания носителей русского, английского и французского языков на материале ассоциативных тезаурусов. НГУ, 2013.

Мусий Я. М. Региональная вариативность во французском ассоциативном словаре. НГУ, 2015.

Скуковский А. Е. Омонимия и полисемия во французском ассоциативном словаре. НГУ, 2015.

Маркова Е. А. Взаимоотношение формы проведения свободного ассоциативного эксперимента и его результата. НГУ, 2016.

Бурина А. С. Сопоставительный анализ ассоциативных полей у носителей французского языка и франко-русских билингвов. НГУ, 2017.

Давыдова Л. А. Сопоставительный анализ ассоциативных полей носителей русского языка и франко-русских билингвов. НГУ, 2017.

2. Суть проекта «Французский ассоциативный словарь 2.0»

Команда проекта: М. Дебрэнн, профессор Новосибирского национального государственного университета, Романенко Алексей Анатольевич, кандидат технических наук, доцент Новосибирского национального государственного университета. Отдельные аспекты разработки сайта и обработки данных выполняются французскими стажерами из инженерной школы EISTI.

2.1 Причины появления нового проекта

1. Прошло 10 лет со времени первых ассоциативных экспериментов с французским языком. И хотя для языка это время небольшое, мы считаем необходимым посмотреть в динамике, что устойчиво в ассоциациях, что – нет.

2. У коллектива накоплен некоторый опыт в сборе данных для ассоциативных словарей (на основе технологии, разработанной для ФАС, впоследствии были созданы Сибирская ассоциативная база, Ассоциативный словарь якутского языка) и в обработке полученного материала, в том числе в визуализации полученных результатов.

3. В самой концепции ФАС и в его реализации выявились ошибки, от которых хотелось бы избавиться в новом словаре. Например, были предложены некоторые способы преодоления омонимии и полисемии среди стимулов, которые себя не оправдали [Дебрэнн 2016]. Из-за неправильного учета диакритических знаков в бумажном варианте ФАС нарушен алфавитный порядок подачи реакции и т.д.

4. При создании ФАС и САНФ не были использованы данные частотного словаря французского языка Лонсдейла и ЛеБра [2009], поскольку ко времени первого эксперимента, он еще не было опубликован, а второй эксперимент был основан на первом с более скромным списком стимулов.

5. Необходимо учитывать существование родственных проектов:

а. В 2007 г. начат проект М. Лафуркада [2015] «Игры со словами», в котором на один стимул требуется несколько ассоциаций. В основу проекта заложены 150000 лексических единиц (стимулов), в результате «игровой» деятельности опрошенных было выявлено 33 миллиона лексико-семантических единиц и 850000 реакций. Результатом анализа полученных результатов является лексическая сеть, в которой определены около 100 двухсторонних лексических отношений (напр., летать: агенс / птица), и которая используется далее в системах автоматической обработки текстов. На данный момент авторы используют созданную сеть для анализа лексики выражения чувств. Основанная на лексических ассоциациях, концепция проекта М. Лафуркада все же сильно отличается от концепции, принятой в русской психолингвистической школе. Правила (очень сложной) игры предписывают участнику:

- За отведенную минуту дать как можно больше ассоциаций;

- Дать ассоциации, которые совпадают с ассоциациями других «игроков»;
- Но при этом стремиться дать наиболее «оригинальные» ассоциации.

b. Проект *A small world of words* Университета Лейвена – «классический» проект ассоциативного словаря, в нем есть и французский, и русскоязычный блоки [De Deyne S., Storms G. 2008]. На данный момент в эксперименте приняло участие менее 1000 франкоязычных респондентов, что существенно снижает достоверность полученных результатов.

c. Проект А. Полгера по созданию «Лексической сети французского языка».

Желательно воспользоваться возможностями цифровой гуманитаристики, «больших данных» и краудсорсинга. В настоящее время лингвистические исследования делаются не на основе тысяч, а десятков тысяч примеров с автоматической обработкой и визуализацией результатов. Для этого необходимо изменить способ сбора материала.

2.2 Принципы создания ФАС 2.0

1. Список стимулов из 1000 слов. При успешном развитии проекта и достижения необходимого количества ответов на каждый стимул (не менее 500) допустима замена их на новые слова, выбранные из выявленного ядра, по принципу тезауруса русского языка и/или стимулы, присутствовавшие в ФАС, но не оказавшиеся частотными по данным словаря Лонсдейла 2009 (см. ниже).

2. В список включать только существительные, прилагательные, глаголы. Такие частотные наречия, как *bien* (хорошо, добро), *mal*, (плохо, зло), *rien* (ничего, мелочь) – попадают в список стимулов благодаря омонимии с существительными.

3. Омонимию и полисемию стимулов оставить (*un page/une page* паж/страница, *un voile/une voile* вуаль/парус *tendre* нежный/протягивать, *pièce* комната/пьеса/монета/и др.), поскольку нет возможности разграничить все случаи полисемии или омонимичности [Дебрэнн 2016]. По это же причине некоторые стимулы могут быть восприняты испытуемыми не как существительные, прилагательный или глаголы, но как другие части речи (*or* золото/однако, *ton* тон/твой и др.)

4. Список стимулов составить на основе частотного словаря французского языка Лонсдэйла и ЛеБра. Напомним, что при составлении ФАС мы сталкивались с отсутствием достойного словаря частотности для французского языка. Имеющиеся словари были старыми (1924, 1970 или 1981) и основанные на небольшом корпусе. Поэтому мы тогда, по совету французских участников проекта, остановились на списке, рекомендованном министерством образования Франции. Словарь Лонсдэйла создан на основе компьютерной обработки корпусов из 23 миллиона слов не старше 1950 года, в равной степени в устной и в письменной форме. Устный материал (11,5 миллиона словоупотреблений) представлен в виде транскрипции парламентских дебатов, слушаний, телефонных разговоров, интервью с представителями различных сфер общественной жизни, а также сценариев фильмов, пьес. Письменный материал для составления словаря (также 11,5 миллиона) взят из публицистики и документальных эссе. Художественная литература в нем не представлена. При сравнении со списком стимулов, использованных в ФАС, мы находим 611 совпадений, то есть чуть больше половины слов (см. список стимулов в Приложении №1). Среди 100 первых, наиболее

частотных, слов по данным этого словаря, 95 были в списке стимулов ФАС, хотя не обязательно с таким же рангом по частотности, а список стимулов, использованный для создания САНФ совпал с новым списком в 95 случаях из ста.

5. Методика сбора материала. Как и в случае предыдущих словарей ФАС и САНФ, мы предлагаем проводить психолингвистический эксперимент по интернету. Наши исследования показали [Маркова 2016], что форма проведения свободного ассоциативного эксперимента (бумажный опросник, Google-опросник, специальный интерфейс на сайте) практически не влияет на полученные словарные реакции. Однако, учитывая сложности, с которыми сталкивались в первых экспериментах, когда поиск адресов, по которым разослать ссылку на опросник, занимал очень много времени и имел среднюю эффективность в 5% (по пять ответов на 100 адресов), мы предполагаем создать привлекательный сайт и продвигать его среди опрашиваемых как развлекательно-познавательный. Для этого вводятся следующие элементы:

- каждому опрошенному предлагается максимум 25 стимулов;
- после прохождения анкетирования испытуемый сразу видит:
- как соотносятся его ответы с общим массивом ответов;
- как ответили остальные испытуемые на те стимулы, которые ему попались

(в виде облаков тэгов).

Для начала, для получения статистических данных можно использовать материалы из словарей ФАС и САНФ по тем стимулам, которые совпадают. Потом можно будет постепенно использовать данные из нового эксперимента.

5. Анкетные требования к испытуемым сведены к минимуму: пол, возраст, страна проживания, родной язык, владение другими языками. Последний вопрос связан с тем, что мы хотим понять, в какой мере билингвизм-плюрилингвизм респондентов влияет на их ассоциативные нормы. Поскольку формуляр без заполненной анкетной части не действителен, его следует разместить до начала проведения эксперимента, а не после. Подобная ошибка была допущена при составлении САНФ, что привело к необходимости отбраковать большое количество формуляров, заполненных не до конца.

6. Собранный материал сохранять в двух видах: сырой материал (для архива) и нормализованный (о необходимости нормализации полученного материала см. [Дебрэнн 2016]).

7. Для получения большого количества ответов необходимо применять активные методы продвижения сайта с помощью различных социальных сетей. Для этого предполагается поддерживать интерес участников и регулярно выкладывать короткие заметки (на французском языке) по различным аспектам ассоциативных словарей (по примеру проекта изучения диалектных особенностей французского языка (<https://francaisdenosregions.com>). На основе уже опубликованного материала по ассоциативным словарям, можно предложить следующие заметки (см. в Приложении №2 пример такой заметки):

- Отдельные ассоциативные поля, напр. *langue* (язык); *ami* (друг); *passer* (проходить); *noir* (черный); *maison* (дом); *jeune* (молодой); *vieux* (старый); *vie* (жизнь); *mort* (смерть); *liberté* (свобода); *fête* (праздник); *musique* (музыка); *cuisine* (кухня); *maladie* (болезнь) и т.д.;

- Сопоставление ассоциативных норм в Франкофонии (Франция, Бельгия, Швейцария, Канада);
- Исследование реакций на отдельные слова с визуализацией:

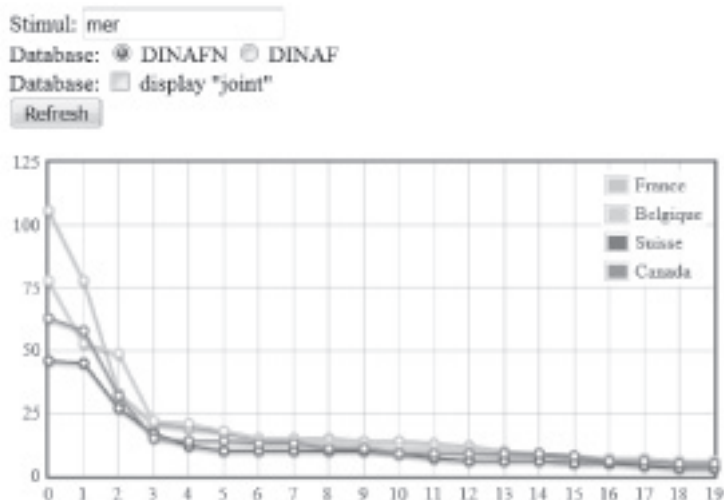

Рис.1 Сопоставление реакций респондентов из Франции, Бельгии, Швейцарии и Канады на стимул **mer** (море).

- Сравнение ядра языкового сознания и наиболее частотных реакции носителей французского языка в разных зонах франкофонии;
- Обзор отдельных забавных явлений, таких, как опечатки и орфографические ошибки респондентов, культурные аллюзии и прецедентные имена, игры слов и каламбуры, гендерный и региональный аспект ассоциативных исследований.

Заметки предполагают интерактивное общение с читателями, в них содержатся вопросы о том, как интерпретировать ту или иную непонятную реакцию, как, например, реакция *heure* (час) или *monde* (мир) на стимул *fête* (праздник).

2.3 Автоматическая обработка полученного материала

Как следует из вышеизложенного, проект предполагает вовлечение большого количества респондентов, что сразу ставит вопрос об обработке полученных данных, тем более что испытуемый должен получать визуализацию своих реакций. Ручная обработка материала нереальна, поэтому нужно разработать наиболее эффективный способ автоматической обработки максимально большого объема материала. Ниже перечислены некоторые принципы предполагаемой обработки. При этом, система автоматически хранит и не переработанный материал в том виде, в котором респондент его ввел в опросник, что важно для решения большого числа научных задач по девиатологии [Дебрэн 2010] или сопоставления парадигматических и синтагматических тактик реагирования [Морель, Арсенева 2011]:

1. При вводе данных нельзя использовать предиктивный способ ввода текста (как в большинстве интернет-поисковиков), поскольку это может влиять

на спонтанность реакций испытуемого. Поэтому мы полагаем, в тех случаях, когда ответ респондента не проходит внутреннюю орфографическую проверку, предложить испытуемому исправить эти реакции перед тем, как получить визуализацию результата. Например, если была дана реакция без диакритических знаков *eleve*, предложить исправить, или выбрать среди вариантов *élève* (ученик) или *élevé* (возвышенный). Также важно просить проставить заглавные буквы перед собственными именами. В любом случае у испытуемого должна быть возможность оставить слово без изменений. Отметим, что именно по такому пути идет проект М. Лафуркада, в котором испытуемому предлагается выбор между значениями многозначного слова (см. рис. 2):

Рис.2. Скриншот языковой игры «Jeux de mots». Программа предлагает испытуемому отметить, в каком именно значении он предлагает реакцию *trou* на стимул **creuser** (копать). У испытуемого есть также возможность не уточнять или отказаться от реакции.

2. Последующая обработка: для максимальной сборки реакции предлагается:
  - убрать все артикли, предлоги перед ответом (или словосочетанием);
  - использовать проверку орфографии с учетом контекста, где стимул и другие ответы, ранее данные на данный стимул, служат контекстом.
  - использовать только новую орфографию. Поскольку реформа, проведенная в 1981 году, является разрешительной, такие варианты, как *disparaître* и *disparaitre* (исчезать) в одинаковой мере допускаются, но в итоговом корпусе все варианты сводятся к одному, в новой орфографии;

- для ответов, состоящих из одной лексемы (за вычетом артиклей, предлогов и др.) следует проводить лемматизацию: сводить все прилагательные к форме мужского рода единственного числа, к форме единственного числа для существительных, к инфинитиву для глаголов;

- для ответов, состоящих из нескольких слов (всякого рода прецедентных текстов), сводить разнообразные словосочетания к одному напр. при стимуле **main** сводить все ответы типа *la main dans la main, dans la main, main dans la main* (рука об руку) и др. к одному, наиболее частотному, варианту. Для этого следует создать соответствующую систему правил, для чего можно использовать ранее собранные данные ФАС и ДИНАС.

Таким образом, не поддающимися автоматической обработке останется небольшое количество реакций, среди которых – собственные имена. Их можно оставить для ручной обработки участниками проекта.

3. Оценка потенциала проекта

Проект имеет смысл только в том случае, если он привлечет большой объем языкового материала. Для того, чтобы получить необходимый минимум в 250 ответов на каждый стимул, при 25 стимулов в анкете, необходимо привлечь 10 000 респондентов, что при современных интернет- технологиях не представляет больших технических сложностей, однако может быть весьма затратным по времени. Мы надеемся, что сможем убедить коллег из партнерских университетов размещать информацию о нашем проекте на своих сайтах с тем, чтобы привлечь к нему как можно больше внимания.

Выводы

Несмотря на то, что метод, который мы предлагаем для сбора ассоциаций, слегка отличается от того, что было в предыдущих наших проектах, главным образом тем, что мы предполагаем ограничиться 25 стимулами на каждую анкету, и хотим привлечь испытуемых мгновенным анализом их «ассоциативного профиля», мы все же считаем, что проект «Французский ассоциативный словарь 2.0» сохраняет преемственность со словарями ФАС и САНФ.

На сайте проекта собранный материал будет собран в виде прямого и обратного словаря, ядро языкового сознания (или, по нашей терминологии, суперконнекторы) будет вычисляться автоматически, также, как и всякая статистика по индивидуальным анкетам. В дальнейшем будет предложена полуавтоматическая разметка полученного материала (часть речи, фразеологические единицы, прецедентные феномены), что позволит решать разнообразные исследовательские задачи.

Наиболее значимые публикации в рамках проекта

Блументаль П. Специфическая совместная встречаемость лексем во франкоязычной прессе Франции и Африки (пер. М. Дебрэнн) // Вестник Новосибирского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2011. Том 9. Вып.1. С. 62-72.

Дебрэнн М. Ассоциативные нормы франкофонии // Язык и культура в условиях интернационализации образования. Международная конференция, посвященная 15-летию ФИЯ НГУ. Новосибирск, 2014. С. 148-158.

Дебрэнн М. Собственные имена во французском ассоциативном словаре //

Вестник Новосибирского университета. Серия История, филология, Том 14. Вып. 9. 2015. С.162-168.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь как отражение языкового сознания современных французов // Вестник Новосибирского университета. Серия Психология. Т.4. Вып.1. 2010. - С. 64-69.

Дебрэнн М. Ассоциативный словарь и перевод // Проблемы межкультурной коммуникации. Материалы международного научно-практического семинара «Россия и Европа: как подобрать слова?» (Кемерово, 30 апреля 2009 года). Томск, 2009. С. 15-20.

Дебрэнн М. Ассоциативный словарь как отражение наивных представлений о языке // Международная научная конференция «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика». Кемерово 2008. С. 62-68.

Дебрэнн М. Исследование ассоциативных норм французского языка // Вестник Новосибирского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т.6. - Вып. 2. - 2008. - С. 78-83.

Дебрэнн М. Неогумбольтианство и ассоциативные словари // Вестник Новосибирского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 10. Вып 2. 2012. С. 77-86.

Дебрэнн М. Собственные имена во Французском Ассоциативном Словаре (часть 2) Вопросы психолингвистики. Вып. 2 (12). 2010. С. 176-183.

Дебрэнн М. Типичные ошибки носителей французского языка (на примере необработанного материала для французского ассоциативного словаря) // Вестник Новосибирского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т.8. Вып 2. 2010. С.86-92.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь Т. 1. От стимула к реакции. Изд. 2. Новосибирск, 2011. 252 с.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь Т. 2. От реакции к стимулу. Изд. 2. Новосибирск, 2011. 449 с.

Дебрэнн М. Этапы создания французского ассоциативного словаря // Язык и сознание: психолингвистические аспекты / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. Москва, Калуга, 2009. С.192-199.

Дебрэнн М., Романенко А. А. Техническое обеспечение психолингвистического эксперимента для составления французского ассоциативного словаря // Вестник Новосибирского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 7 (Вып. 2) 2009. С.97-102.

Дебрэнн М. Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики. 2016, №1 (27). С.76-89.

Жельвис В. И. “Грубый” / Rude: опыт лингвокультурного русско-англо-французского сопоставительного анализа // Вестник Новосибирского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». Т.9 (вып.1). 2011. С. 28-41.

Морель М.-А., Арсеньева, В. А. Синтаксис и застывшие формы. Морфосинтаксические закономерности свободных ассоциаций в эксперименте по созданию «Ассоциативного словаря французского языка» (пер. соавтора А. В. Арсеньевой) // Вестник Новосибирского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». Том 9 (вып.1). 2011. С.83-92.

Ракка П. И Семантическое описание лексики: как эффективно помочь

интуиции? Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 9. № 2. 2011. С. 96-120.

Фрей К. Слово *politique*: от словарной дефиниции к ассоциативному словарю (пер. М. Дебрени) // Вестник Новосибирского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 9 (вып.1). 2011. С.73-82.

Debrenne M., Frey C., Morel M. A. L'étude des champs associatifs du français : création d'un dictionnaire des normes associatives // Congrès Mondial de Linguistique Française - CMLF'08 Durand J. Habert B., Laks B. (éds.) ISBN 978-2-7598-0358-3, Paris, 2008, Institut de Linguistique Française PP. 1119-1127.

Debrenne M., Ufimceva N. L'apport des dictionnaires d'associations lexicales aux études de sémantique // Syntaxe et sémantique. N° 12. 2011. PP. 121-137.

Debrenne M. La création du dictionnaire des associations verbales du français // Congrès Mondial de Linguistique Française. CMLF'10 PP. 1663-1673

Debrenne M. La psycholinguistique en Russie et les dictionnaires d'associations évoquées par les mots // Revue française de linguistique appliquée. Vol. XXII. 2017. PP. 75-88

Debrenne M. Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications // Variétés, variations et forme, Palaiseau : Editions de l'Ecole Polytechnique 2011, PP. 355-366.

Debrenne M. Variabilité diatopique des associations évoquées par les mots en Francophonie // Congrès Mondial de Linguistique Française Tours 4-8 juillet 2016 CMLF-16 DOI 10.1051/shsconf/20162703002

Приложение №1

Список стимулов для ФАС 2.0

В скобках указан ранг данной словоформы в словаре Лонсдейла, из 5000 слов. Жирным шрифтом выделены стимулы, совпадающие в ФАС и ФАС 2.0

être 5; **avoir** 8; **pouvoir** 20; **faire** 25; **mettre** 27; **dire** 37; **devoir** 39; **prendre** 43; **donner** 46; **bien** 47; **fois** 49; **nouveau** 52; **aller** 53; **premier** 56; **vouloir** 57; **grand** 59; **temps** 65; **savoir** 67; **falloir** 68; **voir** 69; **raison** 72; **monde** 77; **jour** 78; **demander** 80; **trouver** 83; **personne** 84; **rendre** 85; **part** 86; **dernier** 87; **passer** 90; **suite** 93; **bon** 94; **comprendre** 95; **point** 97; **heure** 99; **rester** 100; **seul** 101; **année** 81; **tenir** 104; **porter** 105; **parler** 106; **fort** 107; **montrer** 108; **certain** 110; **fin** 111; **continuer** 113; **pays** 114; **penser** 116; **lieu** 117; **partie** 118; **suivre** 120; **côté** 123; **ensemble** 124; **chose** 125; **enfant** 126; **cause** 127; **politique** 128; **place** 129; **vie** 132; **connaitre** 133; **croire** 135; **homme** 136; **cas** 137; **petit** 138; **commencer** 139; **compter** 140; **fait** 141; **droit** 143; **question** 144; **général** 147; **moment** 148; **entendre** 149; **jeune** 152; **travail** 153; **femme** 154; **attendre** 155; **remettre** 156; **appeler** 157; **permettre** 158; **occuper** 159; **gouvernement** 160; **devenir** 162; **partir** 163; **décider** 165; **rien** 168; **cours** 169; **affaire** 170; **nom** 171; **famille** 172; **effet** 173; **arriver** 174; **possible** 175; **servir** 177; **mois** 178; **sembler** 180; **besoin** 183; **revenir** 184; **moyen** 186; **groupe** 187; **problème** 188; **rapport** 189; **vue** 191; **laisser** 196; **ordre** 197; **recevoir** 199; **répondre** 200; **vivre** 201; **long** 202; **service** 203; **ministre** 204; **face** 205; **rappeler** 208; **présenter** 209; **accepter** 210; **agir** 211; **simple** 212; **important** 215; **présent** 216; **poser** 218; **jouer** 219; **mot** 220; **reconnaitre** 221; **force** 222; **situation** 223; **offrir** 224; **choisir** 226; **national** 227; **projet** 228; **toucher** 231;

train 232; gens 236; propre 237; idée 239; région 241; aimer 242; sens 243; retrouver 244; semaine 245; façon 248; nombre 249; perdre 250; français 251; expliquer 252; compte 254; considérer 255; ouvrir 257; gagner 258; exemple 259; ville 260; économique 261; mesure 262; histoire 263; haut 264; guerre 266; loi 267; président 268; exister 269; sûr 270; refuser 271; bureau 273; mauvais 274; mort 276; mal 277; lire 278; réussir 279; marché 280; condition 281; international 282; changer 283; public 285; humain 286; système 289; travailler 290; jeu 291; vrai 292; présenter 293; société 295; difficile 296; entreprise 297; coup 299; or 300; social 301; assurer 302; essayer 303; juste 304; étranger 305; empêcher 306; million 307; manière 308; sortir 309; prix 310; terme 311; reprendre 313; courant 314; intérêt 315; mener 316; information 317; détail 318; appartenir 319; liberté 320; risquer 322; concerner 324; maison 325; apprendre 327; niveau 328; rencontrer 329; ton 330; œuvre 331; créer 332; état 333; obtenir 334; clair 335; chercher 336; entrer 337; proposer 338; apporter 339; programme 340; ligne 342; tête 343; libre 344; utiliser 345; atteindre 346; tenter 347; sorte 351; sujet 353; importer 354; action 355; relation 356; recherche 357; livre 358; ajouter 359; doute 362; reste 363; début 364; présence 365; nombreux 366; produire 367; préparer 368; forme 369; décision 370; rôle 371; produit 373; américain 374; minute 375; relever 376; autant 377; peuple 378; second 379; prochain 380; particulier 381; écrire 382; position 383; développement 384; défendre 385; chef 386; économie 387; effort 388; membre 390; tirer 391; ancien 392; beau 393; plein 394; juger 395; éviter 396; soir 397; personnel 398; titre 399; parti 400; objet 401; unique 402; souhaiter 403; peine 405; malgré 406; période 407; engager 408; réaliser 409; sérieux 412; aider 413; voix 414; terminer 415; base 416; espérer 417; main 418; gros 419; arrêter 420; retour 421; prêt 422; occasion 423; député 424; regarder 425; deuxième 427; résultat 428; écouter 429; terre 430; valoir 431; dollar 432; intérieur 433; page 434; confiance 435; choix 436; prévoir 437; chance 438; type 440; but 441; matin 442; grave 443; prise 444; européen 445; étude 446; principe 447; remplacer 448; avancer 449; nécessaire 451; activité 452; valeur 453; marquer 454; entier 455; réponse 456; aide 457; principal 458; élever 459; commission 461; cesser 462; poursuivre 463; maintenir 464; époque 465; exprimer 466; ami 467; bas 468; imposer 469; moitié 470; avenir 471; argent 472; mise 473; œil 474; eau 475; école 477; sécurité 478; milieu 479; lettre 480; presque 481; attention 482; cadre 483; futur 484; mouvement 485; former 486; conduire 487; règle 488; poste 489; demande 490; centre 491; acte 492; disparaître 493; priver 494; constituer 495; accord 496; milliard 497; lier 498; obliger 499; craindre 500; passé 501; âge 502; déclarer 503; oublier 504; propos 505; troisième 506; quitter 507; bout 508; population 509; responsable 511; route 512; tôt 513; lancer 514; limite 515; fonction 516; emploi 517; objectif 518; paraître 519; journal 520; annoncer 521; tour 523; volonté 525; envoyer 526; partager 527; puisque 528; établir 529; changement 530; garder 531; réalité 532; interdire 533; finir 534; placer 535; sentir 536; payer 537; esprit 538; domaine 539; diriger 540; noter 541; nature 542; régime 543; charger 544; court 545; parent 546; tomber 547; départ 548; mondial 549; entraîner 550; disposer 551; parole 552; fond 553; public 554; faux 555; genre 556; retenir 557; communauté 558; intéresser 559; corps 561; matière 562; sein 563; difficulté 564; parvenir 565; secteur 566; appel 567; cœur 568; père 569; organisation 570; unité 571; noir 572; événement 573; double 574; convaincre 575; nation 576; conseil 577; soutenir 578; paix 579; direction 582; manquer 583; actuel 584; opposer 585; signifier 586; journée 587; traiter 589; indiquer 590; tuer

591; technique 592; **réduire** 595; **préférer** 597; **rue** 598; **riche** 599; bref 600; **nommer** 601; **violence** 602; **siècle** 603; **article** 604; **durer** 605; **qualité** 606; **gauche** 607; solution 608; **voie** 609; **capable** 610; canadien 611; erreur 612; **livrer** 613; **simplement** 615; **souvenir** 616; conséquence 617; **large** 618; **contraire** 619; **succès** 620; **élément** 621; local 622; **été** 623; inviter 624; extérieur 625; **piéd** 626; **mission** 627; débat 628; **filie** 629; **répéter** 630; texte 631; profiter 632; **chambre** 633; création 634; **prouver** 635; **acheter** 636; **justice** 637; production 638; **ignorer** 639; directeur 640; **santé** 641; **souffrir** 642; précis 643; **fixer** 644; **mère** 645; croissance 646; risque 647; **arme** 648; estimer 649; **endroit** 650; comité 651; **impossible** 652; **preuve** 653; **véritable** 654; **amener** 655; viser 656; **retirer** 657; total 658; **image** 659; date 660; **travers** 661; contrôle 662; **énorme** 663; conserver 664; réel 665; **campagne** 666; **naître** 667; **accorder** 668; **tourner** 669; participer 670; **vieux** 671; **rapide** 672; respecter 673; **passage** 674; essentiel 675; adopter 676; **subir** 677; environ 678; **expérience** 679; admettre 680; **découvrir** 681; **couvrir** 682; assister 683; sénateur 684; dépasser 685; **affirmer** 686; **soumettre** 687; financier 688; processus 689; militaire 690; **frais** 691; industrie 692; **apparaître** 693; responsabilité 694; réserver 695; **porte** 696; **victime** 697; territoire 698; **pauvre** 699; taux 700; organiser 701; **posséder** 702; matériel 703; constater 705; **prononcer** 706; **signe** 707; **blanc** 708; origine 709; **vendre** 710; **langue** 712; **dangereux** 713; déplacer 714; **importance** 715; **suffire** 716; **espoir** 717; **saisir** 719; **énergie** 720; réseau 721; **mourir** 722; **faible** 723; **employer** 724; possibilité 725; spécial 726; **accompagner** 727; union 729; supposer 730; fournir 731; **exiger** 733; intervenir 734; **fil** 735; discuter 737; différence 738; **protéger** 739; **abandonner** 740; **avis** 741; **battre** 742; **adresser** 744; préciser 745; intervention 746; **attirer** 747; **demeurer** 748; chiffre 749; consacrer 750; **remplir** 751; divers 752; appliquer 753; **frapper** 754; **peur** 755; parlement 756; **fermer** 757; **forcer** 758; **lutte** 759; **naturel** 760; **air** 761; **auteur** 762; opération 763; **heureux** 764; **crise** 765; numéro 766; **résoudre** 767; publier 768; **instant** 769; **pousser** 771; **discours** 773; banque 774; **compagnie** 775; **reposer** 776; opinion 777; **classe** 778; commun 780; satisfaire 781; **intention** 782; autorité 783; **anglais** 784; échange 785; **feu** 786; **neuf** 787; **observer** 788; capacité 789; désigner 790; dépendre 791; message 792; **construire** 793; **scène** 794; **secret** 796; **plaisir** 797; dossier 798; proposition 799; nul 801; **absence** 802; **cher** 803; **plaire** 804; **connaissance** 806; immédiatement 807; **entrée** 808; signer 809; **révéler** 810; **couper** 811; **salle** 812; **pièce** 813; équipe 814; situer 815; souligner 816; **source** 817; **respect** 818; crime 819; précédent 820; **installer** 821; **facile** 822; augmenter 823; **réunir** 824; **impression** 825; octobre 826; **médecin** 827; fédéral 828; **police** 829; cout 830; formation 831; contrat 832; normal 833; attitude 834; **faute** 835; série 836; **lever** 837; proche 838; direct 839; **imaginer** 840; figurer 841; pratique 842; allemand 844; pression 845; accès 846; **champ** 847; film 848; **charge** 849; envisager 850; commune 851; ressource 852; **monter** 853; **promettre** 854; motion 855; concentrer 856; **composer** 858; **chemin** 859; zone 860; province 861; **élection** 862; **usage** 863; conflit 864; enquête 866; **terrain** 867; mars 868; **espace** 870; **confier** 873; **remarquer** 874; égard 875; **supérieur** 876; condamner 878; capital 879; lien 880; **voiture** 881; discussion 882; limiter 883; justifier 884; agent 885; **sentiment** 886; tâche 887; **raconter** 890; décembre 891; développer 892; honorable 893; contact 894; conclure 895; **fruit** 896; **ouvert** 897; investissement 898; insister 899; avantage 900; **garde** 901; historique 902; **voyage** 904; **marche** 906; **vérité** 907; commercial 908; critique 909; ministère 910; **baisser** 911; **somme** 912; **culture** 913; **caché** 914; **prêter** 915; définir 916; client 917; exposer 918; progrès 919; secrétaire 920; **mer** 921; **rapporter** 922;

appuyer 923; liste 924; **rentrer** 925; **mémoire** 926; **caractère** 927; **détruire** 928; civil 929; nécessité 930; juin 931; **danger** 932; complexe 933; commerce 934; transport 935; attente 936; institution 937; défense 938; janvier 939; **échapper** 940; négociation 941; **franc** 942; mai 943; septembre 944; environnement 945; **séparer** 946; réaction 947; disposition 948; positif 949; scientifique 950; **papier** 951; **expression** 952; protection 953; indépendant 954; **carte** 955; association 956; régler 957; modèle 958; commander 959; **étudier** 960; déterminer 961; budget 962; fonder 963; structure 964; **complet** 965; exercer 966; **amour** 967; manifester 968; menacer 969; conseiller 970; réunion 971; opposition 972; tandis 975; construction 976; bande 977; signal 978; **voisin** 979; réforme 980; rejeter 981; novembre 982; fonds 983; **couter** 984; reprise 985; presse 986; **rouge** 987; majorité 988; autoriser 989; effectuer 990; **bord** 991; central 992; procédure 993; faveur 994; **éducation** 995; **officiel** 996; document 997; **aspect** 998; **retourner** 999; professionnel 1000; **animal** 1002; utile 1003; inscrire 1004; concurrence 1005; déclaration 1006; **rejoindre** 1007; absolument 1009; **prison** 1010; **armée** 1011; revenu 1012; confirmer 1014; salaire 1015; lecture 1016; contribuer 1017; attaquer 1018; **table** 1019; **remonter** 1020; avril 1022; ferme 1024; **lourd** 1026; susciter 1027; république 1028; **dur** 1029; application 1030; **lutter** 1031; profit 1032; **contenir** 1033; déposer 1034; modifier 1035; communication 1036; jugement 1037; manque 1038; échec 1039; **traverser** 1040; transformer 1041; engagement 1042; **frère** 1043; mardi 1044; rencontre 1045; vote 1046; renvoyer 1047; regretter 1048; **espèce** 1049; recommandation 1050; consister 1051; réagir 1052; **surprendre** 1053; **circonstance** 1054; **témoin** 1055; améliorer 1056; administration 1057; **réfléchir** 1058; **lumière** 1059; **vert** 1060; apprécier 1061; **combat** 1062; sensible 1063; étudiant 1064; vitesse 1065; **malade** 1066; portée 1067; élève 1068; contrôler 1069; **visite** 1072; assemblée 1073; émission 1074; arrivée 1075; **puissance** 1076; partenaire 1077; contenter 1078; perte 1079; libéral 1080; citoyen 1081; citer 1082; influence 1083; camp 1084; établissement 1085; vendredi 1086; avance 1087; destiner 1088; **causer** 1089; **nord** 1090; lundi 1091; **maitre** 1092; interroger 1093; conférence 1094; provoquer 1095; vente 1096; **ramener** 1097; **soldat** 1098; collègue 1099; concevoir 1100; procéder 1101; **poids** 1102; acquérir 1104; **moindre** 1105; **convenir** 1106; logique 1107; **examiner** 1108; **soin** 1109; mesurer 1110; traitement 1111; jeudi 1112; impliquer 1113; **science** 1114; individu 1115; donnée 1116; **demi** 1117; combattre 1118; **violent** 1119; comporter 1120; **suivant** 1121; mériter 1122; emprunter 1123; **conscience** 1124; traduire 1125; **sang** 1126; millier 1127; **emporter** 1128; nucléaire 1130; industriel 1131; **vif** 1132; exact 1133; exception 1134; doubler 1135; février 1136; **mode** 1137; **tendre** 1138; **musique** 1139; gestion 1140; **honneur** 1141; **vaste** 1142; évoquer 1143; fonctionner 1144; étape 1145; physique 1146; accuser 1147; méthode 1149; professeur 1150; envers 1151; distribuer 1152; **existence** 1153; **prétendre** 1154; global 1155; dommage 1156; crédit 1157; tendance 1158; **chaîne** 1159; relatif 1160; note 1161; réserve 1162; maximum 1163; moteur 1164; version 1165; règlement 1166; couple 1167; mercredi 1168; régional 1169; entreprendre 1171; **étendre** 1173; sortie 1174; **profond** 1175; décrire 1176; récent 1178; télévision 1179; retraite 1180; frontière 1182; **égal** 1183; promesse 1184; entretenir 1185; **habiter** 1186; **quartier** 1187; avocat 1188; accueillir 1189; libérer 1190; **vivant** 1191; **université** 1192;

Приложение №2.

Пример заметки для сайта (на французском языке)
Ассоциации франкофонов со словом fête «праздник»
Fête

Occasions de faire la fête : *anniversaire, Noël, nationale, bal, des mères, nuit, mariage, samedi, évènement, bar mitzva, jour de l'an, été, printemps, travail, école, village, dieu, mensuelle, minuit, occasion*. Une personne a même considéré qu'un enterrement était l'occasion de faire la fête.

Ce qu'on fait pendant une fête : *musique (trompette), amusement (s'amuser), danse (danser), rire(s), rigoler, cotillon, chapeau, bal, ballon(s), lumière, bruit, jeu (jouer), bougie, cadeau, confetti(s), club (boite, disco), gâteau, lampion(s), lumignons, manger, spectacle, youhou*. On notera la présence notable des mots qui désignent la boisson : *alcool, boire, boisson, boisson alcoolisée, bière, bourré, champagne, vin* – en tout 58 réactions sur 533, aux quelles on peut rajouter *Sam* – le capitaine de soirée, conducteur désigné qui ne boit pas et ramènera les autres.

Avec qui on fait la fête : *ami(s), copains, amitiés, personnes, étudiant*

Les sentiments provoqués par la fête : *ambiance, joyeux, plaisir, animation, détente, distraction, bonheur, célébrer, cool, couleur, éloge, enthousiasme, fantaisie, festif, gaieté, heureux, liberté, loisirs pittoresque, rare, réjouissance, relâche*. Parmi toutes ces réactions positives, on rencontre un *ennui*, proposé par une personne qui, probablement, n'aime pas faire la fête. **Lieux où on fait la fête** : *hangar, salle, salon*

Un certain nombre de personnes interrogées ont réagi au mot plus qu'au concept et donné des **synonymes** du mot « fête » : *soirée, amusement, party, cérémonie, foire, carnaval, sortie, surprise, festin, fiesta, réjouissance, soir, teuf, show, rave*.

Parmi ces synonymes on trouve un mot régional, *chouille*, employé en Lorraine ;

Une personne a évoqué un verbe, *faire* (faire la fête), et une autre répondu par assonance *tête* (fête-tête).

Un certain nombre de réactions n'ont pas trouvé d'explication, peut-être que les lecteurs de ce billet auront une idée ?

à bras : on suppose qu'en fait il s'agit d'un calembour, basé sur fête « fier, qui donne ensuite « fier-à-bras »

basses : à rapporter à « musique » ?

oublié : la personne interviewée aurait-elle oublié de fêter la fête de quelqu'un ?

rose on offre des roses pour une fête ?

Quid des derniers : **heures, monde, souvenir** ?

Литература

Дебрени М. Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики. 2016, №1 (27). С.76-89.

Дебрени М. Неогумбольдтианство и ассоциативные словари // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 10. Вып. 2. 2012. С. 77-86.

Дебрени М. Типичные ошибки носителей французского языка (на примере необработанного материала для французского ассоциативного словаря) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 8. Вып. 2. 2010. С. 86-92.

Маркова Е. А. Взаимоотношение формы проведения свободного ассоциативного эксперимента и его результата. Дипломная работа. НГУ, 2016.

Морель М.-А., Арсеньева, В. А. Синтаксис и застывшие формы. Морфосинтаксические закономерности свободных ассоциаций в эксперименте по созданию «Ассоциативного словаря французского языка» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 9. Вып.1. 2011. С. 83-92.

De Deyne S., & Storms G. Word Associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task // Behavior Research Methods. Vol. 40. 2008. PP.198-205.

Ingrosso, F., Polguère A. How Terms Meet in Small-World Lexical Networks: The Case of Chemistry Terminology // Proceedings of the 11th International Conference on Terminology and Artificial Intelligence (TIA 2015). Grenade, 2015. PP. 167-171.

Lafourcade M., Le Brun N., Joubert A. Collecting and Evaluating Lexical Polarity with a Game with a Purpose. // Proceedings of International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2015). September 5-11. Hissar, Bulgaria. 2015. PP. 339-328.

Lonsdale, Le Bras, A Frequency Dictionary of French. Core vocabulary for learners. London, New York. 2009. 680 p.

A FRENCH DICTIONARY OF WORD ASSOCIATIONS 2.0

Debrenne Michèle

Doctor of Philology, Professor
Novosibirsk State University,
micheledebrenne@gmail.com

The article presents a new round in the creation of an associative dictionary of the French language. Having started the work in 2007, the team intends to rely upon the previous experience, correct some shortcomings and attract new language material. So, the list of stimuli, consisting of nouns, adjectives and verbs, is compiled using the latest Frequency Dictionary of French. It is decided not to demarcate homonymy and polysemy of stimuli, as it seems impossible to be provided for each and all cases.

An innovative method for obtaining experimental data has been developed to create interest in the interviewees and visualize their responses. To this end, solutions are proposed for semi-automatic processing of the received material, including lemmatization and reduction of phraseological units to a single invariant. The resulting inverse dictionary correctly reflects the associative relationship of the lexicon of modern French. The use of modern technologies of digital humanistics will allow to obtain and process large data sets in the most automated form, to compare them with previously collected ones, to visualize the results obtained.

The article also suggests a list of stimuli for the new dictionary and a sample article for the website, with the analysis of the associative stimulus field for the word *fête* (holiday).

Keywords: experimental methods, dictionary of word associations, the French language, big data

References

Debrenne, M. (2016) Leksicheskie otnosheniya v associativnyh slovarjah

francuzskogo jazyka. [Lexical Relation within French Dictionaries of Word Associations]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. No.1 (27). Moscow. pp.76-89. Print. (In Russian)

Debrenne, M. (2012) Neogumbol'tianstvo i asociativnye slovari. [Neo-Humboldtianism and Dictionaries of Word Associations]. Vestnik NGU serija Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija [Annals of the NSU, Linguistics and intercultural communication series]10 (2). Novosibirsk. pp. 77-86. Print. (In Russian)

Debrenne, M. (2010) Tipichnye oshibki nositelej francuzskogo jazyka (na primere neobrabotannogo materiala dlja francuzskogo asociativnogo slovarja) [Common Mistakes of French Language Speakers]. Vestnik NGU. serija Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija [Annals of the NSU, Linguistics and intercultural communication series] 8 (2). Novosibirsk. pp. 86-92. Print. (In Russian)

Markova E. A. (2016) Vzaimootnoshenie formy provedenija svobodnogo asociativnogo jeksperimenta i ego rezul'tata. [Interrelations of Different Forms of Associative Experiments and Theirs Results]. Diplomnaja rabota [Bachelor thesis]. Novosibirsk: NSU. Print. (In Russian)

Morel', M.-A., Arsen'eva, V. A. (2011) Sintaksis i zastyvshie formy. Morfosintaksicheskie zakonomernosti svobodnyh asociacij v jeksperimente po sozdaniju «Asociativnogo slovarja francuzskogo jazyka» [Syntax and Figements: Morphosyntactic Rules in Free Word Associations in View to Create the French Dictionaries of Word Associations]. Vestnik Novosibirskogo universiteta. serija Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. [Annals of the NSU, Linguistics and intercultural communication series] T. 9. Vol.1. Novosibirsk. pp.83-92. Print. (In Russian).

De Deyne S., & Storms G. (2008) Word Associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task. Behavior Research Methods, Vol. 40. pp. 198-205. Print.

Ingrosso, F., Polguère A. (2015) How Terms Meet in Small-World Lexical Networks: The Case of Chemistry Terminology. Proceedings of the 11th International Conference on Terminology and Artificial Intelligence (TIA 2015). Grenade, pp. 167-171. Print.

Lafourcade M., Le Brun N., Joubert A. (2015) Collecting and Evaluating Lexical Polarity with a Game with a Purpose. International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2015), Hissar, Bulgaria, September 5 -11. pp. 339-328. Print.

Lonsdale, Le Bras, (2009) A Frequency Dictionary of French, Core Vocabulary for Learners/ London, New York. 680 P. Print.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
и
Российский университет дружбы народов
1–2 июня 2018 г.
проводят совместную конференцию
«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ-7»

Основная проблематика:

- Языковое сознание в разных речевых практиках.
- Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.).
- Ценности современной России в психолингвистических исследованиях.
  - Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика.
  - Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа.
- Конфликтотенный текст в поликультурном коммуникативном пространстве.
  - Медиатекст в новой информационной среде.
  - Современные технологии анализа текста.
  - Психолингвистический анализ больших данных.
  - Проблемы преподавания русского языка.
- Круглый стол «Русский научный язык: “за” и “против”».

Условия участия в конференции

До 1 апреля 2018 г. в оргкомитет необходимо предоставить:

1. заявку на участие в конференции (см. приложение) и материалы для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru;

2. организационный взнос в размере 1500 руб., высланный почтовым переводом по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер, д. 1, стр. 1, Институт языкознания РАН, отдел психолингвистики, Параниной Марине Николаевне.

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».

Оргвзнос просьба посылать только после подтверждения о принятии тезисов к публикации.

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу конференции. Рассылка печатной версии сборника не предусматривается: заочные участники получают pdf-версию по электронной почте после проведения конференции.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ СЕМИНАР «РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ЯЗЫК»
(ДУБНА, 2018 Г.)

Юрий Дмитриевич Нечипоренко
доктор физико-математических наук,
Член Русского ПЕН-центра

ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Есть ли право на свой язык у российской науки, или нашим ученым пора переходить на язык международного общения – на английский? Такой вопрос большинству лингвистов кажется абсурдным: гуманитарии понимают, что тонкости чувств и развитие понятий могут быть выражены и переданы лучше всего на родном языке. Однако в среде людей, занятых модными сейчас направлениями – молекулярной биологией, биоинформатикой и биоинженерией, такой вопрос стоит довольно остро. Может быть, потому, что в середине XX века наметилось значительное отставание развития отечественной генетики из-за вмешательства идеологии в научные дискуссии. Вмешательства, от которого осталась крылатая фраза: «генетика – продажная девка империализма» (фраза, которую приписывают Трофиму Лысенко, на самом деле выдумана в 1964 году писателем-сатириком Александром Хазиным).

Молекулярная биология как наука ведет свое начало с 1953 года, когда в Кембридже молодые ученые Джеймс Уотсон и Френсис Крик предложили свою модель структуры ДНК. И хотя в истории этого открытия есть след отечественных ученых (концепцию «конвергентной редупликации» как основу работы генов выдвинул Николай Кольцов), российская молекулярная биология получила «родовую травму»: основные достижения науки в середине XX века были получены на Западе. Первые генные инженеры тоже появились там – и отечественным ученым приходилось переводить с английского протоколы генетических опытов.

Но зачем переводить? Давайте сразу учить английский, думать на английском и публиковаться в международных журналах... Так до сих пор считают многие (в том числе и чиновники из Министерства образования, которые разрабатывают критерии оценки научных трудов, используя зарубежные наукометрические показатели). Однако в среде биофизиков МГУ этот образ мыслей вызвал сопротивление: нам нельзя терять язык русской науки, провозгласила профессор Галина Ризниченко – и выступила с инициативой проведения Семинара «Русский научный язык». С просьбой организовать такой семинар она обратилась ко мне, так как я не только работаю в области биофизики, но и пишу работы гуманитарного профиля, порой выступаю с докладами в ИЯз РАН и знаком с лингвистами. Я, в свою очередь, попросил Марию Ковшову быть соорганизатором Семинара. К сожалению, она была занята во время работы нашей Конференции, но смогла привлечь внимание коллег: мы получили горячий отклик от Натальи Уфимцевой и коллектива психолингвистов, которые и стали основным научным костяком нашего Семинара.

Кроме лингвистов и биофизиков, в Семинаре по моей просьбе приняли участие писатели и переводчики, журналисты и творческие люди из разных областей знания, чтобы при помощи «мозгового штурма» рассмотреть проблемы бытования русского языка в науке в самом широком контексте.

Материалы семинара доступны в сети по адресу: <http://mce.su/rus/russ2018/>

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-169-172

Мария Александровна Пильгун

доктор филологических наук,

Институт языкознания РАН

125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

mpilgun@hse.ru

РУССКАЯ НАУЧНАЯ РЕЧЬ: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С 29 января по 3 февраля 2018 года в Дубне прошла XXV Международная конференция «Математика. Компьютер. Образование». Организаторами выступили МГУ им. М.В. Ломоносова, Пушинский центр биологических исследований РАН, Научный совет РАН по биологической физике, Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ г. Дубна), Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании» и др. «Конференции серии МКО имеют междисциплинарный характер; они ставят своей целью консолидацию усилий работников науки и высшей школы, сохранение традиций российской науки и образования, повышение квалификации научных и педагогических кадров в области математического моделирования и информационных технологий, привлечение молодежи в сферу науки и образования» (<http://mce.su/about/>).

В рамках конференции состоялся Симпозиум с международным участием «Биофизика сложных систем: вычислительная и системная биология, молекулярное моделирование, медицинская биофизика» (при поддержке «Российского фонда фундаментальных исследований») и Общероссийский семинар «Русский научный язык» (при поддержке фонда «Русский мир»).

В течение недели проходили пленарные заседания, работали секции (устные и стендовые сессии), круглые столы, проводились лекции, а также тематические вечера и концерты.

Общероссийский семинар «Русский научный язык» был организован для обсуждения следующих вопросов:

- роль и значение русского языка в науке и образовании России;
- издание русскоязычных научных журналов и их включение в международные библиографические базы данных; обсуждение возможности публикации результатов исследований параллельно на русском и английском языках;
- перевод на русский язык фундаментальных научных работ зарубежных авторов и вузовских учебников по новейшим научным направлениям;
- проведение научно-образовательных конференций и школ для молодых учёных по различным направлениям современной науки; обсуждение научной терминологии;
- привлечение наших соотечественников, русскоязычных учёных, живущих и работающих в разных странах, к деятельности по сохранению и развитию русского научного языка через отделения фонда «Русский мир».

В работе семинара приняли участие ученые различных научных специализаций (лингвисты, математики, физики, биологи) из разных регионов России, а также писатели, журналисты, издатели, бизнесмены.

Широкий круг участников, активное обсуждение докладов показали важность проблемы сохранения статуса русской научной речи для разных представителей российского общества.

Организаторы подчеркивали, что семинар проводился с целью донести до российского научного сообщества, представителей власти и бизнеса, русской диаспоры, что русский научный язык является важнейшей частью русской культуры.

Как известно, возникновение и развитие научного стиля связано с эволюцией разных областей науки. На первых порах стиль научного изложения был близок к стилю художественных произведений. Отделение научного стиля от художественного произошло в александрийский период, когда в греческом языке, распространившем свое влияние на весь культурный мир того времени, стала создаваться научная терминология. Впоследствии она пополнилась терминами из латыни, бывшего интернационального научного языка европейского средневековья. До сегодняшнего дня интернациональная лексика облегчает общение ученых разных стран.

Попытки сделать английский язык интернациональной основой научной коммуникации современного мирового сообщества принципиально отличаются от предшествующего периода и связаны с различными политическими, экономическими причинами, а также с процессами глобализации, локализации, медиатизации, цифровизации и многими другим. Различные вопросы генезиса, статуса, перспектив развития русской научной речи докладчики поднимали в своих выступлениях, а участники семинара бурно обсуждали в ходе дискуссии.

В частности, Галина Юрьевна Ризниченко и Александра Никитична Дьяконова (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) показали, что сохранение и развитие русского научного языка является жизненно важным для России. Русский научный язык является важнейшей частью русской культуры и Русского Мира. Не всякая национальная культура включает в себя науку как часть этой культуры.

В своем докладе, посвященном значимости науки и знания на родном языке, Юрий Дмитриевич Нечипоренко (Москва, Русский ПЕН-центр, Институт молекулярной биологии РАН) отметил, что «молодые исследователи порой не успевают научиться думать и писать на родном языке, как им предлагают перейти на чужой. В результате понятийная база науки оказывается неполноценной, творческое развитие учёного и традиция образования на родном языке прерываются. Как репутация отечественных учёных, так и престиж страны в этой ситуации резко падают».

Наталья Владимировна Уфимцева (Москва, Институт языкознания РАН) объяснила, что существование русскоязычного научного мира не исключает функционирования в нем других языков, в том числе и английского. Но вытеснение русского языка из системы образования, СМИ, вынужденный билингвизм при стремительном ухудшении знания родного языка, ведет к серьезным последствиям: к подмене культурных архетипов сознания, к разрушению культуры и культурой идентичности.

Ирина Владимировна Шапошникова (Новосибирск, ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), сектор русского языка в

Сибири) доказала, что современные междисциплинарные научные открытия подтверждают, что языковые и когнитивные процессы развиваются в онтогенезе на общем нейрофункциональном субстрате при специфической социокультурной детерминации со стороны внешней среды. Российская психолингвистика располагает новыми экспериментальными эмпирическими данными, отражающими модусы идентификации русской языковой личности в конце прошлого и начале нового века. Экспериментальные материалы показывают, что чувствительность к языковому вопросу по мере накопления опыта проживания в условиях реформ, резко возросла, русский язык осознается и присваивается в качестве орудия идентификации молодого поколения россиян. В этих условиях вопросы языковой политики в науке и образовании должны решаться на основе комплексной гуманитарной экспертизы, способной оценить возможные последствия предпринимаемых шагов.

Выступление Елены Георгиевны Борисовой (Московская обл., ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кафедра связей с общественностью) было посвящено взаимосвязи концептуализации изучаемого явления и язык исследования.

Андрей Викторович Вдовиченко (Москва, Институт языкознания РАН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, отдел теоретического языкознания; кафедра теории и истории языка филол. факультета) продемонстрировал, что понятие «язык науки» рассматривается на фоне коммуникативного (семиотического) действия – теоретической новации, закономерно следующей из развития лингвистической теории.

Доклад Михаила Павловича Селиванова (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, кафедра Дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного) был посвящен лингводидактическим проблемам освоения научного текста на иностранном языке в русскоязычной аудитории.

Роль латыни в западноевропейских странах в эпоху Реформации была проанализирована в выступлении поэта и переводчика Андрея Александровича Пустогарова (Москва), который остановился подробно на том, что латынь была языком подконтрольной Риму бюрократии.

Объективные факторы в языковых процессах рассмотрел в своем выступлении Алексей Кравецкий (Научно-образовательный сайт «XX2 век»).

Мария Александровна Пильгун (Москва, Институт языкознания РАН) рассказала о специфике русского научного дискурса в современном медиапространстве.

Елена Вячеславовна Черникова (Москва, МИТРО, кафедра журналистики) последовательно представила свою позицию: в сфере гуманитарных наук глобальный переход на английский может привести к необратимым для национальных культур последствиям, а в социуме – к протестным движениям вплоть до крайне агрессивных и поддержала идею расширения кириллического пространства.

Николай Александрович Бадулин (ООО ФиБр ИУК) показал практическое применение Big Data в поисковиках на примере лингво-частотного анализа языков.

Сергей Викторович Семенов (Москва, Национальный исследовательский центр «Курчатовский Институт», ФТО) познакомил слушателей с творческими достижениями физфака МГУ, воплощающимися в движении “Физики и лирики”, операх физического факультета, поэтических турнирах и литературных конкурсах фестиваля “Первый снег” и Дня физика.

Евгений Ильич Маевский (Пушино, Институт теоретической и экспериментальной биофизики) рассказал о проблемах обеднения русского научного языка и методических особенностях построения диссертационных работ.

Савелий Евелевич Башинский (Москва, ген. директор Издательства «Медиа-сфера») проанализировал особенности научного редактирования как второй профессии

Мария Сергеевна Аксентьева (Москва, журнал «Успехи физических наук») представила в докладе опыт журнала, который уже 100 рассказывает об успехах физики.

Важным итогом работы конференции стало решение создать рабочую группу, разработать серию мероприятий, рекомендаций по развитию, поддержке и распространению русской научной речи.

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Шапошникова Ирина Владимировна

главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
доктор филологических наук, профессор гуманитарного института НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
i.shaposhnickowa@yandex.ru

В статье объективируется проблема конфликтогенных этнополитических установок, стоящих за некоторыми маргинальными проявлениями реформаторской деятельности в научно-образовательной сфере постсоветского времени. Проводится анализ ассоциативно-вербальных маркеров иноэтничности, связанных с интериоризацией опыта межкультурных контактов позднесоветского и постсоветского времени. Исследуются смысловые зоны в ассоциативных полях (далее: АП) РУССКИЙ и ЯЗЫК, которые связаны с этносоциокультурной идентификацией русской языковой личности. Выводятся психоглоссы, показывающие чувствительные (потенциально конфликтогенные) смысловые акценты в структуре языкового сознания молодых русских. Анализируются условия, в которых закладывался установочный механизм реформаторской деятельности, включая текущую языковую политику в научно-образовательной сфере и отдельные административно-управленческие организационные действия, формирующие в конечном итоге эту языковую политику в ее маргинальных проявлениях. Рассматриваются основополагающие параметры языковой ситуации в современной России, выявляются основные противоречия между «актуальными» установками текущей языковой политики в научно-образовательной сфере и системообразующими для российской цивилизации параметрами реальной языковой ситуации в стране. Выводятся суждения об этнополитических концепциях, чей установочный механизм конвертируется в реформаторские усилия по выработке языковой политики в научно-образовательной сфере без учета деструктивного потенциала этих концепций в плане сохранения целостности российской цивилизации.

Ключевые слова: психоглоссы идентификации молодых россиян; языковая политика в научно-образовательной сфере РФ; конфликтогенные установки акторов; реальная языковая ситуация в России; маргинальные проявления реформ в науке и образовании; противоречия установок языковой политики параметрам языковой ситуации; этнополитические концепции реформаторства; объективация конфликтогенности взаимодействий концепций акторов реформ

Научно-образовательная сфера представляет собой важнейшую для воспроизводства и развития российской цивилизации социо-коммуникативную подсистему. Эта система, как и другие сферы жизнедеятельности россиян,

подверглась серьезным потрясениям в период смуты 90-х годов¹. В настоящее время приходится наблюдать последствия ряда принятых тогда неподлинных в своей основе, разрушающих жизнестойкость российской цивилизации решений, повлекших за собой противоречия идентификационных процессов вплоть до установок на цивилизационное развоплощение русских. По оценкам О.В. Крыштановской, период правления Б.Н. Ельцина, когда зарождались реформы, характеризовался «фрагментацией верховной власти», в том числе и в гуманитарном плане, на мировоззренческо-идеологическом поприще. «Отсутствие четко артикулированного “проекта Ельцина” привело к тому, что слово “реформы” закодывается, лишается содержания, и каждый политический актер наполняет его собственным смыслом. Всему обществу ясно, что в стране происходят реформы, но какие именно – каждый понимает по-своему. Разные части сломанной государственной машины имели свой “проект реформ”. Консенсус достигался только относительно использования самого слова “реформы”, которое было так мило сердцу западных спонсоров России» [Крыштановская 2005: 235]. Все сказанное можно в полной мере отнести к реформированию научно-образовательной сферы². В условиях вакуума власти при гуманитарном давлении извне складывается (а точнее актуализуется) характерная для внутриэтнического диалога русских этика подражательно-перенимательной опоры на «мировые (под которыми понимались условно западные – преимущественно европейские и американские) стандарты» в процессе мобилизации сторонников среди молчаливого большинства и оказания давления на них.

---

¹ Анализируя российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки с учетом американских оценок состояния дел в науке России, Г.Б. Кочетков отмечает, что в СССР наука получала огромные инвестиции (примерно 5% ВВП) и была представлена 5000 научно-исследовательских организаций разного уровня с более, чем 1,5 млн. занятых в этой сфере человек [Кочетков 2007]. В начале 1990-х годов произошло резкое сокращение бюджетного финансирования исследований всех типов: в 1990 году доля ВВП, затрачиваемая на науку в России, сократилась до 2%, в 1991 она упала до 1,4%, а в 1992 г. – до 0,7%. «Если к этому добавить, что в те же годы происходило резкое сокращение объема ВВП, то можно себе представить темпы ликвидации альтернативного “центра мировой науки” в России» [Кочетков 2007]. Заметим, что автор цитируемой статьи приводит статистику финансового обеспечения отрасли, однако как оценить гуманитарные и нравственные потери российской цивилизации от демонтажа системы организации научно-образовательной деятельности, за которой последовали попытки компенсировать потери за счет внешнего финансирования с внедрением подкрепляющих их этнополитических концепций соответствующих акторов?

² Ср.: «В России произошла девальвация значимости науки и научной деятельности. В политическом и экономическом смыслах научно-технический комплекс был отодвинут на периферию общественной жизни, так как наука как социальный институт не участвовала в решении главной задачи политических элит в тот период – борьбе за власть. Лишившись источников финансирования и заказов военно-промышленного комплекса, российская наука была предоставлена самой себе и практически перестала развиваться» [Кочетков 2007]. Как утверждает автор, изучивший вопрос по американским правительственным источникам, незаинтересованные в сохранении силы альтернативного центра науки американского бизнеса, политики и идеологии. Сотрудничество с российской наукой в таком плане было выгодно США, так как позволяло расширить имеющиеся в их распоряжении научные ресурсы. При этом присуждение грантов российским ученым должно было происходить на базе оценки их научных заслуг, данной американскими коллегами, а также потенциального вклада в достижение целей США» [Кочетков 2007].

В настоящее время приходится констатировать уже состоявшуюся конвертацию этих реформаторских установок в явленные участникам научно-образовательной деятельности в опыте результаты. Новый этап реформаторских преобразований вылился в попытки англификации научно-образовательной сферы. Нам представляется, что экспертная постановка вопроса при оценке явления англификации должна включать в себя следующие моменты:

1) описание сути феномена *англификации* как части проводимых в постсоветский период реформ (проявления, установочный механизм, причины возникновения, возможные последствия применения, цена вопроса и пр.);

2) учет *природы языковых процессов*, дающих ответ на вопрос о том, при каких условиях желанный для элиты язык может полноценно функционировать в управляемом сообществе;

3) оценку состояния *английского языка сегодня* и культуры владения этим языком;

4) понимание, что в мире жесткого глобального противостояния интересов различных в своем качестве и потенциале развития цивилизаций грань, за которой кончается чисто «языковой» вопрос и включается *этносоциокультурная идентификация*, очень тонка.

За тем, что выносится в поле публичных дискуссий, ощущается и стереотипизируется в массовом сознании как «проблема языка» и его состояния, скрываются неосознаваемые или слабо осознаваемые проблемы этносоциокультурной идентификации. В этом смысле, очевидно, что язык не должен быть «чужим»³.

Каков мотивационно-установочный механизм политики англификации и каков ее мобилизационный потенциал? В качестве мотива выдвигается ставший популярным в перестройку тезис о необходимости включения России в «мировое» экономическое и научное пространство, где нужно конкурировать при соответствии неким «мировым» стандартам. При этом вопросы зачастую ставятся провокационно: поскольку все «мировое» англоязычно (весь «мир» сводится к англоязычным странам и англоязычию), нужны ли российской науке журналы на русском языке? На каком языке учить в российских вузах? (Как будто русский язык не является языком российских вузов и мировым языком!). Ученый не может быть таковым, если он не имеет рейтинга «мировой» популярности в означенном выше смысле, не публикуется в англоязычных научных журналах, не пишет, а преподаватель не преподает на английском языке. Эти требования имеют финансовое сопровождение, находят отражение в так называемых «эффективных контрактах» на местах не в пользу русского языка, науки и культуры. Обучающие организации упорно встраиваются в рыночные форматы утилитарности с приемом иностранных студентов, которых (к тому же зачастую очень поверхностно, едва-едва владеющих английским, или не владеющих им вовсе и живущих в русской лингвокультурной среде) предполагается обучать именно на английском языке

³ Здесь наш дискурс перекликается с фундаментальной для понимания иноязычного образования статьей А.А. Леонтьева «Язык не должен быть “чужим”» [Леонтьев 2007], в которой обыгрывается смысл, стоящий за немецким словом Fremdsprache – иностранный язык, букв. «чужой язык».

(вместе со своими русскими студентами). Приоритетным становится приглашение именно иностранных ученых и педагогов для обучения студентов в российских вузах. Саму постановку таких вопросов и сопровождающие ее явления можно расценить как признаки затянувшегося гуманитарного кризиса, который был объективирован в массовом сознании эпохи перестройки через «актуальные» установки реформ смутного времени 90-х годов, связанные с вырождением государственности на постсоветском пространстве. Чрезмерное рвение не желающих брать на себя ответственность за оценку реальной ситуации чиновников на местах и сегодня чреват исполнителскими перехлестами, когда англификация понимается как необратимый и тотально обязательный процесс вопреки здравому смыслу и законодательству РФ. Автору данной статьи приходилось слышать даже такие маргинальные предложения: «если хотя бы один иностранный студент появился в вузе, то вся группа, в которой он учится, должна проходить обучение на английском языке»⁴. Личный опыт пребывания в системе позволяет нам утверждать, что ситуация в разных вузах и институтах выглядит по-разному (от маргинально деструктивных проявлений политики англификации до полного ее неприятия), но административно-принудительные доминанты очень сходны в своей общей направленности.

Насколько укоренено такое самоотречение и лингвокультурное развоплощение, которое провоцируется «менеджерскими» установками на англификацию? Каковы идентификационные запросы молодого поколения россиян? Неужели новому поколению россиян не нужна своя страна и цивилизация? Материалы, которые представляют для осмысления исследователям результаты экспериментальной работы психолингвистов в различных регионах РФ, свидетельствуют об обратном. Здесь мы, в силу ограниченного жанром статьи формата, оперируем только малой частью данных по имеющимся в нашем распоряжении источникам: [САНРЯ; РАС; СИБАС; ЕВРАС]. Смысловые акцентуации русской языковой личности отражают интериоризацию (перевод во внутренний план) опыта внутри- и межэтнических⁵ взаимодействий в ходе реформ постсоветского времени у молодых россиян. Маркеры смысловых акцентуаций (психоглоссы), полученные после компьютерной обработки экспериментальных данных на основе измерения устойчивости ассоциативных связей в языковом сознании молодых русских в течение нескольких десятилетий, дают нам общую картину динамики смыслового поля в пределах трех поколений. Природа ассоциативно-вербальных процессов позволяет, даже с учетом погрешностей экспериментальных условий, довольно достоверно судить о

---

⁴ Здесь мы оставляем «за кадром» важнейший вопрос о проблеме обучения иностранцев в России, которая сегодня, похоже, имеет тенденцию осмысляться поверхностно в административно-управленческой среде, без должного учета накопленного в российской (советской) культуре опыта иноязычного образования. Вопрос осложняется неработающим на российской почве институтом магистратуры, вынуждающим формировать магистерские группы самым причудливым образом и разрушающим системность профессиональной подготовки студента.

⁵ Используя термин «(меж)этнический», мы имеем в виду, вслед за Л.Н. Гумилевым, этносоциокультурные образования разного порядка [Гумилев 1994: 131]: макросистемный (суперэтнический) или цивилизационный (в нашем случае это российский, или русский в широком смысле), базовый системный, собственно этнический (русский в узком смысле) и субэтнический (разновидность подсистем внутри этнического целого).

том, какие именно смыслообразующие факторы работают в этносоциокультурной идентификации.

В таблице №1 представлены смысловые акцентуации образа ЯЗЫК по данным обратных ассоциативных словарей. Цифры указывают на частоту реагирования разных испытуемых словом ЯЗЫК (устойчивость связи) после предъявления им стимулов, обозначенных в таблице словами справа от стрелки.

Таблица №1

Смысловые акцентуации образа ЯЗЫК

РАС (1988-1997)	СИБАС (2008-2013)	ЕВРАС (2008-2013)
<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 311; родной 226; национальный 45; <i>русский</i> 29; <i>российский</i> 1	<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 329; <i>русский</i> 229; родной 99; национальный 52; международный 42; <i>российский</i> 5	<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 334; <i>русский</i> 282; родной 121; национальный 61; международный 40; <i>российский</i> 7

Акцентуация *иностранного* вовсе не случайно находится на первом плане во все рассматриваемые периоды времени, она закономерна для состава групп испытуемых, молодых людей в возрасте первичной профессиональной социализации, изучающих какой-либо иностранный язык в качестве обязательного для освоения предмета во всех российских вузах. В нашем контексте интересен проявившийся и показывающий рост тренд в сторону цивилизационно сплывающего Россию (однако не существующего в качестве одноименного естественного) языка: *российский*; очевиден **многократный рост** акцента связи с *русскостью*. Приведенные в таблице №1 данные свидетельствуют о том, что идентификация при посредстве *языка* идет в сторону *русскости* (можно предположить – как в узком, этническом, так и в широком, цивилизационном, плане). Об этом же свидетельствует и сравнительно-сопоставительный анализ смысловых акцентуаций ассоциативного поля РУССКИЙ в таблице №2, где отражены данные одной из наиболее значимых для нашей тематики смысловых зон в этом АП.

Язык, национальность, характер оказались самыми устойчивыми во времени ассоциатами. Они входят в ядерную часть АП (только в РАС *национальность* выпала на периферию). В СИБАС и ЕВРАС эти ассоциаты снова укрепляют свои позиции, причем *язык*, даже в каждой из региональных баз в отдельности, более чем в десять раз по отношению к общероссийским показателям РАС. При этом в обеих региональных базах **усиливается национальный акцент** за счет внедрения в ядро *нация, национализм* и укрепления позиций *национальность. Язык и национальность* усиливаются и за счет периферии рассматриваемой зоны АП в обеих этих базах. Примечательно, что в РАС, наоборот, *национальность* уходит на периферию, где она соседствует с *шовинизмом*. Возможно, это фиксирует проблему убегания от своего национального контекста в связи с растерянностью перед событиями на национальных окраинах⁶. Негатив в региональных базах раскрывается через

⁶ Автору статьи припоминается разговор десятилетней давности с одним из предполагаемых издателей нового русского регионального ассоциативного словаря: менеджер издательства настаивал на удалении слова *русский* из названия книги (столь опасными, вероятно, представлялись ему в то время «националистические» акценты).

Таблица №2

Смысловая зона «Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)» в АП РУССКИЙ (данные прямых ассоциативных словарей)

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
<p>язык 40; <i>национальность</i> 5; <i>характер</i> 4; наука 3; всего в устойчивой части зоны 52 реакции (27,51% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>театр 1 всего единичных реакций в зоне 1 (2,32% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 53 реакции; негативных нет;</p> <p>-----</p> <p>всего разных реакций в зоне 5 (6,94% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 29; дух, <i>характер</i> 2; всего 33 (48,52% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>бизнес, вера, лень, <i>национальность</i>, образ мыслей, стиль, театр, уважение, шовинизм 1 всего 9 (21,95% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 42 реакции; негативных 2 (4,76%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 12 (23,52% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 229; дух 10; <u>менталитет</u> 7; <i>национальность</i> 6; <i>характер</i> 4; <u>гордость</u>; <u>нация</u>; язык, человек 2; всего 264 (66,49% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>воля; голод; древность; родство; <u>душа</u>; май; мат; <u>национализм</u>; память; патриотизм; пыл; <u>рэп</u>; <u>сила</u>; словарь, язык; стереотип; тон; ум; халява; эмоции; язык, <i>национальность</i> 1; всего 20 (19,6% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 284 реакции; негативных 4 (1,4%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 29 (21,48% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 282; <i>национальность</i> 10; дух, <u>менталитет</u> 7; <i>характер</i> 4; <u>национализм</u>, <u>нация</u> 3; <u>душа</u>, стиль 2; всего 320 (70,32% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>бунт, вера, <u>гордость</u>, история, кинематограф, крайности, культура, литературный язык, месяц, могущество, религия, родной язык, <u>рэп</u>, <u>сила</u>, талант, <u>гордость</u> (“) 1; всего 16 (18,82% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 336 реакций; негативных 4 (1,19%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 25 (21,55% от общего состава разных реакций в АП).</p>

ассоциаты с *сленью* и *национализмом*, а также *бунтом*. Мотив *характера* и духовности усиливается, начиная с РАС, через *дух*, а в СИБАС и ЕВРАС через многократное усиление *дух, душа* и др. Следы рефлексии над национальной спецификой находим в ассоциатах как в ядре (*менталитет, стиль*), так и на периферии (*стереотип, религия, культура, патриотизм* и др.). Понятие *русский* предстаёт в региональных словарях существенно более наполненным и разработанным по сравнению с РАС и даже САНРЯ в рассматриваемой здесь смысловой зоне. Присутствующая в ядре САНРЯ *наука* больше нигде не воспроизводится, в ЕВРАС на смену ей пришли *религия и вера*. *Язык*, как наиболее сильная ассоциация, в региональных базах получает ещё и дополнительную разработку в грамматикализованных двусловных ассоциатах на периферии. Можно констатировать очень устойчивую связь образа *русский* с образом (*родного*) *языка*, что означает **этнизацию** образа ЯЗЫК в региональных базах по отношению к более ранним данным эпохи перестройки и доперестроечного времени. Как мы уже писали ранее, это, наряду с другими данными, говорит о существенном возрастании значимости языковых вопросов и чувствительности к ним в идентификации нового поколения молодых русских людей XXI века [Шапошникова 2016]. Какую иерархию иноэтничности в этом плане показывает русская языковая личность в своем осмыслении контактов с внешним миром?

В таблице №3 приводятся психоглоссы акцентуаций, которые выявились при анализе еще одной смысловой зоны в АП РУССКИЙ. Стрелки показывают направление снижения устойчивости ассоциативных связей со словом РУССКИЙ, знаки равенства – совпадение показателей устойчивости у приведенных в таблице ассоциатов.

Таблица №3

Психоглоссы иноэтничности по данным смысловой зоны «Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы» в АП РУССКИЙ

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
немец (немецкий) à казах (казахский) à француз (французский) à украинец (украинский) à еврей à китаец (и китайский) = американец (английский) à армянин = грузин = чех	еврей à немец = турецкий = французский	английский à немецкий à казах = украинец = китаец = француз = чех = чеченец = якут	английский à украинец à китаец à казах = татарин = японский = чурка

Во все периоды в рассматриваемой зоне АП РУССКИЙ как, впрочем, и в ассоциативных полях иных вербальных экспликаторов идентичности, которые мы здесь не имеем возможности рассмотреть, прослеживаются следующие оппозиции идентификационной матрицы: СВОЙ – ЧУЖОЙ; ее более мягкая разновидность: Я – МЫ (*наш; родной*); ЭТНОС – СУПЕРЭТНОС (цивилизация). *Русский* соотносится с суперэтносом (если понимается широко) и (или) с этносом (узконациональным,

собственно этническим, смыслом). Образы *чужих* (иностраннных, иноэтничных) в разные периоды времени наполняются преимущественно сходным содержанием, однако актуальность разных воплощений иноэтничности меняется вслед за реалиями окружающего мира. Как видно из таблицы №3, в перестроечный период (в РАС) *чужие* представлены беднее всего. Оппозиция *русский – немец (немецкий)*, характерная для прошлого века, центральным событием которого в сознании россиянина была Великая Отечественная война с немецким фашизмом, в XXI веке сменилась новыми акцентами. На первый план в СИБАС-ЕВРАС выходит *английскость*, в них также несколько усилен азиатский акцент при сохранении европейского. Это может свидетельствовать (среди прочего) об актуализации процесса цивилизационной идентификации суперэтнического (евразийского) плана, на фоне иной (англо-американской) цивилизации. Таким образом, оппозиция англо-американскому становится одной из доминант идентификации языковой личности нового века. Это чувствительная (а значит, как и в случае с этнизацией языка, потенциально конфликтогенная) смысловая зона в процессах социокультурной идентификации.

Посмотрим, какие испытания прошли носители языковой русскости (российскости) под воздействием этнополитических концепций⁷ различных проявивших себя на постсоветском политическом пространстве акторов. **Принципиально важным** представляется обоснованное Л.Л. Хопёрской в одной из ее статей положение о зависимости *степени дисбаланса (конфликтности) от типов взаимодействий акторов этнополитической системы*, мобилизующихся на основе различных этнополитических концепций, которые могут быть ориентированы на сохранение, преобразование или разрушение данной системы [Хопёрская 2011]. Предложенное ею «аксиологическое измерение в анализе этнополитических конфликтов», действительно помогает выделить в составе объективированной для рассмотрения системы «особого класса элементы, приводящие её в состояние “самовозмущения” и потенциально способные довести систему до кризиса и разрушения “изнутри”, а не в результате воздействия среды» [Хопёрская 2011: 48]. Нам представляется, что в ходе реформы научно-образовательной сферы, включая и такие предпринимаемые шаги, которые можно отнести к разряду языковой политики в этой сфере, в систему был внедрен ряд аксиологически маркированных конфликтогенных этнополитических идеологем, что отразило конфликт интересов разных групп российской политической элиты смыслоуtratной позднесоветской и постсоветской эпохи.

---

⁷ Нам близок подход Л.Л. Хопёрской, которая в анализе конфликтности этнополитических систем использует введенное ею в состав параметров конфликтной социальной ситуации понятие этнополитических концепций, отражающих установки группового сознания и являющихся «основой мобилизации акторов (участников политического процесса), т.е. приведения их в активное состояние, сосредоточения их сил и средств для достижения цели» [Хопёрская 2011: 49]. При этом мы исходим из упомянутой выше разнотрактовки понятия этничности, что, видимо, позволяет оперировать понятием этнополитическая концепция не только при рассмотрении взаимодействий акторов разного уровня (как внутренних, так и внешних), но и при формировании установочного механизма у одного и того же типа акторов под воздействием нескольких разнородных концепций.

Конфликтогенность сложившегося положения провоцируется индифферентностью (и даже нигилизмом) ряда элитарных групп по отношению к системообразующим этнокультурным реалиям, в частности, хроническим игнорированием реалий языковой ситуации в РФ (СССР) с недооценкой в разные периоды времени функционального статуса одних её компонентов и, наоборот, переоценкой других. Так языковая политика в СССР в эпоху перестройки, пронизанная духом «митинговой демократии», как и другие сферы законотворчества смутного времени, положила начало «добровольному» отчуждению русских от своего языка. Статус русского низводится до *официального* (языка официальных документов) в республиках СССР (и даже этот статус обещан ему не везде); имеет место автоматическое провозглашение титульных республиканских языков государственными в условиях этноязыкового разнообразия проживающего в них русскоязычного населения. Примечательно, что, по свидетельству участников тех событий, причастных к разработке и принятию законов, в роли защитников де-факто сложившегося функционального статуса русского языка, как активно использовавшегося в качестве общегосударственного на всей территории СССР, горячо выступали не русские депутаты, а представители разных автономных образований и национальных меньшинств в республиках бывшего СССР. Они видели в русском языке гаранта защиты своих гражданских прав и этносоциальной справедливости [Исаев 1991: 7-8].

Перестроечные и постперестроечные события в последующие годы показали глубину заложенных в законодательстве того времени противоречий. В языковой политике тех лет в ряде республик возобладала установка на моноязычие (соблазн узаконить однокомпонентную языковую ситуацию). Как пишет социолингвист В.Ю. Михальченко, глубоко исследовавшая языковые процессы в бывшем СССР и современной России, установка на моноязычие была позаимствована вместе с концепцией, «разработанной учеными франкоязычной канадской провинции Квебек для противостояния английскому языку» [Михальченко 2015: 25]. «Воплощение этой концепции в 1989 г. в законе о языках Эстонской ССР, а позже и во всех других республиках, включая Россию, вызвало открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и других союзных республиках бывшего СССР. В России конфронтационный характер законов о языках был нейтрализован принятием Закона о русском языке как общем средстве единения – государственном языке Российской Федерации» [Михальченко 2015: 26], который приближался в своих установках к специфике языковой ситуации в РФ.

Языковая ситуация в современной России является наследием истории народов нашей страны, способов совместного освоения ими общих территорий и построения общей цивилизации. Языковая ситуация в современной России разнообразна в различных регионах нашей суперэтнической державы. В.Ю. Михальченко выделяет в ней 5 различных моделей (подтипов) при наличии 150 языков в ее компонентном составе. Русский язык является общегосударственным языком РФ. С учетом местных государственных языков в республиканских форматах, только по отношению к параметру государственности выявляется 37 компонентов языковой ситуации [Михальченко 2015: 27]. Уровень языкового

единения в РФ чрезвычайно высок: на русском языке говорят 98,2% населения. 23% населения владеют еще 38 языками народов России, а остальные 114 языков распространены всего среди 1% населения. Большинство языков, которые имеют максимальное количество владеющих, являются государственными языками республик [Михальченко 2015: 14]. **Родным** для абсолютного большинства населения является **русский язык**, а в республиках чаще **родными** могут быть и **русский**, и **республиканский этнический язык**. В подобных случаях **русский язык** используется народами России не только для развития и поддержания **регионального (наряду с этническим) этнокультурного и общероссийского (цивилизационного) единства**, но и как **мировой язык** для доступа к новым технологиям и культурным ценностям. Функциональная развитость этого языка, которая обреталась его многовековым участием в становлении и развитии российской (русской) цивилизации во всех ее воплощениях, позволяет ему выполнять все (от самых интимных до глобально значимых) функций представления смысловой сферы многоликой российской культуры.

Языковая ситуация в России не дает никаких оснований для административно-принудительного продвижения свободного (наравне с имеющимися в РФ языками) хождения английского вместо родных для населения нашей страны языков. Английский язык не имеет никакой естественной этносоциокультурной базы для его использования где-либо в РФ в качестве функционально развитого внутрицивилизационного, межэтнического и тем более внутриэтнического родного языка. Все эти социальные потребности обеспечивает русский язык в связке с функционально адаптированными для региональных российских нужд языками народов России. Из этого следует, что английский язык был и остается иностранным языком для народов России. В таком качестве он и должен изучаться как **язык геополитического конкурента**. Преподавание этого языка в качестве иностранного должно включать активную рефлексию над маргинальными (конфликтогенными) этнополитическими концепциями акторов англификации-американизации (и шире: вестернизации), поскольку они неустранимы из семиотики транслирующей их лингвокультуры и при определенных условиях (временно уязвимых состояниях смыслового поля российской цивилизации) могут трансформироваться в деструктивные для россиян идеологемы.

Особого внимания заслуживает вопрос мотивации при изучении иностранного языка. Социальные и личностные потребности в освоении иностранного языка могут быть очень разнообразными в такой стране как Россия. При неосознавании и недооценке (в том числе и по незнанию) роли онтогенеза и фактора включенности (невозможности быть включенным) в живую этническую лингвокультурную среду, у части акторов власти может возникнуть идеализация возможностей обретения желаемого уровня владения языком. Реальность, как правило, противоречит такой идеализации, прежде всего, на уровне мотивационно-прагматическом, который всегда отражается на качестве и результатах любой деятельности.

Английский язык очень широко начал предьявляться на так называемом «рынке образовательных услуг» с самого начала перестройки. Среди «продавцов» были самые разные акторы, как российские, так и иностранные. Этот бизнес был особенно успешным на волне последовавшей за открытием границ эмиграции.

Очевидно, что английский язык для потенциального или уже состоявшегося эмигранта, желающего натурализоваться в англоязычной стране, английский язык для русского дипломата (рабочего, бизнесмена), постоянно или время от времени работающего в иноязычной стране, для российского туриста или для россиянина, проживающего и работающего в России, но желающего использовать знания, представленные в англоязычном формате, это все разные уровни мотивации и разные потребности с различными возможностями их удовлетворения. Столь же разными могут быть и подходы к изучению англоязычной лингвокультуры, которая очень разнообразна и не имеет одноформатного воплощения даже в исконно англоязычных странах, вопреки мифу о едином, глобальном английском языке. Что представляет собой английский язык в качестве единственного (родного)? Второго (родного или неродного)? Эти и многие другие вопросы состояния языка решаются сегодня с учетом этносоциокультурной специфики сообщества его носителей и места его развития.

Функциональность языка в сфере образования и науки в российских вузах, качество используемого общегосударственного языка (и государственных языков) это особая проблема, которая требует внимания со стороны педагогического сообщества. Обретенный нашей страной опыт внедрения новых этнополитических интересов в практику языкового строительства даже при наличии естественного, поддержанного онтогенезом билингвизма, далеко не однозначен. Об этом свидетельствуют многие гуманитарные исследования последних десятилетий. Выбор этнического языка респондентами в качестве родного при социологических опросах совсем не означает достаточное качество владения этим языком в практике жизни, этот выбор, как правило, детерминируется другим фактором – этнокультурной идентификацией. Следовательно, образ родного языка и реальное владение им часто представляют собой разные сущности. Эти вопросы, похоже, не получили должной проработки при рекультивации национальных языков в перестроечный период. Так, например, неоднозначная языковая ситуация складывается в Казахстане. Здесь наблюдается постепенное расширение доминирующих позиций казахского языка через расширение сети средних школ, где на нем проводится обучение. Однако серьезным препятствием на пути полноценного функционирования этого языка является низкое качество обучения, что связано с целым комплексом факторов, не в последнюю очередь со слабым использованием казахского языка в среде самих казахов [Джумагельдинов 2010: 214]. Наверное, такое положение в будущем скажется и на качестве обучения казахского контингента из таких школ при поступлении в вузы. Параллельно в процессе сокращения часов на обучение русскому ухудшается и качество владения русским языком [Джумагельдинов 2010].

Сложная ситуация и с тувинско-русским двуязычием в Туве. В республике преобладает тувинское население, а тувинский язык используется им традиционно активно. По оценкам исследователей, тувинский язык и в советское время был так популярен среди местного населения, что риски его исчезновения несопоставимы с положением дел у ряда этнических групп в других республиках [Анайбан 2016: 305]. Культивация же обучения на тувинском языке ведет к оттоку высококвалифицированного русскоязычного населения, представители которого

хотят более высокого качества образования и видят свою реализацию в более широкой сфере, чем узкий локальный контекст. Миграция русского населения в соседние территории плохо сказывается на ситуации в Туве, в частности, приводит к технологическому оскудению, от чего страдает все население республики (подробный анализ тувинской языковой ситуации см. [Кан 2011]). Анализ языковой ситуации и специфики регионального языкового сознания в новейших психолингвистических исследованиях, проводившихся, например, в Республике Татарстан и Республике Коми, выявляет сходные проблемы и в этих, по наблюдению авторов, довольно толерантных к межэтническому диалогу, регионах [Региональное языковое сознание...2017].

Даже рекультивация живых этнических языков, признаваемых их носителями в качестве родных, с которыми осуществляется этнокультурная самоидентификация, имеет серьезные последствия, тормозящие когнитивные и модернизационные процессы в ходе межпоколенной передачи опыта, что же говорить о попытках принудительной подмены родного языка иностранным! Но если качество владения русским языком (как и рекультивируемым этническим) в условиях рукотворного двуязычия неизбежно ухудшается, то качество иностранного английского языка (напоминающее схоластическую латынь) при его функционировании в научно-образовательной сфере (не только в РФ) вообще не позволяет квалифицировать его как живое полноценное средство при передаче межпоколенного опыта в системе образования и воспитания нашей страны. Уровень активного владения этим языком (его вариантами) в современных условиях целиком зависит от толщины кошелька обучающегося, его индивидуального опыта прямых и (частично от) опосредованных (через культурные продукты) контактов с языковыми сообществами, в которых этот язык используется в качестве родного. В любом случае активное овладение иностранным языком не разовая акция, единожды приобретенные навыки нуждаются в пожизненном подкреплении и развитии. Цена вопроса при последовательном внедрении политики англификации неоправданно высока, ибо эта политика побуждает работников научно-образовательной сферы стать «бóльшими англичанами (американцами) чем сами англичане (американцы)», грубо выталкивает своих граждан из поля родной лингвокультуры, национальной и гражданской идентификации, провоцируя отчуждение от профессиональной и национальной среды. Такая политика не имеет ничего общего с нормальной практикой изучения английского языка как иностранного в России. Мотивационная база маргинальных проявлений языковой политики в научно-образовательной сфере должна рассматриваться в контексте общей практики реформирования образования и науки в постсоветский период, в условиях идеологического и финансового давления извне.

Таким образом, приходится констатировать, что языковая политика в научно-образовательной сфере в своих маргинальных проявлениях гуманитарно несостоятельна, она представляет собой результат воздействия деструктивной формы идеологической вестернизации некоторых групп причастной к властным функциям элиты общества. **Этнический нигилизм** используется ими как (псевдо) мобилизационная тактика в практике проведения реформ с 90-х гг. прошлого века. Этнологи выделяют различные по своему содержанию виды идентификационных

процессов, которые определяются на фоне нормы, допускающей отклонения, как в направлении нарастания этничности, так и ее угасания или даже отрицания [Садохин 2000: 134]. А.П. Садохин определяет *нормальную идентичность* как состояние, при котором «образ своего народа воспринимается как положительный, когда имеет место в целом благоприятное отношение к его культуре, истории» [Садохин 2000: 134]. Однако встречается и иной тип идентификации, который известен как *этнонигилизм*, по сути – отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. «Обычно этот тип идентичности возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. Следствием этого становится избегание демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности» [Садохин 2000: 134-135]. Сложившиеся в перестройку стереотипы восприятия на основе этнонигилизма закрепились благодаря поддержанной извне и изнутри идеологической фобии по отношению ко всему советскому, активной их трансляции нео-либеральными группами во власти и СМИ. Вот только некоторые из бытующих по настоящее время идеологем, которые связаны с языком и используются в качестве «мотивирующих» англификацию установок, ведущих, в конечном итоге, к цивилизационному развоплощению россиян через сужение их сознания и ограничение сферы познания мира.

1) Гипертрофируется роль английского языка как мирового. Он представляется в массовом сознании как единственный мировой язык (как будто не существует других мировых языков и других цивилизационных образований, кроме англосаксонского).

2) Сами по себе английскость и англоязычность ассоциируются с научностью и престижностью, вплоть до сведения научности к англификации.

3) В ходу штамп «весь цивилизованный мир», под которым понимается западноевропейская и американская цивилизация как передовой отряд человечества, противостоящий дикой нецивилизованной массе.

4) Принижается роль русскоязычных журналов, научных текстов, достижений ученых и самих этих ученых: на фоне «западных аналогов» их статус признается заведомо низким **по этноязыковому принципу**.

5) Делается вывод о том, что русским нужно перманентно и однонаправленно «учиться» у англоязычных коллег, и т.п.

К сожалению, эти стереотипы уже привели к серьезным противоречиям и росту напряженности внутри российского общества, включая и явное несоответствие между транслируемыми в общество установками внешней и внутренней политики РФ. **Этнический нигилизм** части российской элиты находит встречное движение в традиционном **этноцентризме** части западных элит, поддерживая, таким образом, интересы геополитического противника. В период смуты в России этнонигилистические тенденции нарастают, а попытки их воплощения в жизнь в ходе совершенно необходимой для сохранения страны модернизации впускают внешних акторов с их деструктивными этнополитическими концепциями. Такого рода способы взаимодействия российско-западных этнополитических установок много раз деструктивно проявляли себя в кровавых гражданских и мировых войнах XIX – XX вв.

Конфликтогенность текущей политики англификации кроется в тенденции репрессивного подавления российской гражданской и цивилизационной идентичности по мере отчуждения властной элиты. Возможные последствия последовательного и настойчивого воплощения такой политики оцениваются нами следующим образом. **Культивация отчуждения** от собственного языка – отчуждение от мысли (картины мира, культуры) и идентичности российской цивилизации, что чревато разрастанием этнонигилизма в элитарных группах с обратным процессом в других социальных слоях – деструктивным этноцентризмом (такая ситуация уже проявила себя на Украине). Социальная дестабилизация, ведущая к утрате суверенности и сопряженных с нею благ российской цивилизации. Деграция научно-образовательной сферы из-за невозможности полноценного исполнения ею своих функций. Деграция социальных механизмов межпоколенной передачи опыта, знаний и регулирующих жизнь российских этносов традиций. Раскол единого гуманитарного пространства страны по линии нарушения сфер совместной деятельности, выполняющих функцию объединительного начала у народов РФ. Активизация конфликтогенных процессов на окраинах РФ и в иных зонах потенциальной нестабильности.

Достаточно чувствительные проблемы национальных языков в некоторых республиках РФ могут только обостриться на фоне политики англификации. Здесь следует обратить внимание на очень существенный фактор цивилизационной идентичности россиян. Русский язык, по наблюдению В.Ю. Михальченко, выступает как своего рода «защитник» языков и культур РФ от деструктивных влияний американской глобализации, в особенности, от американской массовой культуры и функционального давления английского языка в целом. «На территории РФ русский язык, в определенной степени принимая на себя последствия указанных явлений, в то же время в значительной мере охраняет от этих процессов языки и культуры других народов России, оставаясь при этом одним из развитых языков, оказывающих значительное влияние на языки малочисленных народов Российской Федерации» [Михальченко 2015: 24]. При всем многообразии языковых ситуаций в РФ они везде замыкаются на системообразующую для нациестроительства роль русского языка. Нельзя не согласиться с В.Ю. Михальченко, которая усматривает искусство языковой политики в умении сбалансировать две противоположные тенденции – к языковому единению страны (государства) и к сохранению и развитию своих национальных языков и культур [Михальченко 2015: 25]. Нам представляется, что в условиях растущей этнизации языков, подъема национализма во всех его формах, этнополитическая концепция англификации становится дополнительным дестабилизатором в стране, которая никогда не была английской колонией.

Что можно противопоставить англизирующей деформации сознания представителей управляющих элит? Прежде всего, волю к выработке зрелых решений, адекватных природе сопряженных с языком этносоциокультурных процессов, на государственном уровне. Необходимо добиваться признания менеджерами безусловного приоритета русского языка (как неотъемлемого атрибута) в научно-образовательной сфере РФ (в соответствии с законом РФ); ликвидации дискриминационной практики в отношении публикационной активности российских ученых и деятельности российских журналов; укрепления

социальных институтов, способных компетентно готовить такие решения; создания общественных институтов экспертной оценки результатов их реализации и мн. др. Очень важным представляется обеспечение постоянной системной господдержки (на уровне, как минимум, международных договоров и иных механизмов системного плана) доступа к научно значимой информации для всех заинтересованных в этом акторов на общегосударственном русском языке; проведение комплексной гуманитарной экспертизы результатов уже состоявшихся реформ в научно-образовательной сфере. Особое внимание должно уделяться разработке (совместно с заинтересованными странами) системы довузовской языковой подготовки иностранных студентов (как в России, так и за ее пределами), которые будут учиться в российских вузах. Существует настоятельная потребность в организации системной господдержки комплектации и постоянного обновления российских научных библиотек научно значимой литературой на английском языке независимо от форм ее бытования; организации (частично, рекультивации) деятельности по выявлению и реферированию наиболее значимых из таких источников, их продвижению в научно-образовательную среду. Ощущается необходимость в постоянной системной и информационной поддержке профессиональной переводческо-издательской деятельности в научно-образовательной сфере.

По итогам нашего анализа можно сделать вывод, что проведению в жизнь маргинальной политики англификации (как и ряда других уже состоявшихся реформ) в научно-образовательной сфере следовало бы, как минимум, предпослать объективацию⁸ стоящих за ней этнополитических концепций с соответствующими им «актуальными» установками. Такой подход позволил бы вовремя оценить конфликтогенность текущей языковой политики, характер и суть определившего ее «актуального» для прошлых лет установочного механизма. Он также нацелил бы участников научно-образовательной деятельности на выработку установок целесообразной в новых условиях самоутверждения и существования российской цивилизации политики, которая способствовала бы подлинной активизации гибкого ресурса системы для прорыва в будущее. Последнее подразумевает выход на имеющие высокую мобилизационную силу нравственно оправданные решения, в том числе, и применительно к языковой политике в научно-образовательной сфере.

Литература

Анайбан З.В. Опыт этносоциологического исследования языковых процессов в Туве // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. С.302 – 307.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Свод №3. Международный альманах / Сост. Н.В.Гумилева; пред., коммент., общ. ред., карты А.И.Курчки. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.

⁸ Здесь мы трактуем объективацию в духе психолого-педагогической концепции Д.Н. Узнадзе, как акт, дающий субъекту «возможность переживания чего-либо как данности, как некоего объекта» [2014: 233]. Объективация представляет собой акт остановки реализации «актуальных» установок в целях развертывания интеллектуальной активности для поиска более целесообразных установочных состояний, способствующих безошибочному приспособлению к требованиям окружающей действительности [Узнадзе 2014: 230-249].

Исаев М.И. Закон принят. Что дальше? // Русская речь. 1991. №1. М.: Наука. С.3-9.

Джумагельдинов А.Н. Языковая политика в системе государственного образования Казахстана // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 213 – 220.

Кан В.С. Тувинский и русский языки в общественном мнении жителей Тувы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 221 – 226.

Кочетков Г.Б. Российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал (ISSN 2070-5476) / URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=50> (дата обращения: 24.02.2018).

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 9 – 12.

Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. М., 2015. С.14-31. (Сер.: Теория и история языкознания).

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М. – Ярославль: Изд-во Канцлер, 2017. 240 с.

Садохин А.П. Этнология. М.: Гардарики, 2000. 254 с.

Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Под ред. И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. Перевод с грузинского Е.Ш. Чомахидзе. Серия «Живая классика». Редактор-составитель Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2014. 367 с.

Хопёрская Л.Л. Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46 – 56.

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. С.256-273.

РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т. 1 – 2. М., 1994 – 1998. URL:<http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>(дата обращения: 20.10.2017).

ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 20.10.2017).

САНРЯ: Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Режим доступа: URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>(дата обращения: 20.10.2017).

СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015. 763 с. Режим доступа: URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 22.11.2017).

ISSUES OF LANGUAGE POLICY IN SCIENCE AND EDUCATION

Irina V. Shaposhnikova

Chief Researcher, Institute of Philology SB RAS
8 Nikolayev str., Novosibirsk, 630090
Doctor of Philology, Professor
Novosibirsk State University
2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090
i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article objectifies the conflict-prone ethno-political attitudes behind some marginal manifestations of the reforms in the scientific and educational sphere of the post-Soviet period. The author carries out an analysis of several associative-verbal markers of foreign ethnicity connected with interiorization of experience of cross-cultural contacts in the late Soviet and post-Soviet periods. Several semantic areas in the associative fields (AF) RUSSIAN and LANGUAGE associated with ethnocultural identity of the Russian linguistic personality are also explored. The carried out analysis reveals several psychoglosses marking socially sensitive (potentially conflict-prone) semantic accents in the structure of the young Russians language consciousness. The article analyzes the conditions in which the motivational base of reformation activity was conceived, including the current language policy in the scientific and educational spheres and certain administrative and organizational acts that ultimately form this language policy in its marginal manifestations. The basic dimensions of the language situation in modern Russia are considered. The main contradictions between the “actual” settings of the current language policy in the scientific and educational sphere and the essential system-forming dimensions of Russia’s language situation are revealed. The author makes conclusions about initial ethno-political concepts, their motivational mechanism having been converted into reforming effects that might be negatively reflected in the current language policy. The marginal conflict-prone manifestations in the current language policy in the scientific and educational sphere (such as total anglicization) do not take into account the destructive potential of the ethno-political concepts which can (if implemented persistently) dismantle the integrity of Russian civilization.

Keywords: identity psychoglosses of young Russians, language policy in scientific and educational spheres of the Russian Federation, a conflict of actors installation, Russia’s current language situation, marginal manifestations of reforms in science and

education, contradictions between the current language policy settings and language situation dimensions, the ethno-political concepts of reformism, the objectivization of the interacting conflict-prone ethno-political concepts of reform actors

References

Anajban, Z.V. (2016) Opyt jetnosociologicheskogo issledovanija jazykovykh processov v Tuve [The experience of ethnosociological study of the linguistic processes in Tuva] *Jetnosociologija vchera i segodnja* [Ethnosociology yesterday and nowadays]. Ed. by Ostapenko, L.V., Subbotina, I.A., 302-307. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN. Print. (In Russian)

Gumilev, L.N. (1994) Jetnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Biosphere] / Svod №3. *Mezhdunarodnyj al'manah* [Letters, Vol.3. International Almanac] by Gumileva, N.V. Moscow: Tanais DI-DIK. 544 P. Print. (In Russian)

Isaev, M.I. (1991) Zakon prinjat. Chto dal'she? [The Law Passed. What Is Next?]. *Russkaja rech'* [Russian speech]: 1, 3-9. Moscow: Nauka. Print. (In Russian).

Dzhumagel'dinov, A.N. (2011) Jazykovaja politika v sisteme gosudarstvennogo obrazovanija Kazahstana [Language Policy in the System of State Education of Kazakhstan]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention]. Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 213-220. Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Kan V.S. (2011) Tuvinskij i russkij jazyki v obshhestvennom mnenii zhitel'ej Tuvy [Tuvan and Russian Languages in the Public Opinion of the Inhabitants of Tuva]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention] Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 221-226. Moscow: Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Kochetkov, G.B. Rossijsko-amerikanskije nauchno-tehnicheskie otnoshenija v gody perestrojki [Russian-American Scientific and Technical Relations in the Years of Perestroika]. *Rossija i Amerika v XXI veke. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Russia and America in the 21st Century. Electronic Scientific Journal] (ISSN 2070-5476) URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=50> (retrieval date: 24.02.2018). Web. (In Russian)

Kryshatanovskaja, O.V. (2005) Anatomija rossijskoj jeliti [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zaharov. 384 P. Print. (In Russian)

Leont'ev, A.A. (2007) Jazyk ne dolzhen byt' «chuzhim» [The Language Should Not Be Alienated] *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 6: 9-12. Print. (In Russian)

Mihal'chenko, V.Ju. Jazykovaja situacija i jazykovaja politika v sovremennoj Rossii [Language Situation and Language Policy in Modern Russia]. *Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka* [Language Situation in Europe at the Beginning of the 21st Century]: A Collection of Reviews. Ed. by Troshina, N.N., 14-31. Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija. Print. (In Russian).

Regional'noe jazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovlijanija (2017) [Komi, Russian, and Tatar Regional Language Consciousness: Pathways of Mutual Influence]. Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., Baljasnikova O.V., Poljanskaja A.G., Razumkova A.V., Svinchukova E.G., Stepanova A.A. Kollektivnaja monografija [Joint Monograph]. Ed. by Ufimceva, N.V. Moscow: Jaroslavl': Izd-vo Kancler. 240 P. Print. (In Russian).

Sadohin, A.P. (2000) *Jetnologija* [Ethnology]. Moscow: Gardariki, 254 P. Print. (In Russian).

Uznadze, D.N. (2014) *Filosofija. Psihologija. Pedagogika: nauka o psihicheskoj zhizni* [Philosophy. Psychology. Pedagogy: The Science of Psychic Life]. Ed. by Imedadze, I.V., Sakvarelidze, R.T. A Translation from Georgian by Chomahidze, E.Sh. Series «Zhivaja klassika». Ed. in Chief Leont'ev, D.A. Moscow: Smysl. 367 P. Print. (In Russian).

Hopjorskaja, L.L. (2011) *Aksiologicheskij aspekt analiza jetnopoliticheskikh konfliktov* [Axiological Aspect of Ethno-Political Conflicts Analysis]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention] Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 46-56. Moscow: Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Shaposhnikova, I.V. (2016) *Motivacionnaja baza reformy obrazovanija i jazykovaja politika* [Motivational Base of the Reform in Education and Language Policy]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics 1 (27), 256-273. Moscow: Institut jazykoznanija RAN; MIL. Print. (In Russian).

Karaulov, Ju.N., Sorokin, Ju.A., Tarasov, E.F., Ufimceva, N.V., Cherkasova, G.A. (1998) *RAS: Russkij asociativnyj slovar'* [Russian Associative Dictionary] Vol. 1 – 2. Moscow, 1994 – 1998. URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Ufimceva, N.V., Cherkasova, G.A. *EVRAS: Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Leont'ev, A.A. *SANRJa: Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka* [The Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014-2015) *SIBAS: Russkij regional'nyj asociativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and Far East)] 2. V. I. *Ot stimula k reakcii* [From Stimulus to Response]. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 537 P. V. II. *Ot reakcii k stimulu* [From Response to Stimulus]. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 763 P. URL:<http://adictru.nsu.ru> (retrieval date: 22.11.2017). Web. (In Russian).

УДК 81'23

DOI : 10.30982/2077-5911-2018-35-1-192-193

ОТ БИЛИНГВИЗМА К ТРАНСЛИНГВИЗМУ: ПРО И КОНТРА

Дмитрюк Сергей Валерьевич

кандидат филологических наук, РУДН,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2
dmitrserg@yandex.ru

Необходимость постоянно действующей контент площадки, посвященной изучению би-, поли-, транслингвизма и транскультурализма, обусловлена процессами современного мира, трансформировавшегося в общество глобальных информационных коммуникаций. С целью производства знаний о результатах взаимодействия разных национальных языков и культур с русским языком и культурой, в частности – знания о языковых, литературных и культурных контактах, языковых и культурных (гибридных) моделях и структурах, эстетических, социо-, лингвокультурных феноменах и коммуникативных кодовых переключениях, сотрудники кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН уже в третий раз проводят мероприятие международного уровня. Напомним, что Первая Международная научно-практическая конференция в этом русле состоялась в Российском университете дружбы народов 10-12 декабря 2015 года. Её результаты актуализировали проблемы, заявленные в названии и направлениях конференции. Об этом свидетельствует тематический номер научного журнала «Вестник РУДН. Серия ‘Вопросы образования: языки и специальность’ № 5, 2015» (ВАК РФ). Вторая Конференция, состоявшаяся в РУДН 9-10 декабря 2016 уже под эгидой Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), была нацелена на знакомство с новыми исследованиями, на обновление и производство новых знаний, продвижение исследовательского и практического опыта в области массового и индивидуального (литературного) би(поли)лингвизма и лингвистического образования.

Одним из приоритетных направлений III Международной научно-практической конференции «ОТ БИЛИНГВИЗМА К ТРАНСЛИНГВИЗМУ: ПРО И КОНТРА», прошедшей в Российском университете дружбы народов 1 и 2 декабря 2017 года (Программа повышения конкурентоспособности РУДН «5-100», проект М 2.4.1. П 1), остается обсуждение особенностей русско-инонационального (инонационально-русского) билингвизма, русскоязычия и транслингвизма. Соучредителем научного мероприятия, как и в прошлые годы, остался МАПРЯЛ, а организаторами конференции в этот раз стали традиционно активные участники из Казахстана и Белоруссии: факультет филологии и мировых языков Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), филологический факультет Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) и филологический факультет Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Витебск, Белоруссия).

Общее количество участников в 2017 году составило 198 человек из 24 стран мира, в том числе из Германии, Казахстана, Китая, США, Франции и др.

С приветственным словом к участникам конференции обратились проректор по доп.образованию РУДН Анжела Викторовна Должикова и профессор Улданай Максutowна Бахтикиреева, которая на правах организатора и идейного вдохновителя конференции в своей приветственной речи, поблагодарив всех участников и

организаторов форума, обозначила основные направления в исследовании неисчерпаемых проблем би-, поли-, транслингвизма и языкового образования.

От имени почетных гостей с горячим приветствием выступили драматург и переводчик, писатель и сценарист Анатолий Андреевич Ким и профессор из Словакии Наталия Сервенакова Муранска – звкафедрой русского языка и литературы Университета им. Константина Философа (Нитра, Словакия).

На пленарном заседании выступили ведущие отечественные и зарубежные ученые, специалисты в области языкознания, психолингвистики, би- и полилингвизма: директор Института языкознания РАН, доктор филологических наук профессор Андрей Александрович Кибрик с докладом «Языковое разнообразие: документация и возможности сохранения». Профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, член Президиума МАПРЯЛ, руководитель исследовательской группы «Славистика, кавказология и типология языков» доктор филологических наук Рафаэль Гусман-Тирадо рассказал о состоянии русского языка в Испании и, в частности, в Гранадском университете. Профессор Георгий Теймуразович Хухуни, завкафедрой Московского государственного областного университета (г.Москва) поделился своими соображениями о неоднозначности и многогранности литературного перевода художественных произведений в докладе «Литературный билингвизм: прошлое и настоящее». Живой интерес слушателей и непринужденную дискуссию вызвал доклад доктора филологических наук из Казахского национального университета им. аль-Фараби профессора Людмилы Владимировны Екшембеевой (г.Алматы, Казахстан) на тему «Имплицитные смыслы и методология обучения языку», в котором автор на примере собственных исследований обобщила богатый материал по лингводидактике двуязычия.

Насыщенно и продуктивно прошла работа в научных секциях № 1 «Русско-инонациональный би-, поли-, транслингвизм в России и в мире: история и современность» (руководители д.ф.н. проф. Ш.К. Жаркынбекова и д.ф.н. проф. В.Н. Базылев); № 2 «Русскоязычие. Транснациональная литература. Литературный билингвизм в России и за рубежом. Вопросы перевода» (руководители д.ф.н. проф. Г.Т. Хухуни и доктор (PhD) доцент О.А. Валикова); № 3 «Методология обучения. Методика преподавания русского языка» (руководители д.ф.н. проф. Л.В. Екшембеева и д.ф.н. доцент С.В. Николаенко)

Работа секции «Психолингвистические аспекты билингвизма. Подготовка преподавателей русского языка для работы с учащимися би-, поли-, транслингвами» проходила в Институте гостиничного бизнеса и туризма. Выступления участников секции охватывали проблемы, связанные с: - формированием образов этнокультурного языкового сознания, функционированием языкового сознания билингвальной и вторичной языковой личности; - вопросами определения доминантного языка в речи билингов; - рефлексивным обучением учителей иностранного языка в полиязычной среде; - лингводидактическими аспектами обучения иностранному языку; - лингводидактическими принципами построения учебника нового поколения по иностранному языку.

По итогам конференции принято решение провести IV Конференцию, посвященную проблемам би-, поли-, транслингвизма и билингвальному образованию, в РУДН. Президиум МАПРЯЛ одобрил проведение конференции 7-8 декабря 2018 года в Российском университете дружбы народов.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-194-199

Дьяченко Галина Викторовна

кандидат филологических наук

кандидат богословия

доцент кафедры теории и практики перевода

Луганской государственной академии культуры и искусств

Вдовиченко А.В. Казус “языка” Септуагинты и Нового Завета: Лингвистический метод “за” и “против” авторов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 288 с.

Рецензируемая монография А. В. Вдовиченко «Казус “языка” Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод “за” и “против” авторов» затрагивает фундаментальные проблемы современной лингвистики в области теории и методологии, представленные на материале библейских текстов, имеет важное теоретическое и практическое значение как для библеистики, так и для языкознания. Соположение этих двух научных областей в рамках одного исследования оказалось исключительно плодотворным для них обеих.

Ставший в лингвистике традиционным подход к изучению христианской Библии способен обнаружить лишь «ненормализованность», «малограмотность», «ущербность», «просторечность» ее языка, и соответствующие характеристики библейских писателей/переводчиков. Автор монографии принимает это за отправную точку своего исследования и рассматривает сложившуюся ситуацию как странный методологический «казус». Теория, с его точки зрения, не просто не справляется с задачей дать непротиворечивое описание деятельности авторов и статуса их текстов, но прямо искажает историко-культурную реальность. В результате рассмотрения данного «казуса» А. В. Вдовиченко приходит к выводу о необходимости применить более адекватный инструментарий (обновленную методологию он называет дискурсивной, или коммуникативной моделью описания) и радикально переосмыслить лингвистический статус библейских текстов, а также деятельность их авторов.

Монография состоит из четырех больших глав. В первой и второй главах рассматривается противоречивый статус грекоязычных библейских текстов, придаваемый им в рамках структурно-грамматической парадигмы. В третьей главе – наиболее новаторской и важной для общей теории лингвистики – содержится масштабная теоретико-методологическая программа дискурсивного (коммуникативного) описания вербальных данных. Наконец, в самой объемной четвертой главе показывается эффективность применения разработанной дискурсивной лингвистической парадигмы к текстам Септуагинты (LXX) и Нового Завета (НЗ).

В двух первых главах с большой степенью подробности представлена картина «концептуального хаоса» (с. 51), царящего в современных лингвистических исследованиях грекоязычной Библии. Свободно оперируя специальными научными исследованиями как почтенной давности, так и новейшего времени,

автор монографии подвергает их глубокому остроумному анализу, выявляя внутренние противоречия выдвигаемых в них концепций. Автор систематизирует разнообразные подходы к изучению языка Септуагинты и Нового Завета, воспользовавшись условным противостоянием *аттицистов*, или эллино-ориентированной исследовательской парадигмы (А. Deissmann, А. Thumb, F. Blass, А. Debrunner, J. H. Moulton, Н. В. Swete и др.), и *гебраистов*, или семито-ориентированной парадигмы (J. Vergote, J. Wellhausen, G. Dalman, С. С. Torrey, С. F. Burney, J. А. Montgomery, R. В. Y. Scott, M. Black и др.), усматривая к тому же синтез обеих указанных парадигм в современной теории *билингвизма* (M. Silva, G. H. R Horsley, H. Baetens Beardsmore и др.). В рамках эллиноцентричной теории два бесспорных факта относительно языка Библии – греческий текст и семитское влияние на него – осмысляются как «испорченная семитизмами греческая норма» (с. 57). В рамках семито-ориентированной теории ни о какой греческой «норме» в принципе не идет речь, но посредством констатации «чуждых» библейскому тексту элементов утверждается «факт пушей испорченности» его языка (с. 61). В свою очередь, с позиций теории билингвизма семитические элементы объявляются результатом неконтролируемой и неосознаваемой библейскими авторами межъязыковой интерференции, в результате чего их язык оказывается «полностью греческим, но не вполне греческим», или «языком Геродота, испорченным семитским влиянием» (с. 115-116). Таким образом, внешне различающиеся позиции аттицистов, гебраистов и билингвистов совпадают в своем итоговом выводе – признании «ненормализованности» языка Библии.

Данный факт А.В.Вдовиченко объясняет принадлежностью всех трех подходов к одной лингвистической методологии, а именно структурно-грамматической (антично-соссорианской), которая рассматривает слово как отдельный от говорящего/пишущего автономный «предмет», наделенный неизменным «значением», непосредственно выражающий сущее и подлежащий системному и логико-количественному описанию. В рамках структурно-грамматического подхода библейский язык заведомо не может считаться «нормализованным». Однако о его «нормализованности» свидетельствует беспрецедентное историко-культурно-религиозное значение Книги книг в аутентичной коммуникативной среде, где Библия создавалась, читалась и изучалась. Полагая, что в этом направлении и следует искать критерий «нормы», автор монографии обращается к оформляющейся в XX в. дискурсивной (коммуникативной, функциональной, когнитивной) парадигме лингвистических исследований, в рамках которой вербальные данные рассматриваются не как элементы всеобщей языковой системы, а как неавтономные единицы коммуникативного действия самого говорящего/пишущего. Человекоориентированный дискурсивный подход позволяет усмотреть «нормализацию» языка Библии (как и любого «языка») в «сознании участников коммуникации» (с. 94). Для «авторов текстов и для их аудитории языковые модели, посредством которых создавались эти сочинения, были общепринятыми, общепонятными и нормализованными» (с. 65). На этом этапе автор монографии констатирует отсутствие полной и целостной модели описания вербальных фактов. Библейский материал ведет, таким образом, к необходимости полноценного оформления дискурсивного лингвистического метода (с. 123-124).

В третьей главе представлены основные принципы и понятия дискурсивного лингвистического синтеза А. В. Вдовиченко. Если в структурно-грамматической парадигме слово отделяется от человека, гипостазируется и становится самостоятельным «предметом», то в дискурсивной – слово неотделимо от говорящего/пишущего и не имеет значения вне его коммуникативной деятельности: «Вербальные элементы не обладают тождеством вне мыслимой ситуации коммуникативного действия, не могут иметь собственных значений и смыслов вне говорящего, который является единственным обладателем мысли и единственным источником смыслообразования... Единицы безличного “языка”, нетождественные и бессмысленные вне говорящего (то есть традиционный материал античной и соссюрианской лингвистики), дают недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации» (с. 16-17). Сущностными свойствами антропоцентричного по своей природе лингвистического материала А. В. Вдовиченко называет когнитивность, ситуативность, актуальность и коммуникативность (с. 24, 133, 254), каждое из этих свойств принципиально игнорируется в языковой модели вербального процесса.

В качестве подлинной лингвистической единицы автор указывает коммуникативную ситуацию (и дектическую синтагму как ее отдельный момент): «Дектическая синтагма, то есть осознанная ситуация использования данного вербального элемента, интегрирует значение вербального элемента на любом уровне анализа. До помещения в конкретную дектическую синтагму лингвистические феномены, в том числе слова, не обладают источником воспринимаемого значения» (с. 147). Заметим, что здесь остается не до конца ясным, входит ли вербальный элемент в коммуникативную ситуацию (дектическую синтагму, дискурс, речевой акт) как необходимый элемент наряду с когнитивным элементом, или такая «лингвистическая единица» исчерпывается только когнитивной составляющей? В последнем случае проблематичен ее собственно лингвистический статус. Если же верно, что «коммуниканты “говорят” не словами, а дектическими синтагмами» (с. 148), то она включает в себя когнитивный и вербальный элементы в их единстве.

Автор монографии справедливо подчеркивает некогнитивную природу автономного вербального элемента и невербальную природу когнитивной сферы: «Мысль нетождественна какой бы то ни было вербальной форме и связана с ней косвенно» (с. 138). При этом для объяснения их различия естественный вербальный факт определяется автором как «действие», а мысль – как «недействие» (с. 138). Однако мысль является ничем иным, как именно действием умной природы человека, равно как и звукобуквенный вербальный элемент – действием, но телесной природы. Иными словами, разница когнитивного и вербального элементов объясняется антропологически – нетождественностью по естеству ума и тела человека. Сама же мысль просто может быть не высказана и тогда остаться мыслью, а может быть высказана (с. 138-139) – и стать тогда когнитивным элементом коммуникативного действия.

В развиваемой автором версии понимания дискурса представляется важным объяснение «косвенной» связи вербального и когнитивного элементов, входящих в его состав. Согласно А. В. Вдовиченко, вербальный элемент выступает предикатом мыслимой коммуникативной ситуации, или коммуникативного

действия: «...текст в каждом из своих моментов содержится в изменяющейся ситуации коммуникации как в своем “субъекте” и обусловлен ею; соответственно текст (в каждом из своих моментов) есть функция мыслимой коммуникативной ситуации» (с. 146). Это означает, что вербальный элемент «соответствует» элементу когнитивному, «представляет его», способен его «отражать», то есть выступать его образом, а потому и обладает истолковательной силой по отношению к нему: «Любой вербальный текст, созданный в естественных условиях, отражает последовательность коммуникативных действий говорящего/пишущего, которые представлены вербальными элементами (составляющими “предложения”). Каждое вербальное предложение (как “представитель” отдельного коммуникативного действия) является предикатом соответствующей коммуникативной ситуации» (с. 148). «Способность говорить на “языке”, или “знание языка”, усваивается говорящим (ребенком в случае овладения родным “языком”) как умение произносить определенные вербальные клише в соответствующих моментах коммуникативных действий» (с. 150). Согласно данной логике «предикации», или соответствия «по образу», вербальный элемент «интегрируется», «помещается» (с. 147), «приспосабливается» (с. 165) к мыслимым ситуациям, «соответствует» (с. 173), «принят и подходит» для них (с. 143), «организуется и становится воспринимаемым, смыслообразующим» (с. 148), «получает возможность быть смыслообразующим» (с. 151) только в составе коммуникативного действия. Остается лишь посотовать, что данная логика «предикации», или соответствия «по образу» когнитивного и вербального элементов, не всегда последовательно выдерживается в исследовании. Так, по отношению к вербальному элементу рассуждения автора иногда сбиваются на ту же инструментальную метафору, о неадекватности которой свидетельствует он сам (с. 121-123): «Интеллектуальный (когнитивный) процесс, последовательно избавленный от предметного “слова” (последнее в актуальной речи есть инструмент действия в коммуникативном пространстве, некое внешнее “используемое” средство, сущностно не связанное с “использующим” его мыслящим субъектом)...» (с. 140). Представляется, что и в указанной выше неясности, включен ли вербальный элемент в качестве необходимого в коммуникативную ситуацию (деклическую синтагму, дискурс), также следует винить именно эту непоследовательность в понимании «предикации».

О том, что в этом пункте теория еще не оформилась окончательно, свидетельствует также разнообразие используемой автором терминологии. Так, *вербальный элемент* коммуникативной ситуации называется «вербальной моделью» (с. 121), «коммуникативной моделью» (с. 14), «языковой моделью» (с. 108, 142-143); «вербальным клише» (с. 14, 19, 65, 94) и «языковым клише» (с. 142-143, 148); «вербальным материалом» (с. 148); «вербальным действием» (с. 127, 148); «вербальным фактом» (с. 15, 22, 122); «феноменом вербальной коммуникации» (с. 16); «вербальным процессом» (с. 138) и «речевым процессом» (с. 134, 134); «коммуникативной реальностью» (с. 86, 88, 92, 122); «естественной коммуникацией» (с. 118); «естественным коммуникативным процессом» (с. 16) и «вербальным коммуникативным процессом» (с. 82, 145); «естественным лингвистическим материалом» (с. 22, 124) и «естественным вербальным материалом» (с. 42); «фактом естественного языка» (с. 21) и «фактом естественной коммуникации»

(с. 84, 92); «словом» (с. 131, 140, 148); «предметным элементом “языка”» (с. 121, 148). Само центральное понятие *коммуникативная ситуация* заменяется эквивалентными ему: «дектической ситуацией» (с. 151), «коммуникативной синтагмой» (с. 151, 214), «коммуникативным действием» (с. 124, 131, 148), «коммуникативным актом» (с. 144, 235), «речевым актом» (с. 141, 145, 164). Такое разнообразие терминологии является следствием продолжающегося теоретического поиска и дальнейшей разработки эффективной схемы естественного вербального процесса. Об эволюции воззрений свидетельствует также появившийся в данной монографии и отсутствовавший в докторской диссертации термин «телесный» как синоним понятия «предметный» (с. 16, 18, 110, 131, 253). При этом осуществляемый А. В. Вдовиченко выход в область антропологии свидетельствует об общем философском (и даже иногда богословском) векторе исследования.

Оставляя за рамками рецензии большую часть важных и глубоких наблюдений, обратимся к представленному в четвертой главе применению дискурсивной модели к библейскому языковому материалу. В качестве главного фактора интерпретации лингвистического статуса Септуагинты и Нового Завета автор указывает на грекоязычную иудейскую диаспору, составлявшую аутентичную среду возникновения и функционирования этих текстов (с. 167). Именно диаспора «сформировала внутреннее, не зависимое от языческого социума понятие об уместности/неуместности вербальных моделей (клише) в соответствующих коммуникативных действиях, представленных устно или письменно» (с. 180). Назначение перевода LXX, осуществленного пословно с древнееврейской Библии, усматривалось прежде всего в «прояснении элементов древнееврейского текста в ходе субботних чтений Закона и индивидуального изучения посредством коммуникативных моделей, более понятных диаспоральной аудитории» (с. 226). Поэтому вполне закономерно, что «этот “язык” усваивает в определенных чертах организацию древнееврейского текста и, таким образом, санкционирует своим авторитетом особую типологию вербальных клише. Она закреплена в постоянно читаемом и слушаемом корпусе священных текстов, в иудейской литургической практике, замкнутой и отстраненной от стихии греческой словесности, и данная ситуация не требует строгих параллелей и пересечений с “языком” греческой литературной традиции» (с. 258). В силу предполагаемой точности и адекватности перевода грекоязычная Септуагинта функционировала в иудейской диаспоре как священный текст: «Правильность перевода и его божественный статус воспринимались как свойства текста по умолчанию. Во всех случаях цитирования (в том числе у раннехристианских авторов, например, в посланиях корпуса НЗ, в послании Варнавы, в послании к коринфянам Климента Римского и др.) греческий текст воспринимается как “Писание”, без каких-либо уступок и специальных ссылок на статус переводного текста» (с. 227). Очевидно, что дискурсивная парадигма, вследствие внимания к когнитивному пространству авторов/переводчиков, позволяет обнаружить новые аспекты феномена богодухновенности Писания, ввести это понятие в лингвистическое (лингво-когнитивное) поле.

Независимо от обыденной коммуникативной практики грекоговорящих иудеев, Септуагинта становится образцом пророческого текста – и, прежде всего, текстов Нового Завета: «...текст LXX (искусственный с точки зрения греческих критериев текстуальности) сформировал в иудейской среде особый строй коммуникации,

предоставив модели для письменного нарратива и дискурсива профетического содержания» (с. 236). Помимо единой базы языковых клише, содержащихся в Септуагинте, условием создания профетических текстов Нового Завета стало «внетерриториальное (и, по-видимому, внесоциальное), а также религиозное и в целом идеологическое единство участников коммуникативной практики» – членов иудейских грекоговорящих общин (с. 212). В свою очередь, от профетической традиции автор монографии отделяет «собственно литературную иудейскую традицию» (в том числе написанные в «не-септуагинтальных» формах апологетические, философско-богословские, исторические сочинения грекоговорящих иудеев), развитием и продолжением которой становится византийское христианское богословие (с. 191-193).

Полученные выводы позволяют А. В. Вдовиченко резонно усомниться в необходимости посредствующих арамейских или древнееврейских оригиналов для греческих текстов Нового Завета, поскольку их авторы сами были субъектами грекоязычной иудейской традиции и могли опираться на принятую в ней типологию вербальных клише (с. 259). Данную мысль исследователь иллюстрирует блестящей параллелью с творчеством современных русскоязычных авторов, пишущих на церковнославянском языке: «Интересно заметить и то, что в церковнославянских текстах, созданных современным русскоязычным автором, кропотливый исследователь при желании может обнаружить значительное число греческих и арамейских интерференций (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), то есть мнимых следов “билингвального опыта” автора. Однако столь же очевидно и то, что для порождения таких “грецизмов” и “арамеизмов”, то есть “ошибок” в каком-то славянском “языке”, автору вовсе не потребовалось знание греческого и арамейского языков. Чтобы оснастить свой текст “грецизмами” и “арамеизмами”, современному автору было достаточно использовать хорошо известные ему вербальные клише из славянского (или церковнославянского) Писания» (с. 250). Подобно ему, древний создатель новозаветного текста использовал хорошо известные ему септуагинтальные клише, которые вследствие пословности Септуагинты уже содержали в себе «гебраизмы» и «арамеизмы». Однако семитизмы не могли восприниматься диаспоральными иудеями как «ошибки»; наоборот, они мыслились как нормализованный традиционный атрибут профетического текста (как «семитизмы» и «грецизмы» в церковнославянском Писании).

Представляется, что главное достоинство рецензируемой монографии состоит в том, что А. В. Вдовиченко фокусирует свое и читательское внимание на подлинном источнике смыслообразования любого коммуникативного действия – на авторе. Объяснение коммуникативной деятельности субъекта мыслится приоритетным по отношению к любым вторичным способам ее концептуализации, в том числе, к грамматике, языку, выделению единиц вербального процесса, и пр. Интерпретация последовательности коммуникативных действий (то есть конкретных текстов), в конечном счете, возводится к «не-предметным» личным когнитивным процессам. В интересах библейских авторов и восстановления подлинного статуса их текстов лингвистический инструментарий оправданно переосмысливается и корректируется. Представляется, что и лингвистические, и библеистические результаты исследования А. В. Вдовиченко окажутся плодотворны для дальнейшего развития этих областей знания.

Шаховский Виктор Иванович

профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник кафедры языкознания Волгоградского
государственного социально-педагогического университета
400131, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 27
shakhovsky2007@yandex.ru

**МОЖЕТ ЛИ ЛИНГВИСТИКА ПОВЛИЯТЬ НА ХОД
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ?**

(Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А.П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер.ун-т, 2017. 340 с.)

Выход в свет новой коллективной монографии является заметным явлением не только в теоретической, но и в прикладной лингвистике. Книга названа «Лингвистика информационно-психологической войны». Название краткое, но очень емкое. Актуальность данной книги – несомненна: в современном мире коммуникативные процессы как внутригосударственные, так и межгосударственные резко обострены негативными эмоциями: раздражением, гневом и даже агрессией [Шаховский 2016а; Волкова 2014 и др.]. В книге детально анализируются все аспекты информационного противоборства (война, поток, взрыв, бомба, атака, вброс, слив, провокация и др.).

Психологическая атмосфера в сегодняшнем планетарном объеме очень некомфортна. Это вызывает психоэмоциональное напряжение всех слоев населения разных стран, что не способствует оздоровлению как человека говорящего, так и того языка, на котором он общается. В книге очень успешно показана взаимозависимость этих двух значимых факторов современного состояния социального общества.

Книга «Лингвистика информационно-психологической войны» состоит из двух разделов. Каждый раздел включает в себя по 3 главы, которые, в свою очередь, делятся на подглавы. Такова структура монографии. В главе 1 раздела I «Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны (лингвистики ИПВ)» [с. 7-152] рассматриваются общетеоретические вопросы информационно-психологической войны (далее ИПВ – *В.Ш.*): определения основных понятий, терминов, философские, психологические и политологические основания лингвистики ИПВ. Ключевым термином в книге является термин «*лингвистика войны*», раскрывается, какой именно войны – психологической, а также описываются ее релевантные признаки. Термин явно не научный, а метафоричный. Но в теоретической и прикладной литературе слово «лингвистика» в таком смысле используется давно: «лингвистика эмоций», «лингвистикалжи», «лингвистика общения» и др. Поэтому данная метафора уместна, поскольку в ней действительно анализируются все языковые уровни, включая стилистические: лексика, фразеология, грамматика, морфология и синтаксис. В

ней рассматриваются также медийный, политический и художественный дискурс. Очень убедительно на протяжении всей книги иллюстрируется выявленная научная основа лингвистики ИПВ в ее информационном аспекте.

Много места в данной книге уделяется тактикам и стратегиям ИПВ, их взаимодействиям, а также показано использование конкретных лингвистических и стилистических средств на примере самых современных противоборствующих медийных технологий («Новая газета», «Эхо», «Известия», «Советская Россия», «Сноб», «Коммерсант», «РБК», «Дождь» и др.); проанализированы также очень яркие и потому заметные художественные произведения Д. Быкова, А. Зиновьева, М. Шишкина и др.

При этом сопоставлялись и сравнивались не только российские оппозиционные источники, но и зарубежные: газетные статьи, «Хроники», публицистические работы, интернет-ресурсы и современная художественная литература. Напомню, что Интернет в последнее время официально включен в разряд СМИ.

Среди языковых средств ИПВ авторы большое место уделяют в своей книге роли языковой игры, которая позже получает скрупулезный и остро критический анализ через творчество М. Эпштейна (см. ниже). Специально рассматриваются и ономастические игры, используемые в ИПВ.

В разделе I поднимается чрезвычайно актуальная проблема идеологии «Путин» и «Путин-лидер нации», которая в последующей главе подробно раскрывается как основная мишень ИПВ.

В разделе II «Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны» [с. 153-189] раскрывается еще одна важнейшая мишень ИПВ – современный русский язык. Аргументируется важность этой мишени – ключевые словопонятия: русскость, русская нация, народ России, этнос, составляющие скрепы самой страны – Россия.

Показано, как эта проблема связана с проблемой национальной безопасности и проблемой русофобии (очень жаль, что в данном разделе не нашлось места проблеме языковой экологии, потому что и национальная безопасность, и русофобия несомненным смысловым компонентом имеют экологический компонент, тесно связанный с психоэмоциональным состоянием всего общества, т.е. с доминирующими эмоциями во всех видах коммуникации: межперсональном, групповом, институциональном, особенно медийном – и со всеми используемыми языковыми средствами). И больше всего непонятно, почему авторы упустили этот аспект именно в Год экологии, который в январе 2017 года объявил наш президент.

В параграфе 5.1. главы 5 раздела II анализируется актуальнейшая проблема: Россия как мишень ИПВ [с. 190-213]. Как пишет один из авторов рецензируемой книги, целью западно-европейской ИПВ является ослабление, а еще лучше исчезновение России как самостоятельного государства. Тактики и стратегии такой ИПВ автор иллюстрирует примерами художественно-публицистического произведения А.А. Зиновьева «Катастрожка». Главными из них являются: смысловые, эмоциональные, нравственные, исторические удары по репутационному имиджу России. Подчеркивается агрессивность критики перестройки, происходящей в России, нагнетаемая специальными языковыми

стилистическими средствами могучего русского языка.

Интересно заметить, что иллокутивная сила зиновьевского текста независимо от автора свидетельствует о мощном смысловом потенциале русского языка, что невольно прославляет сам язык и его воздействующую силу, к сожалению, направленную на озлобленную критику страны этого языка. Автор нашел удачный прием саморазоблачения А.А. Зиновьева через использование русского языка в его борьбе с великой Россией. Замечу, что только великая страна может создать и развивать такой великий язык, и автору удалось доказать тщетность усилий не только Зиновьева, но и других «борцов» против России как мишени своей несправедливой ИПВ.

Автор убедительно аргументирует свою критику Зиновьева, его беззащитную фальсификацию фактов далекой древности [с. 195 и др.]. Приводит конкретные примеры этой фальсификации через зиновьевские байки и богатый арсенал используемых им стилистических фигур с целью импрессии читателя.

Одной из стратегий книги Зиновьева, как показывает автор, является дискредитация через абсурдизацию России [с. 200]. Вся перестройка тогдашней России обозвана Зиновьевым блендизмом «Катастрофка». В его время это была одна из первых креативных, как результат игры с языком.

До с. 214 автор очень подробно и детально иллюстрирует весь арсенал измышлений Зиновьева в адрес ненавистной ему России, что не может не вызвать у российских граждан гневное отношение к автору, а у врагов России – злорадство по поводу неудач российской перестройки.

В таком же ключе детально анализируются публицистические «Хроники» и роман Д. Быкова «ЖД»: его тактики, стратегии, приемы, методики, стилистические средства, иронические и саркастические оценки успехов и неудач современной России [с. 214-240]. Автор раздела монографии доказывает конкретными примерами из публицистики Быкова, что Быков работает на два фронта. Читатель рецензируемой монографии получает исчерпывающее представление о серьезном и заинтересованном анализе информационно-психологической борьбы с тем, что писатель видит в современной России. Завершается этот раздел монографии сомнением ее автора: так Д. Быков «за» или «против» России? Настолько хитроумно Д. Быков переплетает тактики, стратегии и средства языка и стиля, форму и содержание эмоционально-смыслового наполнения многочисленных оценок: достижений и провалов.

Мне нравится, что авторы фактически признают высокий талант Д. Быкова как писателя-публициста. А это делает его эмоционально-воздействующую энергетику мощной силой ИПВ. Или, может быть, она *не* против России? Тексты Быкова, по моему мнению, можно рассматривать и как тексты человека-патриота, переживающего все то, что он видит в своей стране, на что он обращает внимание своих читателей и что он хотел бы исправить. Могу провести аналогию с неприятием большей частью нашего российского общества произведений А. Солженицына, который жестко критиковал нашу страну, и в прошлом, и в настоящем болея за ее судьбу. См., например, его «Как нам обустроить Россию», написанную после того, как он проехал всю страну с Дальнего Востока до Москвы и видел всё ее убожество.

Поэтому понятие ИПВ может быть амбивалентным: всё зависит от того, с каких позиций ее рассматривать – так один и тот же человек может называться и разведчиком (для своих), и шпионом (для противника). В любом случае анализ текста Быкова проведен в рецензируемой книге с высокой научной компетенцией.

Далее в коллективной монографии столь же тщательно проводится лингвостилистический анализ романа М. Шишкина «Венерин волос» [с. 240-254]. Автор этого параграфа находит в его романе признаки, симптомы и черты ИПВ против России. И также, как в случае с Д. Быковым, автор не оспаривает художественного достоинства произведения М. Шишкина, что указывает на его непредвзятость по отношению к творчеству самого писателя.

По результатам анализа творчества трех писателей автор делает очень справедливые выводы: художественная литература при определенных условиях – один из мощных каналов ведения ИПВ [с. 254]. Завершается рецензированная монография главой 6 «Православие как мишень информационно-психологической войны» [с. 255-307], в которой в качестве мишени ИПВ является православие (РПЦ).

Начинается эта глава с уяснения причин выбора православия в качестве мишени ИПВ. Их семь [с. 255-257]. С каждой из этих причин надо согласиться, т.к. роль православия в исторической судьбе России несомненно велика (была и остается такой).

Единственное, что, по моему мнению, может вызвать недовольство некоторой части читателей, так это всё усиливающиеся попытки РПЦ вмешиваться в светскую жизнь государства: образования, медицины, искусства, внутреннюю и внешнюю политику, а также отход некоторых священнослужителей от скромного монашеского стиля и их повышенный интерес к материальной стороне жизни.

Примечательными представляются и обсуждаемые далее в монографии вопросы о разграничении критики РПЦ и ИПВ против нее. Действительно, порой очень трудно эти два понятия разграничить. Именно это я отмечал выше, когда писал о творчестве Д. Быкова. И в том, и в другом, а также во многих других, случаях критику можно принять и как ИПВ, и как патриотизм, поскольку язык и стилистические средства в обоих случаях могут быть одними и теми же. Всё зависит от отношения рецензента к автору текста и от его целеполагания (или спецзадания от начальства), а также от референтных групп, читающих эту книгу.

Как лингвист, оппонировавший по многим диссертациям, монографиям, статьям, я точно знаю, что один и тот же текст можно и защитить, и провалить. Поэтому мне кажется неоправданным привлечение лингвистов-экспертов к участию в рассмотрении судебных исков по защите чести и достоинства: в любом тексте можно найти доводы как pro, так и contra.

Отмечу также справедливость ремарки автора данного параграфа монографии о том, что «незнание народом элементарных основ православия и наличие о нем искаженного представления способствуют успешной реализации информационно-психологических атак» [с. 263]. По крайней мере, эта ремарка относится и лично ко мне: всю последнюю главу я читал с наибольшим интересом и увлечением, т.к. именно из нее я узнал много неизвестного мне ранее о православии и РПЦ, что оказало влияние на мое отношение к ней. За это автору моя личная

благодарность.

Далее в книге подробно анализируются многочисленные посягательства на церковно-славянский язык, который тоже выступает в качестве мишени ИПВ. В книге приводятся конкретные неоспоримые доказательства этих посягательств, которые, конечно же, неизвестны современному поколению, особенно молодому, граждан России. В этом смысле данный раздел выполняет функцию ликбеза, т.е. просветительскую функцию, за что также надо поблагодарить автора соответствующего параграфа монографии.

Автор категорически и убедительно возражает против обновления языка богослужений, т.к. обновление значительно снижает возвышенную стилистику и сакральность всего богослужебного процесса. С этим мнением невозможно не согласиться. Нельзя также не согласиться с тем, что старославянский язык оказывает положительное влияние на современный русский язык и его функционирование, обогащает его лексико-фразеологически. Это, в свою очередь, повышает общую культуру речи, которая очень снизилась за счет медийного дискурса и интернет-дискурса, особенно в эстетическом отношении, что отмечается многочисленными исследованиями [Шаховский 2007: 40-45; Сковородников 2013: 347-356].

Представляется сомнительным призыв автора реанимировать и вернуть в стилистику современного русского языка ряд церковно-славянских номинаций. Изменилось время, изменился культурный дискурс. Научно-технический прогресс также наложил свои многочисленные отпечатки на систему русского языка. Поэтому реанимация архаизмов, не соответствующих общему тренду семиотической динамики русского языка, вызовет их неприятие и неживляемость в современных коммуникациях.

В кратком заключении [с. 308-309] авторы еще раз подчеркивают, что ИПВ является как внешней, так и внутренней агрессией против России, ее языка, ее лидера и ее духовности. Это необходимо объяснять всему миру и гражданам нашей страны, в чем авторы, несомненно, правы и достойны всяческой поддержки.

Наряду с отмеченным, обращаю внимание на некоторые возражения авторам монографии: как, на мой взгляд, положительные, так и вызывающие сомнение и дискуссию. Повторю еще раз: несомненный плюс книги – неоднократный возврат ее авторов к главному концепту «лидер нации» как к идеологеме. Приводятся аргументы в пользу его ценности, как положительные, так и отрицательные, через приводимую открыто критику «домашней» и «внешней» оппозиции [с. 7, 131, 133, 135, 143, 144, 152].

Такой добросовестный подход позволяет читателю сопоставить положительную ценность данной мишени ИПВ с точки зрения внутрirosсийской и зарубежной прессы, а также ее критики аналогично – с точки зрения внутреннего и внешнего оценивания. Мне представляется, что такая объективность впервые представлена в научной публикации монографического типа.

Авторы берутся за пока неразрешимую проблему о разграничении понятий нации, государства, этноса и самоидентификации [с. 156 и др.]. Как мне показалось, они с этой задачей не справились, но хорошо уже то, что они в очередной раз подняли эту проблему. В современном мире эта проблема является острозаточенной и очень болезненной, как внутри нашей страны, так и за ее пределами.

Много страниц книги посвящено нашей духовной скрепе – великому русскому языку и его изменению во всех видах общения. Чувствуется боль авторов и их переживания по поводу тех негативных процессов, которые происходят в нашем языке. Приводится цитата из Н.В. Гоголя о величии русского языка [с. 166], которая контрастирует с оценкой современного русского языка как в самой стране, так и за ее пределами: репутационная составляющая его очень низка. На это указывают процессы перехода с кириллицы на латиницу (даже в бывших братских советских республиках) и отказ от преподавания русского языка в зарубежных странах и государствах. А ведь русский язык продолжает оставаться одним из мировых языков.

Я не согласен с однозначным мнением автора раздела монографии об М. Эпштейне. Я давно цитирую его изобретения в лексике и фразеологии русского языка, которые я назвал креотемами [Шаховский 2016б: 324-333]. Да, он уехал из страны, как и некоторые другие выдающиеся лингвисты и лингвофилософы. Да, он критически оценивает то, что происходит в нашей стране. Не он один. Авторы монографии назвали также Зиновьева, Шишкина и Быкова. А можно было бы назвать и десяток других авторов и сатириков. Среди оппозиционных СМИ также можно было бы назвать не только «Эхо», но и «Дождь», «РБК», «Новую газету», «Ведомости», «Известия», «Советскую Россию», «Коммерсант» и многие другие, а также плеяду «живых гвоздей» – оппозиционеров. Это увеличило бы масштаб критического осмысления внутри внешнеполитической и культурно-экономической жизни страны.

На этом фоне личность Эпштейна-оппозиционера значительно меркнет. Его роль в воздействии на современный русский язык я вижу прежде всего в том, что он расширил границы словопроизводства (словообразования и словопреобразования) русского языка через внедрение в его систему блендинга. Должен заметить, что еще в 90-х годах прошлого века журналисты широко использовали языковую игру в названии своих статей. На эту тему написано много диссертаций и даже монографий [Санников 2002]. Как правило, они были посвящены проблемам экспрессивизации и усиления стилистической окрашенности с целью их фасцинации и прагматики. Мне тогда еще неизвестна была фамилия Эпштейна, но у меня тоже есть статьи и диссертации на эту тему.

М. Эпштейн действительно спровоцировал процессы игры с языком и языковой игры. С тех пор она получила широкое распространение в силу своей карнавальности, развлекательности, эмоционализации общения всех видов, вплоть до научного дискурса. Этот процесс затребовало само время общения людей, которое возвратило лозунг Хейзинга: «Живи, играя». Так что не виноват, по-моему, М. Эпштейн в разрушении русского языка, ибо он его не разрушает, а глобализует. А глобализация – всемирный универсальный процесс: благодаря ему общение стало интереснее и включилось в глобальный коммуникативный тренд всемирной аккультурации.

Могу также провести параллель между ролью М. Эпштейна и ролью американизмов в порче русского языка, о которой столько было криков в нашей отечественной лингвистике в конце прошлого и в самом начале нынешнего века. Но американизмы повысили общую культуру устной и письменной речи, особенно

в процессах компьютеризации и интернетизации России. А всё вредное русский язык сам отбросил от себя точно так же, как в прежние века произошло с немецким и французским языками. Поэтому повторю: данный автор рецензируемой монографии недостаточно справедлив в своей критике в адрес М. Эпштейна, крупнейшего русского лингвофилософа [с. 173, 178, 185, 186, 187, 188 и др.].

В связи с этим считаю необходимым напомнить авторам монографии, что не все критики и оппозиционеры не являются патриотами нашей Родины. Каждый из них хотел бы, чтобы она жила лучше. А вот их методы критики не всегда адекватны. Не зря существует понятие «лжепатриот»: на словах такие люди – патриоты, а на деле – наоборот. Свидетельством чему являются бесчисленные аресты чиновников властных структур, которые все должны являться патриотами.

Кратко остановлюсь на некоторых других моментах, влияющих на восприятие читателями мыслей и идей про ИПВ авторов данной монографии. Отмечу высокий научный уровень их презентации, экспрессивную тональность стилистики монографии, глубокую убежденность авторов разделов в своей правоте (аргументации). Книга читается, в основном, легко, но не всегда и не везде. Так, во многих местах книги был замечен тяжелый синтаксис [с. 133, 266, 171, 172], обилие цитат, использование авторами местоимений то «я», то «мы» и др.

Отмечу как плюс небоязнь авторов монографии цитировать нелицеприятную критику руководства страны, правительства по конкретным внутриэкономическим и политическим фактам в публикациях оппозиционных СМИ. Этим самым авторы пытаются в отличие от многих официальных СМИ представить действительную современную реальность в мировидении различных представителей гражданского общества. И тут же авторы монографии показывают несостоятельность этой критики, что, правда, не всегда звучит убедительно.

На фоне общего мирового тренда экологизации общения и лингвистической реальности неэкологичной коммуникативной практики мне кажется несправедливым, что именно красноярские авторы не уделили должного внимания проблемам неэкологичного использования языка в ИПВ. Возможно, что авторы по данной проблеме планируют выпуск отдельного тома своих исследований, что соответствовало бы общему интересу современной лингвоэкологии, в том числе и эмотивной [Эмотивная лингвоэкология 2013]. Я абсолютно уверен, что и информация, и пропаганда, и контрпропаганда могут и должны вестись в экологичных терминах, через экологичный язык и стиль (не опуская этических норм).

Примечательно, что данная книга является креолизованным текстом как с экологичными, так и неэкологичными фоторепродукциями [с. 116 – стриптизер, 118 – фашингтон, 119 – Псахи, 124, 126, 127 – Яценюк, 141 – Путин и Саркози, 142 – Путин и Обама и др.]. Этот факт повышает привлекательность книги. Повышают такую привлекательность и иллюстрированные креатемы: эпонимы в функции обзывалок, прозвищ и т.п. [с. 123].

Заключая свои размышления о выходе несомненно интересного и полезного исследования, необходимо отметить громадный добросовестный труд авторского коллектива, его желание представить объективную картину ИПВ сегодняшнего дня, ее объемный исторический очерк. Читатель несомненно получит панорамную

картину ИПВ, отражающую дух, а также ее материальность.

Положительным в книге является постоянное стремление авторов воздействовать на читателя с помощью различных стилистических средств: эпитетов, сравнений, метафор, образов [с. 75, 9, 10, 13]. Авторы по ходу анализа событий и фактов постоянно объясняют используемые новые терминопонятия, дают свои толкования, свои рабочие определения [например: демагогии – с. 67, лести – с. 68, тактики и стратегии – с. 78, 143, 237, патриотизма – с. 81, идеологемы – с. 133, концепта – с. 133, рефрейминга – с. 141, переидентификации – с. 168, национальной безопасности – с. 172].

Рецензируемая коллективная монография выполнена в двух современных научных парадигмах: коммуникативной и политической лингвистиках.

Прочтение монографии и критики оппозиции в адрес состояния русского языка, экономики и медицины страны вызывает у читателя естественный вопрос, который, к сожалению, не находит ответа в несомненно полезной и своевременной монографии красноярских ученых: не пора ли пересмотреть заново Закон о современном русском языке и его экологии? Можно надеяться, что данная проблематика получит свое дальнейшее исследование и презентацию перед научной общественностью.

Считаю, что не только научная общественность, но и журналисты всех СМИ найдут много полезного и интересного в рецензируемой монографии и будут искренне благодарны ее соавторам.

Литература

Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: диссертация. Волгоград, 2014. 430 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2002. 552 с.

Сквородников А.П. Конфликт этического и эстетического в художественных и публицистических текстах как проблема эколингвистики (субъективные заметки) // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. 2013. С. 347-356.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград, 2016а. 504 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016б.

Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Мир русского слова. 2007. № 1-2. С. 40-45.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.

Эпштейн М.Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитное общество // Знамя. 2007. № 3. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamja/2007/3/ep18.htm> (дата обращения 14.05.2016).

References

Volkova, YA.A. (2014) Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive Communication in Terms of Cognitive Discourse]. Volgograd, 2014. 430 P. Print. (In Russian).

Sannikov, V.Z. (2002) Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. 2-e izd. [The Russian Language as a Reflection of Language Game] YAzyki slavyanskih kul'tur. 552 P. Print. (In Russian).

Skovorodnikov, A.P. (2013) Konflikt eticheskogo i esteticheskogo v hudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh kak problema ekolingvistiki (sub)ektivnye zametki [A Conflict between Ethic and Aesthetic Aspects in Literary and Journalistic Texts as an Ecolinguistic Object]. «Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike» [Human Communication: From Emotions Categorization to Emotive Linguistics], 347-356. Print. (in Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2016) «Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii» (monografiya) [Circle of Communication and Its Ecolinguistic Dissonant] Volgograd. 504 P. Print. (In Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2016) Kreatemy v modeli yazykovogo soznaniya russkikh [Createmes in the Russian Language Consciousness]. ZHurnal «Voprosy psiholingvistiki» [Journal of Psycholinguistics] Moscow. Print. (In Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2007) «Unizhenie yazykom v kontekste sovremennogo kommunikativnogo prostranstva» [Humiliation by Language in the Context of Modern Communication]. «Mir russkogo slova» [Journal of Applied Science World of the Russian Language] Vol.1, 2, 40-45. Print. (In Russian).

Huizinga, Johan (1997) «Homo Ludens» Moscow: Progress — Traditsiya. 416 P. Print.

Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve (2013) [Emotive Lingvoecology of Modern Communication] Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». 450 P. Print. (In Russian)

Epshteyn, M.N. (2007) O tvorcheskome potentsiale russkogo yazyka. Grammatika perekhodnosti i tranzitnoe obshchestvo [On Creative Potential of the Russia Language]. Znamya [Literary and Socio-political Journal] 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamja/2007/3/ep18.htm> (retrieval date: 14.05.2016)

Yazyk i ekologiya: kommunikativnaya praktika [Language and Ecology journal] Krasnoyarsk: KGU. 2014, 2015, 2016, 2017. Printed. (In Russian).